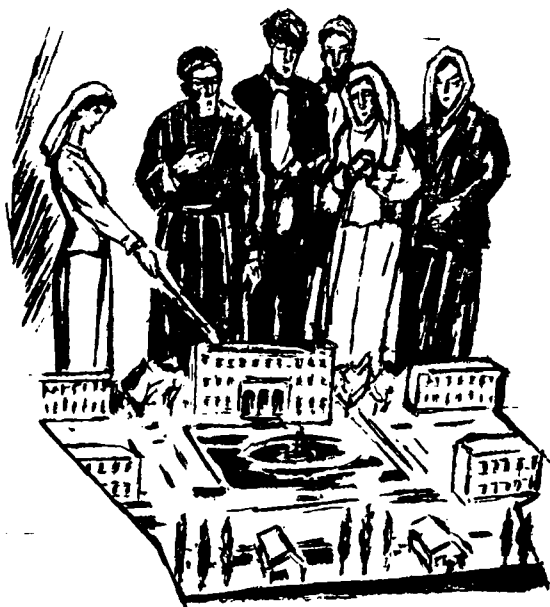

Ульмас
УМАРБЕКОВ

ЗЕЛЕНАЯ ЗВЕЗДА

Перевод А. Орлова

Как не заплакать в небе
Жаворонку степному?
Как не поведать об участи
Бедной Гюльчехры?

Из песни

Давным-давно, в незапамятные времена, люди называли падишаха Муслима человеком мудрым и справедливым. Земли его были обширны и плодородны, города богаты, народ при нем жил мирно и зажиточно. Но не было у падишаха наследника. Это волновало и тревожило не только властелина, но и всех его подданных.

Проходили годы. И вот на склоне лет, когда владыка совсем уже отчаялся иметь детей, родился у него сын. Падишах, будучи вне себя от радости, повелел устроить невиданный пир. Сорок дней и сорок ночей пировал его народ. На сорок первый день он собрал всех своих ученых и мудрецов, предоставил им возможность полюбоваться наследником, которого он держал на коленях, и, по обычаю, попросил умных людей предсказать судьбу своего сына.

Мудрецы потупили головы, молчали... Падишах был немало удивлен.

— Что же вы молчите? — нетерпеливо спросил властелин.

Долго ждал он ответа, долго стояли молча мудрецы. И вдруг поднял голову и заговорил самый старый и самый мудрый из них, Сукрот Хондамир:

— Мой падишах, эти люди, которые, потупившись, стоят перед тобой, моложе меня. Я глубокий старик, никто не помнит времени, когда я явился на свет, и мне кажется, я испытал все в жизни, кроме смерти. Но я не хочу умирать. Если помилуешь, я попробую предсказать судьбу твоего сына.

— Говори.

И промолвил старый мудрец:

— Твоему сыну в этом мире не будет равных. Он превзойдет всех. Когда ему исполнится два месяца, он сможет делать то, что делает двухлетний ребенок, в два года его сила и разум будут подобны силе и разуму двадцатилетнего юноши. А в пятнадцать лет он объявит себя владыкой всех людей. Очень много бед он натворит, очень много горя причинит людям. И поэтому вторую половину жизни он будет только страдать...

— Палача! — крикнул падишах и прижал к груди своего маленького сына. Ребенок вдруг запустил ручки в седую бороду отца и вырвал большой клоч волос.

— Вот первое подтверждение моих слов! — печально сказал старый мудрец.

Но падишах не внял ему. Мудреца увели палачи.

Прошло время. Наследник рос не по дням, а по часам. Падишах не мог на него налюбоваться, радовался каждому его слову, каждому движению. В своей слепой любви он словно бы и не замечал, что наследник, замороженный своей красотой, силой и разумом, презирает всех людей, в том числе и своего отца...

Однажды ясным солнечным утром внезапно заколебалась, задрожала земля, и в один миг цветущее царство превратилось в развалины. Потом все небо над головой закрыла огромная черная туча. И столько воды пролилось из этой тучи, что начался потоп. Сильный ветер носил на гребнях волн людей и громадные деревья. Под толстым слоем бурлящей воды остались города, поля и горы. Когда стих ветер, падишах и его сын обнаружили, что они изо всех сил цепляются за доску, едва выступающую из воды. Слишком мала была доска. И сын сказал падишаху:

— Отец, ты должен умереть. Ты жаждал моего появления на свет. И теперь сделай так, чтобы я жил.

С этими словами он своей сильной рукой оттолкнул падишаха от доски. И падишах Муслим погрузился в пучину...

А сын его благополучно добрался до неведомого берега. Собрались люди, подивились на человека, вышедшего из моря. И тогда он объявил себя их владыкой. Однако недолго он правил этим народом. От жестокостей, творимых им, половина людей умерла, а другая половина разбежалась. И остался сын падишаха Муслима в одиночестве.

Жил он долго, но уже никакой радости не испытывал ни во сне, ни наяву. Он только мучился, страдал и раскисался до конца своих дней, как предсказал ему старый, мудрый Сукрот.

По преданию, такие люди рождаются раз в сто лет...

В предрассветной мгле сторож Сулейман-ата обходил строительную площадку новой гостиницы. Внезапно он заметил неподалеку от себя женщину в белом платье, лежащую на широкой бетонной плите. Женщина лежала ничком, раскинув руки.

Старик рассердился.

— Уж коли ты женщина, — проворчал он, — зачем тебе надо было так напиваться?

Он подошел к ней поближе и обмер. То, что он увидел, было ужасно. У женщины, можно сказать, не было головы. Только черные волосы и кровь, много крови... Глаза Сулеймана-ата расширились, он попятился. А потом повернулся и со всей скоростью, на какую был способен, побежал к своей будке, к телефону.

Вскоре подоспела милиция — один в штатском, двое в милицейской форме. Сулейман-ата повел людей к тому месту, где лежала женщина, и все повторял:

— Она там... мертвая... мертвая!..

Кроме этих слов, он ничего не мог произнести.

И по телефону старик не сумел сказать больше. Он шел спотыкаясь, крупные слезы катились по его щекам, незаряженная винтовка, которую он держал за дуло, то и дело ударялась прикладом о камни.

— Она там... мертвая, мертвая, — показал он рукой на тело.

Милиционеры подошли к бетонной плите и остановились. А старик чуть не наступил на туфельку, лежащую в пыли. Он поднял ее, сдул с нее пыль. Туфелька была белая, с золотым ремешком, на высоком каблучке. Сулейман-ата осторожно приблизился к плите и наклонился, чтобы надеть туфельку на ногу женщины. В это время его строго окликнули:

— Откуда вы это взяли? Отнесите на место!

Сулейман-ата отскочил, словно мальчик, опустил туфельку в пыль и выпрямился. Человек в штатском вынул

фотоаппарат и стал снимать. Однако Сулейман-ата не смотрел на него. Глаза старика были прикованы к маленьким часикам на левой руке женщины. Часики показались ему знакомыми. И вдруг Сулейман-ата задрожал всем телом и крикнул:

— Гюльчехра! Это Гюльчехра!

Ноги у старика подкосились, и он упал на землю. Когда старик пришел в себя и открыл глаза, то увидел над собой тех же милиционеров и еще человека в белом халате.

— Я... я ее... знаю,— проговорил Сулейман-ата, пытаюсь встать.— Я знаю ее...

— Отец, успокойтесь, вы можете говорить яснее? — спросил кто-то.— Когда вы в последний раз видели эту женщину?

Сулейман-ата приподнялся и сел на край плиты.

— Я видел ее вчера. Она сюда приходила...

— В какое время?

— Вечером. Она приходила вечером, уже поздно было. Я спросил у нее, сколько времени. Она ответила, что сейчас без пятнадцати двенадцать. Да, так она и сказала — без пятнадцати двенадцать... О аллах, как такое могло случиться?..

— Отец, возьмите себя в руки, расскажите все по порядку, вы понимаете, как это важно,— сказал человек в штатском.

Сулейман-ата покачал головой, как бы выражая свое согласие. И рассказал все, что знал. Вчера вечером он, как всегда, обошел строительную площадку почти готового здания. Днем внутри гостиницы шли отделочные работы. Сулейман-ата даже посидел немного на этой бетонной плите, которая оказалась лишней. Какая-то компания с транзистором остановилась у забора. Сулейман-ата поморщился. Днем он не отдыхал дома от шума, который подымали его резвые внуки. Старик с досадой встал с места. Зашел к себе в будку и поставил чай. Сколько с того момента прошло времени, он не знает. Помнит только, что выпил два чайника фамильчая.

А потом чей-то силуэт промелькнул в окне.

«Кого это носит в такой поздний час?» — старик помянул шайтана и, приоткрыв дверь, выглянул наружу.

— Здравствуй, отец! — послышался в темноте женский голос.

— Ты кто?

— Это я, Гюльчехра...

Сулейман-ата узнал молодую женщину и вышел ей навстречу. Она была архитектором, автором проекта этой гостиницы. Сулейман-ата уже месяц как караулил строительную площадку и за это время видел ее раз пять-шесть, говорил с ней. Однако архитектор Гюльчехра Саидова никогда не приходила в такой поздний час.

— Что, дочь моя, не спится? — спросил старик.

— Скучно мне стало. Вышла погулять, прошлась немного по улицам. Сулейман-ата! Как вы думаете, понравится здание людям?

Гюльчехра явно волновалась, нервничала.

Сулейман-ата попробовал ее успокоить:

— Дочь моя, еще как понравится! Гостиница будет самым красивым зданием в городе. О аллах, сделай так, чтобы век твой, доченька, был долгим!

— Спасибо, ата.

— Да, уж можешь мне поверить. Сулейман-ата не врет. Люди будут хорошо о тебе думать. Это уж точно. Гостиница будет местом радости.

— Да сбудутся ваши слова, ата.

Молодая женщина призадумалась. А Сулейман-ата посмотрел какими-то новыми глазами на здание, и показалось ему, что оно похоже на громадную птицу, распростершую широкие крылья. Старик даже удивился вслух:

— Ты погляди только, гостиница-то словно полететь собирается!

Молодая женщина не ответила. Она еще постояла в раздумье, а потом исчезла в темноте. Сулейман-ата немного подумал, окликнул ее раза два. Гюльчехра не отозвалась. «Наверно, ушла», — решил он и пошел к себе в будку. Старик снова захотел чаю.

После этого он до самого рассвета никого не видел, ничего не слышал.

— Она упала сверху, с балкона пятого этажа, — сказал ему милиционер в штатском.

Сулейман-ата закрыл лицо руками, заплакал.

— И почему я не поднялся тогда наверх?.. Почему не поискал ее? Эх, Сулейман-ата, Сулейман-ата, глупый ты старик...

Ни в здании гостиницы, ни на строительной площадке не нашли никаких данных, подтверждающих версию об убийстве.

Гюльчехра упала с неогороженного балкона пятого этажа, перила там установить не успели. И было неясно

только одно: случайно она упала, может, она оступилась — темно ведь было,— или же бросилась вниз сама. Следователь как раз над этим и раздумывал.

К часу дня в милиции уже знали, что Гюльчехра родилась в Коканде. Среднее образование получила в родном кишлаке Мингбулаке. Потом стала заочно учиться в политехническом институте. По ее проекту строится здание кафе «Ешлик» («Молодежное»).

Ректор института сказал только, что она была очень талантливая и скромная девушка.

— Может, ее кто-то обидел? — спросили у него.

— Нет,— ответил ректор.— Во всяком случае, в институте никто ее не обижал.

В таком же духе отвечали и секретарь партийной организации института, и преподаватели.

2

Скорый поезд Андижан — Ташкент точно по расписанию прибыл в столицу республики. Встречавшие и приехавшие длинным шумным потоком устремились к зданию вокзала. Когда перрон опустел, в дверях третьего вагона показался Абдулла. Он медленно спустился вниз. Абдулла не спешил, потому что не знал, что делать, куда идти. Рассеянно поглядывая по сторонам, он добрался до привокзальной площади и долго стоял там у фонтана, все смотрел на струйки воды, стекавшие по разноцветным плитам. Потом направился в сторону Дворца железнодорожников. Обойдя дворец, вышел на какую-то аллею. Уже начинало смеркаться. На скамейке перед фонтаном, напоминавшим раскрытую коробочку хлопка, сидели двое аксакалов и тихонько говорили о чем-то.

Их лица показались Абдулле такими умиротворенными, спокойными, что теперь больше всего на свете ему захотелось посидеть так же, как эти старики, тихо и мирно. И он стал искать укромное местечко. Абдулла прошел аллею до конца и возле самой ограды увидел зеленую скамейку. Перед ней пять-шесть воробьев и пара голубей азартно клевали хлебные крошки. Птицы, занятые своим делом, не обращали внимания на то, что уже наступил вечер. Они даже не заметили появления человека. Абдулла тяжело опустился на скамейку. И лишь тогда почувствовал страшную усталость. Эта история с Гюльчехрой перевернула всю его душу. Что же произошло? Почему она погибла? Зачем ей было умирать?.. Абдулла замотал голо-

вой, сморщился, как от боли. Неужели он теперь всю жизнь будет так мучиться? Нет, это невозможно.

В глазах у него зарябило. Абдулла испугался. С силой провел рукой по лицу — не помогло. Подумал, что это сейчас пройдет, исчезнет, откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. Однако теперь перед его закрытыми глазами стали происходить и вовсе странные вещи. Бешено закружились, завертелись похожие на патефонные пластинки маленькие железные колечки! «Наверно, давление поднялось, — промелькнуло у него в голове. — Но этого не может быть, ведь я молод! Значит, я с ума сошел», — решил Абдулла и неожиданно издал хриплый крик.

— Что с вами, молодой человек? — услышал он чей-то участливый голос.

Абдулла поднял голову и увидел высокого старика, сидевшего недавно со своим товарищем напротив фонтана. Когда только он успел подойти?

— Наверное, задремали и увидели страшный сон?

— Да, вы правы, — смущенно сказал Абдулла и тихо поднялся с места.

— Выпейте холодной воды, это помогает, — посоветовал аксакал.

— Спасибо.

Абдулла вытер лицо платком и, волоча ноги, пошел по аллее обратно.

Когда он добрался до улицы Карла Маркса, там уже горели фонари. Вся улица была отдана во власть пешеходов. Вечером машины по ней не ходили. Как и во всех других городах, центральная улица в Ташкенте по вечерам становилась местом отдыха, местом встреч.

Абдулла медленно ступал по краю тротуара и пытался не смотреть на людей. Ему ни с кем не хотелось встретиться.

Вдруг кто-то легонько взял его за локоть. Однако Абдулла не обернулся.

— Здравствуйте, — раздался звонкий голосок.

— Кого это шайтан принес? — прошептал Абдулла.

— Вы не узнали меня? — удивился голосок.

Абдулла обернулся. Девушка стояла рядом, улыбаясь, сверкая ровными белыми зубками. На боку у нее висела синяя сумка Аэрофлота. В маленьких ушах весело поблескивали клипсы в виде листочков. Абдулла узнал эти клипсы, где-то он их видел, может, в магазине? А вот девушка... Нет, никак он не мог ее припомнить... Одет

просто: белая блузка, темная короткая юбка. Симпатичная — стройная, талия тонкая, высокая грудь.

Абдулла все смотрел, смотрел и, наконец, смутившись, протянул ей руку.

— Вы одна?

— Как видите. Я с работы иду, — сказала девушка и подала ему свою мягкую ручку.

Абдулла хотел было прямо спросить ее: «Где вы работаете?» — но удержался и, стараясь быть спокойным, произнес:

— У вас так поздно кончается работа?

— Нет, это сегодня пришлось сделать лишний рейс.

Теперь Абдулла ее узнал. Не напрасно носит она сумку Аэрофлота. Девушка была стюардессой. Один раз он летел в ее самолете в Коканд.

— Что будем делать?

Девушка пожала плечами, она все время улыбалась. «Это у нее профессиональное, что ли, — подумал Абдулла и решил про себя. — Если я ее отпущу, умру один с тоски». Он взял девушку под руку и сказал:

— Заглянем сюда.

Они зашли в кафе. Народу было немного. Абдулла кивнул на столик, стоящий в углу:

— Подойдет?

— Да, пожалуй.

Подошла официантка, и Абдулла заказал ужин. Девушка развеселилась, разговорилась, порой заливалась смехом, что-то шептала ему на ухо. Абдулла понял только одно: он так понравился девушке, что она стала даже его разыскивать. И вот сегодня — подумать только! — такая удача. «Нет, вы можете мне объяснить, почему вы так мне понравились?» — с прежней улыбкой выпрашивала девушка.

Но Абдулла больше не слушал ее, он опять думал о своем: «Неужели это правда, что она разбилась? Неужели это правда, что ее теперь нет и не будет?» Как ни старался он себя обмануть, ничего не получалось. Гюльчехра погибла. Ее нет в живых. Абдулла вздрогнул. Он поднял голову, огляделся по сторонам. В зале никого не было, кроме официантки, прибирающей столы. А где же девушка? Неужели он не заметил, как она ушла?

Абдулла вздохнул, закрыл глаза. Почти в тот же миг, как тогда, на скамейке, появились маленькие вращающиеся железные колечки. Странно, теперь Абдулла уже не испугался. Привык, наверно. Он даже усмехнулся. Аб-

дулла все всматривался и всматривался в эти колечки. Оказывается, они разноцветные: одни белые, другие зеленые.

Все это продолжалось долго, но Абдулла вовремя открыл глаза: к столу подходила девушка, по-прежнему сверкали ее ровные белые зубки, весело поблескивали клипсы в ушах.

— Где вы были? — спросил Абдулла.

— Я ходила причесываться. Ну как, теперь лучше?

Никаких изменений в ее причёске Абдулла не заметил. Тем не менее он улыбнулся и сказал:

— Лучше.

И, не ожидая ответа, наполнил бокалы.

— Не много ли? — спросила девушка. — Я живу далеко...

— Не бойтесь.

— Мне некого бояться: я живу одна.

Девушка спокойно смотрела на него, и Абдулла, смутившись, опустил голову.

— А если я вас провожу?

Она рассмеялась и ответила:

— Можно и проводить.

Когда они вышли из кафе, народу на улице уже побавилось. Навстречу им во всю ширину тротуара шла большая компания студентов, считавших, очевидно, что теперь весь город принадлежит им. Однако они посторонились, пропустив девушку с ее спутником. Абдулла, не желая идти дальше по этой улице, свернул в переулок, остановил такси.

Девушка в самом деле жила довольно далеко, они ехали около получаса. Такси остановилось перед длинным четырехэтажным домом.

— Обрато вы поедете в этой же машине? — спросила девушка.

— Нет, я поеду не в этой, — невнятно произнес Абдулла, расплатился с водителем и вышел из такси.

Они поднялись на третий этаж.

— Вот, я живу здесь... — прошептала девушка.

Абдулла ничего не ответил...

Когда он уже выходил из квартиры, девушка поцеловала его и сказала, нахмурившись:

— Абдулла, запомни мое имя. Тамара...

Он быстро спустился вниз. На улице тишина, не видно ни людей, ни машин. Абдулла немного постоял около подъезда. Чувствовал он себя еще хуже, чем раньше, на

душе было мерзко. «Ладно, что было, то было,— подумал он и сплюнул на тротуар.— Теперь этого не исправишь». Приблизившись к троллейбусной остановке, Абдулла заметил возле фонарного столба человека, стоявшего к нему спиной. Абдулла кашлянул. Однако человек не повернул головы.

— Простите, пожалуйста, сколько сейчас времени? — спросил Абдулла.

— У меня нет часов,— ответил незнакомец, не меняя позы.— Все же приблизительно могу сказать. Сейчас начало третьего.

— Неужели? — удивился Абдулла.— Тогда... почему же вы здесь стоите?

Незнакомец наконец повернулся:

— А вам это обязательно нужно знать?

Абдулла пожал плечами:

— Нет, я просто подумал, что и вы ждете троллейбус.

— Вы ошиблись. Скажите, есть у вас закурить?

— Найдется.

Абдулла вытащил из кармана пачку сигарет и протянул человеку. Они закурили. Незнакомец тяжело вздохнул, выпустил колечко дыма, и затем сообщил:

— Я жду свою жену.

— Она так поздно приходит? — Абдулла сам не понимал, что заставляет его поддерживать этот разговор.

— Теперь, наверно, она уже не придет,— сказал незнакомец.

— Почему же?

— Мы с ней поссорились, вот она и ушла. Давно уже ушла, еще засветло. А сейчас вон уже сколько времени...

— Не расстраивайтесь, может, она еще и придет...

— Нет, не придет. Когда она раньше уходила, я всегда знал, где ее искать. Или сидит на берегу Анхора, или идет на улицу Карла Маркса. А сегодня я ее не нашел.— Незнакомец опустил голову.— Нет, теперь она не придет...

— Ну что вы, она ведь замужняя женщина, куда она денется, вернется...

— Я сам виноват,— незнакомец вытер глаза кулаком,— натерпелась она от меня. И сегодня сильно ее обидел. Не знаю уж, отчего возникла ссора. Мы сидели мирно за обедом, и все было хорошо. Потом одно резкое слово, другое, третье... Тут уж она и не выдержала, должно быть. Сказала мне: «Дело не в том, ученый ты человек или неученый, дело в том, чтобы стать человеком. Человеком стать нелегко». Эти слова задели меня. Я крикнул бранное сло-

во. Даже, кажется, поднял на нее руку. Сейчас уже не помню... Вот и ушла. Сама-то она хорошая... Плохую-то я бы давно выгнал. Люблю я ее. И дети у нас. Двое. Правда, дети от моей первой жены, но она любит их как своих. Завтра день ее рождения. Я даже подарок приготовил. Вот посмотрите.

Он вытащил из нагрудного кармана и протянул Абдулле маленькую коробочку. В ней были серьги с крошечными бриллиантами.

— Ну как?

— Отличный подарок, — сказал Абдулла, закрывая коробочку и возвращая ее незнакомцу.

— Вы не обратили внимания? На обороте надпись: «Маленькой Саиде от твоего неуклюжего Умара». Как только мастер сумел вывести такие мелкие буквы! А теперь все это ни к чему... Зачем это мне теперь?

Внезапно незнакомец насторожился, выпрямился, далеко отбросил сигарету и побежал по улице с криком:

— Саида! Саида!

Абдулла с удивлением глядел ему вслед. Убедившись через некоторое время, что троллейбус не придет, он медленно направился в сторону центра. Вдруг он услышал чей-то счастливый смех. Из-за поворота вышел тот самый незнакомец с миниатюрной женщиной на руках. Лицо она спрятала на груди у мужа.

— Вот и хорошо, — тихо сказал Абдулла, проходя мимо них.

Незнакомец остановился:

— Молодой человек! Приходите завтра к нам. Прямо к обеду, часам к трем. Вот наш дом, видите?

— Спасибо.

— Обязательно приходите! — крикнул незнакомец вслед Абдулле. — Не пожалеете. У меня такая хорошая семья, всех увидите!

Абдулла шел по пустынным улицам и думал об этом пожилом человеке. «Вот он теперь счастлив, — думал Абдулла. — Почему же его жена сказала: дело не в том, ученый ты или неученый, надо быть человеком, а человеком, мол, стать нелегко. Но так ли это? Значит, выходит, что ученым стать легко? Ерунда какая-то. Все мы люди. А вот ученым стать трудно. Не все могут стать учеными. Вот моя статья о космических лучах напечатана в «Вестнике Академии наук». Но стану ли я настоящим ученым? Я хорошо учился, получил диплом с отличием. Вот скоро буду работать... Но где работать? Что теперь будет?»

Эти вопросы он задавал себе еще в Ленинграде, когда получил страшную весть...

Абдулла поймал себя на том, что у него опять начинают путаться мысли...

Его мать, Шаходат-хола, совсем заждалась сына. Услышав наконец звонок, она бросилась к двери.

— Ты что так задержался?

— Задержался поезд, — ответил Абдулла. Он старался держаться непринужденно.

— Будь проклят этот поезд, я уже чуть с ума не сошла.

Шаходат-хола, шаркая домашними туфлями, отправилась на кухню. Абдулла зашел в свою комнату, снял пиджак, развязал галстук, швырнул его в нишу и рухнул на тахту. Когда мать принесла в касе разогретый суп, он уже спал.

— Да буду я твоей жертвой, ни кровинки в лице! — Шаходат-хола поставила касу в нишу и накрыла сына одеялом.

Абдулле приснилось, будто он сидит во дворе под яблоней. В руках у него книга. Он не знает, что это за книга. Но читает с увлечением. Только дошел до середины, яблоня превратилась в Гюльчехру. Гюльчехра улыбается и подходит к Абдулле.

«Вот и я здесь, — говорит она. — Мы теперь будем читать вместе».

С этими словами она обвивает руками шею Абдуллы и начинает душить. Абдулла пытается закричать, но не может издать ни звука.

«Ты не бойся, не бойся, — говорит Гюльчехра. Она отнимает руки, отходит от него. — Теперь ты свободен, слышишь, свободен».

Потом она исчезает. Абдулла вздыхает с облегчением и опять берется за книгу.

«Ах ты, проклятый, ах ты, поганец! Так вот ты где!» — слышит он во сне чей-то знакомый голос.

Абдулла поднимает голову. Перед ним с кетменем в руках стоит отец. Он в белой рубашке и шароварах. Вот он поднимает кетмень, Абдулла вскакивает, бежит от него. Отец гонится за ним. Пять-шесть раз обегают они двор. Наконец Абдулла выбивается из сил, бросается к яблоне и карабкается вверх по стволу, к верхним ветвям. Отец прыгает, хватается за ветку, на которой сидит Абдулла, и кричит ему: «Вот видишь, все равно от меня не убежишь!» Ветка с треском ломается, Абдулла падает на землю и кричит во весь голос:

— Мама, Мама!!!

Очнувшись, Абдулла увидел, что лежит на полу — упал с тахты. В комнату вбежала Шаходат-хола:

— Что, сынок, что случилось?

— Не знаю, — сказал Абдулла, поднимаясь с пола. — Кажется, я видел плохой сон...

Шаходат-хола взяла чайник из ниши, плеснула себе воды на ладонь, брызнула в лицо сына. Потом принесла пиалушку:

— На, выпей. Ехал бы сразу домой, что тебе нужно было делать в Коканде?

Абдулла присел на тахту рядом с матерью.

— Ты ходил на кладбище?

— Да, — ответил Абдулла и отвернулся.

И Шаходат-хола, увидев, как дрогнули его плечи, вдруг поняла, что ее сын плачет.

3

Несколько лет назад, в знойный летний день, молодой человек стучался в ворота дома под белой железной крышей, стоявшего на окраине кишлака Мингбулак. Было очень жарко. Белая поплиновая рубашка молодого человека прилипла к лопаткам, платок, подложенный под воротник, был мокрый насквозь, хоть отжимай. Он то и дело стирывал кончиками пальцев капли пота со лба.

Открывать ему не спешили, и молодой человек, переложив тяжелый чемодан из руки в руку, поднажал на дверь плечом. Новая, с резным узором дверь отворилась со скрипом. Он зашел в маленький квадратный дворик. Сури — деревянный помост возле дома — был пуст. Справа по каналцу, сложенному из кирпича, струилась вода и выливалась в цветник. Молодой человек подошел вплотную к виноградику и только теперь заметил на веранде старуху, сидящую за маленьким столиком — хантахтой. Глаза старухи были закрыты, тонкие губы, испещренные черточками морщин, шевелились, коричневые пальцы перебирали четки.

— Бабушка, — тихонько, чтобы не напугать ее, произнес парень.

Старуха открыла глаза и уставилась на молодого человека:

— О аллах! Никак, это ты, Абдулла?

— Это я...

Абдулла опустил чемодан на землю и поднялся на террасу.

— Ах ты, славный мой, смотри как вытянулся! Ах ты, милый мой, да буду я твоей жертвой! Вот и дождалась я тебя, дождалась! — Старуха с ловкостью, несвойственной ее возрасту, выскочила из-за хантахты. — Абдулла! Как же это я тебя не признала! Сижу себе, дремлю... Все ли в порядке? Как дела, сынок? Ты один приехал или еще с кем? Как отец, мать, живы, здоровы?

Абдулла очень любил свою старую, добрую бабушку, часами, не скучая, слушал ее рассказы.

Старуха постелила новый ковер на веранде и, усадив Абдулла, все спрашивала, спрашивала... Абдулла не успевал отвечать и только улыбался. На этот раз он пришел в Мингбулак один. Теперь он вольная птица, потому что закончил школу с золотой медалью. Вот мать и нагрузила полный чемодан гостинцев и отправила его к бабушке одного. Абдулла почти каждое лето две-три недели гостил в этом кишлаке вместе со своей матерью — Шаходат-хойлой. Однако вот уже два года, как отец его лежит больной, два года не было здесь и Абдуллы.

Бабушка Ходжар-буви души не чаяла в своем внуке. Когда он приходил с улицы после возни с кишлачной детворой и она замечала на нем царапину, то поднимала на ноги весь кишлак, устраивала шумный скандал. У нее самой было двое детей. Дочь Шаходат и сын Абид — дядя Абдуллы. Бабушка жила вместе с этим сыном. Иногда приезжала она к дочери в город, но больше двух дней прожить там не могла: ей досаждали городской шум и хлопоты, она чувствовала себя не в своей тарелке.

Бабушка Ходжар-буви, несмотря на свою старость, все еще держалась независимо, самостоятельно. Сама ведала хозяйством, частенько покрикивала на сына, исправляла его недоделки. Молясь, говорила: «Чтобы один человек нуждался в другом человеке, о аллах, не допусти этого!»

В кишлаке ее называли «Атын-биби» или же «Завод-ая». Абдулла знал, почему бабушку зовут Атын-биби. Она была начитанной женщиной, знала на память много дастанов — поэм. В молодости в подражание Анбаратын она написала даже несколько газелей. А вот почему бабушку зовут Завод-ая, об этом Абдулла узнал сравнительно недавно.

Когда Ходжар-буви исполнилось восемнадцать лет, на руках у нее уже была маленькая Шаходат. И вот вдруг мужчин стали забирать в мардикеры — поденщики. Ее

муж Мирхалик работал в Мингбулаке на хлопковом заводе, принадлежавшем известному кокандскому богачу Дусимбаю. Мирхалик был парень ладный, высокого роста, плечистый, крепкий. После того как забрали из кишлака в мардикеры человек двадцать, попал в список и Мирхалик. С тех пор он помрачнел, словно держал по ком-нибудь траур. Три дня не выходил из дому, на четвертый рано утром поцеловал в лоб спящую Шаходат, погладил жену по голове, засунул за голенище кинжал и ушел куда-то. Этот кинжал с костяной рукояткой подарил ему товарищ — участник улака — козлодрания на свадьбе. Ходжар-буви поняла по виду мужа, что может произойти какое-то несчастье, однако не остановила его. Разве можно преградить дорогу мужчине, когда он на что-то решился?! В тот день Мирхалик вернулся домой в полночь, сказал жене: «Постели постель», вытянулся во всю длину возле хантахты и заснул. Ходжар-буви поутру чистила ему одежду и на правом сапоге увидела свежее кровавое пятно. Ближе к полудню кто-то принес весть: «Убили мингбаши¹, труп нашли в коровнике Дусимбая!» Ходжар-буви внимательно посмотрела на мужа, который работал кетменем в винограднике. Однако Мирхалик не выпрямился, не вздрогнул, он вел себя так, словно не имел никакого отношения к этому делу. Через два дня власти схватили восьмерых кишлачных парней, в том числе и Мирхалика. Куда их повели, что с ними сделали, никто об этом ничего не мог сказать. Месяца через два в овраге, под горой Шахимардан, нашли пятнадцать трупов. Вот где и отыскиались пропавшие без вести семеро конвойных стражников и восемь джигитов из кишлака Мингбулак.

Второго ребенка Ходжар-буви родила уже после смерти Мирхалика. Мальчик сильно походил на отца, у него был такой же выпуклый лоб, такой же длинный разрез глаз. И вот, чтобы всегда помнить о добрых днях, прожитых с мужем, Ходжар-буви дала сыну имя Абид — «Память». Уже спустя неделю после рождения Абида она пошла работать на завод — сушить, очищать хлопок вместо своего мужа.

Однажды по всему кишлаку пронесся слух, что на завод прибывает хозяин, сам Дусимбай-ата. Заводскую территорию подмели, полили водой. Бай подъехал в красивом фазтоне, его подхватили под руки, помогли сойти на землю. Обходя свой завод, Дусимбай заметил Ходжар, которая

¹ Мингбаши — должностное лицо, чиновник.

с ребенком за спиной очищала хлопок. Ему объяснили, кто она такая. Бай, уставившись на Ходжар, произнес:

— Этой бедняге и так живется несладко, такая черная работа ей не подоает.

Ходжар приходилось слышать о том, что баи — грубые, жестокие люди, и теперь она в смущении наклонила голову, увидев перед собой любезного, улыбающегося, незлого на вид человека лет сорока пяти, одетого в парчовый халат. Уходя из цеха, бай снова почтил Ходжар своим вниманием:

— Дайте ей легкую работу. Дочь моя, особенно не утруждайте себя...

Бай не поехал в Коканд, ночевать он остался в селении, в своем кишлачном доме. На следующий день, только показавшись на заводе, он сразу вызвал к себе в кабинет Ходжар.

— Ваш муж очень сильно провинился, — сказал бай, не глядя на молодую женщину, которая стояла перед ним на коленях. — Однако есть на свете справедливость. Вот аллах и покарал его. Вы еще молоды, дочь моя, я слышал, у вас двое детей. Вам нужно хорошо их воспитать. С этого дня я сам буду справляться о том, как вы живете. Да может вам аллах! А меня можете считать за отца. Что скажете?

— Спасибо, бай-ата, — произнесла Ходжар, у которой от жалости к себе катились по лицу слезы.

— А плакать не надо. Возьмите вот это. Золото возвышает человека, облегчает ему жизнь. — И бай вытащил из кармана пятирублевую золотую монету. — Берите, дочь моя. А людям скажете, что деньги дал ваш бай-ата. Берите.

Ходжар робко протянула руку из-под чадры и взяла монету. В жизни она не видела таких денег. Ходжар не знала, что и сказать. Дусимбай пристально смотрел на нее.

— А теперь я вас попрошу заварить чаю и принести сюда. Хорошо? Я люблю крепкий чай.

Ходжар поднялась с коленей и вышла во двор. «Нет, этот бай не такой, как о нем говорят, — думала она. — Он помогает бедным, значит, хороший человек».

Когда Ходжар с чайником в руках вошла в кабинет, Дусимбай сидел на постели-курпаче и длинным складным ножиком затачивал карандаш.

— Уже готово? Вот хорошо. Ну-ка подойдите поближе, налейте своей рукой! А то, если я сам налью, боюсь, невкусно будет. Тогда и пить незачем.

Ходжар осторожно присела возле хантахты. Два раза немного отлила из чайника в китайскую пиалу и вылила обратно. Потом снова наполнила тонкую посуду дымящимся душистым напитком и с поклоном протянула Дусимбаю. С каким-то странным выражением в глазах он наблюдал за каждым ее движением.

— Что вы так стесняетесь, дочь моя?..

С этими словами он неожиданно притянул Ходжар к себе и обнял ее. Чай выплеснулся на халат и курпачу. Ходжар опешила, растерялась. Бай сорвал с нее чадру.

— Что вы делаете, бай-ата! — крикнула Ходжар.

— Ничего особенного, дочь моя, ничего особенного...

Задыхаясь, он пытался повалить ее на постель. Сердце Ходжар чуть не разорвалось от обиды и отвращения. «Так вот какой этот бай-ата, вот зачем дал деньги бедной вдове!» Поняв, что вырваться из его объятий не удастся, Ходжар высвободила руку, нашарила лежащий на хантахте ножик и вонзила его в горло бая. Он захрипел и разжал руки.

Ходжар выбежала за дверь и только тут осознала, что произошло. Она остановилась как вкопанная. Подошедшим людям Ходжар показала рукой в сторону кабинета. Дусимбая нашли уже мертвым. Он лежал в луже крови, в горле у него торчал нож... Поднялся крик, шум. В общей суматохе какой-то добрый человек увел Ходжар с собой.

Полгода прятали ее, перевозили из кишлака в кишлак, из дома в дом, от соседа к соседу. Власти так и не дознались, кто виноват в смерти Дусимбая.

После того как в Коканде установилась Советская власть, Ходжар-буви снова стала работать на заводе. Вскоре ее избрали директором. Та самая злополучная комната бая стала теперь ее рабочим кабинетом. В этом кабинете она несколько раз встречалась с Юлдашем Ахунбабаевым — первым президентом Узбекистана. Двадцать лет проработала директором Ходжар-буви, а потом уступила этот пост одной молодой образованной девушке. С чьей-то легкой руки, давно еще, с тех пор как Ходжар занялась государственными делами, стали называть ее Завод-ая. Ходжар-буви это нравилось, но историю с Дусимбаем она хотела бы выбросить из своей памяти. Абдулла раньше часто приставал к бабушке: «Расскажи да расскажи», но она каждый раз говорила: «Лучше не вспоминать про этот страшный сон». Другие люди удовлетворили любопытство Абдуллы, рассказали ему о Ходжар-буви, боевой женщине, государственном деятеле.

И вот теперь он прислушивается к ее словам, внимательно смотрит на нее, замечает, что на ее лице за эти два года появились новые морщины. Абдулла удивлялся, что его бабушка до сих пор все еще крепка и подвижна.

После короткой молитвы Ходжар-буви расстелила достархан, заварила чай и присела рядом с внуком:

— Ах ты, внучек мой, Абдулла, дитя мое! Так вот, значит, тебя одного ко мне отпустили! Взрослый стал, совсем взрослый! Скажи-ка мне теперь, как здоровье отца?

— Спасибо, ему лучше, — ответил Абдулла. — Уже не так мучится. Он вам привет передает.

— Пусть будет он здоровым. Откуда только эта хворь к нему пристала? Бог даст, совсем поправится... А ты расскажи, как у тебя со школой-то. Закончил?

— Закончил. С золотой медалью.

— Ах ты, дорогой, я ведь от тебя другого и не ждала! Все же, наверно, трудно было, а?..

Абдулла передал ей гостинцы. Ходжар-буви прослезилась и еще раз прочитала молитву, благодаря бога за внука.

— А где же дядя? Где Абид-ака?

— Твой дядя в больнице: жена у него рожает, — Ходжар-буви тяжело вздохнула. — Не знаю, как будет на этот раз, — у каждого смертного свои печали, сынок. Четверо детей у них было, и все померли в родильном доме. О аллах, не дай свершиться новому несчастью! Сделай так, чтобы все было благополучно.

Ходжар-буви опустила голову, на минуту забыла про своего внука. Абдулла сидел тихо, опасаясь помешать ее мыслям. Но вот она встрепенулась, поднялась с места:

— Что же это я только чаем тебя угощаю? Ты ведь с дороги и поесть хочешь. Я сейчас приготовлю.

— Не беспокойтесь, бабушка, я сыт, — сказал Абдулла.

— Какое же может быть беспокойство? Сейчас подойдет твой дядюшка, а ты пока немного отдохни, полежи. Ступай в мою комнату.

Однако Абдулла еще долго сидел на террасе. Он был счастлив, что приехал в кишлак.

Во дворе, на ветке груши, ворковал голубь, у очага суетилась бабушка. Абдулла ощутил знакомый с детства едкий дым гузапай¹, улыбнулся и направился в комнату Ходжар-буви. Комната была большая, квадратная, с четырьмя нишами. В нишах стояли разноцветные большие

¹ Гузапая — сухие стебли хлопчатника.

и маленькие шкатулки, множество кас, чайников, пиал, надо всем этим висели на катушках выглаженные и надушенные полотенца. Окнами комната выходила на север, лучи солнца сюда не заглядывали, поэтому летом здесь всегда можно было насладиться приятной прохладой.

Абдулла вытянулся на холодном бекасамовом одеяле — курпаче. И сразу же ощутил запах мяты от мягкой пуховой подушки. Он раскинул в стороны руки и закрыл глаза. Во дворе все еще ворковал голубь, по временам слышался треск горячей гузапаи. «Как хорошо, что я сюда приехал», — успел подумать Абдулла и задремал со счастливой улыбкой на лице. Все у него было впереди. Он кончил школу, сдал экзамены, жизнь широко открывалась перед ним...

Его разбудил какой-то шум во дворе. Абдулла сладко потянулся, поднялся с курпачи и подошел к окну. Возле очага его дядя Абид-ака обнимал бабушку и говорил густым басом:

— Сын, мама! Сын! Живой! Живой!..

Абдулла метнулся во двор:

— Здравствуйте, дядя!

Абид-ака отпустил мать, обернулся на голос.

— Да это Абдулла! Вот молодец, приехал! Слушай, племянник, у тебя двоюродный братец появился!

— Поздравляю! — сказал Абдулла и пожал дяде руку.

— Эй, Абид, да видел ли ты своего ребенка? — спросила Ходжар-буви. Она в это время закладывала в котел морковь.

— Видел. Темненький комочек. Похож на щеночка, — ответил, улыбаясь, Абид-ака.

— Ты не огорчайся! Уж коли темненький, значит, нашего рода. Ведь недаром говорят: девочка родится похожей на мать, а сын — на отца.

— Мне все равно, на кого похож, только бы рос здоровый, матушка!

— Да сбудутся твои слова, Абид. Поставь-ка самовар, у меня вот-вот плов будет готов.

Абид-ака возился с самоваром, что-то напевая вполголоса. Внезапно он выпрямился:

— Послушай, матушка! А как мы его назовем?

— Откуда мне знать, вы уж сами придумайте, — сказала Ходжар-буви, не глядя на сына. В этом доме все починалось ей: то, что она говорила, было законом.

Всем своим будущим внукам, сыновьям Абида, она заранее выбирала имена, и домашние беспрекословно со-

глашались с ней. Однако малюткам это не помогало. На этот раз Ходжар-буви решила про себя: если родится сын, назвать его Тохтасин, а если дочь — Умриниса. Но у нее язык не повернулся сказать об этом своем решении Абиду.

— Откуда мне знать? Вам виднее, — повторила она.

— Тогда... — Абид подмигнул племяннику, — назовем его Абдуллой.

Ходжар-буви подошла к ним со стороны очага.

— Пусть будет, как ты сказал, — произнесла она со слезами в голосе. — Аминь! Пусть век моего внука будет долгим. Не роняйте чести дома. Будьте чуткими, заботливыми, цените и уважайте друг друга!..

Ходжар-буви провела масляными руками по лицу, кончиками пальцев вытерла влажные глаза. Абдулла был растроган...

Вскоре весь двор заполнили соседи и знакомые. Люди поздравляли с новорожденным, шутили, давали всякие советы, наставления:

— Завод-ая! Теперь тебе придется раскрыть свой железный сундук, раскошелиться. Одним только бешик-тоем¹ не отделаешься.

— Да что говорить! У Завод-ая в сундуке столько добра, что хватит на десять бешик-тоев!

— Вот и нам по этому случаю достанется по платью в подарок, не так ли, Атынай?

— Вам бы только болтать! — отвечала Ходжар-буви. — Кому какое дело до моего сундука?

— Это намек, чтобы вы его с собой не забрали, — сказала одна молодая женщина.

— Чтоб у тебя язык отсох, Бувиниса! — Ходжар-буви как будто даже всерьез рассердилась. — А я-то для тебя приготовила свой парчовый халат. Теперь жди! Ведь я еще собираюсь женить своего внука!

— Да сбудутся ваши слова, Завод-ая! Пусть ваш внук растет здоровым и крепким.

Женщины еще потараторили, посмеялись, а потом разошлись. Ходжар-буви, занятая разговором, и не заметила, как подгорел плов в казане.

— Да уж ладно, завтра вы сварите другой плов, — сказал Абид-ака. — А мы с племянником перепелок настреляем. Что скажешь на это, Абдулла?

— Вот было бы здорово! — обрадовался парень. — Я ведь еще ни разу не был на перепелиной охоте.

¹ Бешик-той — торжество в честь рождения ребенка.

— Ну и хорошо, значит, в новинку будет. Только встать придется пораньше. Да, вот еще какое дело. Ведь у нас одно ружье на двоих. Ничего?

— Ничего...

Абдулла поднялся на веранду бабушкиного дома. И мысли его, как свежий воздух Мингбулака, были чисты.

4

Абид-ака разбудил племянника перед рассветом:

— Ну что, пойдешь?

— А то как же! — бодро ответил Абдулла. Сказать-то он это сказал, но вставать не хотелось. Когда он спустился во двор, Абид-ака был уже одет в старый, латаный-перелатаный халат, на ногах у него были резиновые сапоги.

— Вон там одежда для тебя, — дядя показал на веранду. — Да и ботинки твои ни к чему, сейчас на клеверном поле роса, промокнешь в два счета.

Абдулла наспех плеснул в лицо водой, промыл глаза и взлетел на веранду. Там он надел потертый комбинезон с большими карманами и кирзовые сапоги. Комбинезон был ему великоват.

Абид-ака посмотрел на племянника и расхохотался:

— Да, теперь ты похож на настоящего тракториста!

— А это мне идет?

— Еще как!..

Ходжар-буви подала им в узелке завернутое в лепешки мясо из вчерашнего плова.

— Может быть, мы прямо сейчас и поедем? — спросил Абдулла. — А то я как будто уже есть захотел.

— Нет, надо спешить, — ответил Абид-ака. — Мы там позавтракаем. В этом есть своя прелесть. Ты как находишь?

— Ну что ж, ладно.

— Только не задерживайтесь, Абид, — сказала Ходжар-буви. — Ведь передачу надо Зухре отнести. Я приготавливаю для нее ширгурунч¹.

— Хорошо.

Только они подошли к воротам, Абид-ака крикнул:

— Тешабай!

Откуда ни возьмись подбежала к ним небольшая рыжая собака с длинными висячими ушами.

Абдулла удивился:

¹ Ш и р г у р у н ч — рисовая молочная каша.

— Дядя, а почему у нее человечесье имя?

— Э, племянник, это целая история, — принялся объяснять Абид-ака. — Есть у меня один друг-друг. Его хлебом не корми, только дай поохотиться. Вот он мне щеночка-то и подарил. — Абид-ака покругил головой, рассмеялся. — Однажды прихожу к нему домой, вижу, он у себя во дворе занимается с собаками. А их у него целых четыре штуки. Да еще какие! Прикажешь им, к примеру, льва задрать — задерут! Да... Но этого мало. Еще три щенка по земле ползают! В тот день только глаза открыли. Стал я его просить-умолять отдать одного щенка. Ни в какую. «Не дам, говорит, и все тут». Уперся. Только через месяц выклянчил наконец. Так он чуть не заплакал, чужак. Взял щенка на руки, поцеловал его в нос. А я все боюсь, как бы он не передумал, не переменял своего решения. Ласково ему так говорю: «Слушай, друг Тешабай, не печалься...» Только это вымолвил, как песик повернул ко мне мордочку и стал смотреть на меня. Мы оба с другом рассмеялись. «Ну что ж, забирай», — сказал он и протянул мне щенка. «А какую кличку ты дал собаке?» — спросил я. «Ведь ты же сам сейчас назвал его Тешабаем», — ответил он. Вот так с тех пор и повелось — Тешабай, друг.

Пес услышал свое имя, замотал белым хвостиком, вытянул в сторону Абид-ака тоненькую темную мордочку.

— Иди, иди, иди, я тебя не звал, — сказал Абид-ака, указывая рукой на дорогу. — Хорошая собака. Ты еще посмотришь ее в деле.

Вскоре охотники свернули на тропинку, огибающую яблоневую рощу. Первые лучи солнца протянулись к ним из-за вершины горы. Яблоневые листья, уже начинавшие желтеть, засияли, словно золотые монеты.

Километра через два они вышли к большому арыку, сразу за которым росла кукуруза. Плотной стеной стояли высокие стебли, увенчанные крупными початками с красноватыми шелковистыми кисточками. Потом охотники миновали большое хлопковое поле. И наконец Абид-ака снял с плеча ружье.

— Вот мы и пришли.

Перед Абдуллой расстиралось бело-розовое море клевера.

— Давай-ка посидим немного, сейчас начнется, — промолвил Абид-ака.

Абдулла не понял, что хотел сказать дядя. Что же, в самом деле, «сейчас начнется»? А спрашивать постеснялся.

Кругом было тихо, даже птицы не пели. Легкий ветерок заставлял покачиваться круглые, кудрявые клеверные головки, от них исходил сладковатый аромат. Но вот Тешабай встрепенулся, высунул язык, проводил глазами шумную стайку воробьев, пролетевшую над зарослями кукурузы, заскулил тихонько, и Абид-ака погладил его по голове. И опять наступила тишина.

Абдулле надоело все это, и он спросил:

— Долго мы здесь будем сидеть?

— Тсс! — Абид-ака приложил палец к губам.

Со стороны кишлака послышалось мычание коровы. Потом издали, со стороны хлопковых полей, несколько раз донеслись звуки: гувак-гувак. Лягушка, что ли? Посидели еще немного, и наконец Абдулла услышал перепелиное «пид-пилик». Голос был высоким и чистым.

— Слушай! — толкнул племянника в бок Абид-ака.

И в самом деле, вот и еще громче, все отчетливее: пид-пилик, пид-пилик — перепелки перекликались уже по всему клеверному полю.

— Ну что, начнем? — спросил Абид-ака.

— Подождем еще немного.

Пид-пилик, пид-пилик. Абдулла думал об этих небольших птицах, которые выводили высокие трели, не чувствуя приближающейся опасности.

— Пора. Потом будет поздно. И люди здесь могут появиться. Стрелять опасно, — сказал Абид-ака, однако не тронулся с места.

Перепелиный хор зазвучал поглуше. Лишь кое-где слышались редкие высокие звуки.

— Пора.

Абид-ака поднялся, держа в руках ружье. Тешабай погрузился в клевер по самую шею. Сделав широкий полукруг, собака вернулась к хозяину.

— Пиль! — приказал Абид-ака.

Тешабай побежал вперед. Абид-ака поправил пояс, с которого свисали тесемки, и обратился к Абдулле:

— Ты должен идти рядом со мной. Не обгоняй и не отставай. Понятно?

— Хорошо, — сказал Абдулла, ступая по влажному клеверу. — А много мы настроляем?

— А сколько нужно?

— Да, наверное, пять-шесть?

Абид-ака рассмеялся.

— Пять-шесть настролять можно... А то и...

Он недоговорил, приложил ружье к плечу и выстрелил. У Абдуллы уши заложило. А к Абида-ака бежала уже собака, держа в зубах перепелку со свисающими вниз крыльями. Тешабай явно был доволен собой, вилял хвостом.

— К ноге,— сказал Абида-ака и хлопнул ладонью по колену.

Перепелка была еще жива. Абида-ака вынул ее из пасти собаки и подвязал к поясу. Перепелка трепыхнулась раза два и затихла.

— Жирные они нынче,— заметил Абида-ака, заряжая ружье.— Это на твое счастье.

Абдулла не ответил. В первый раз он был на охоте. Он раньше предполагал почему-то, что охотник после выстрела берет в руки добычу, уже переставшую быть живым существом. А тут... Он отвел взгляд от маленькой окровавленной птичьей головки, разможенной дробинками. «Надо же. Перепелка только что пела свое «пид-пилик»,— думал он,— а теперь она уже не будет петь. Теперь ее оциплют, выпотрошат и сварят вместе с пловом. Кто будет есть? Я не стану есть...»

— Что ты там делаешь? Почему отстаешь? — кричал Абида-ака.

Занятый своими мыслями, Абдулла и не заметил, что дядя от него отдалился. Охота была в самом разгаре. У Абида-ака и Тешабая все шло как по маслу. Тешабай делал стойку, потом по знаку хозяина продвигался немного вперед, птица взлетала, гремел выстрел, и перепелка падала. Тешабай бросался к ней, Абида-ака в это время перезаряжал ружье. Потом он хлопал ладонью по колену, и собака приносила ему убитую птицу. Абида-ака оказался хорошим стрелком, он бил перепелок влет наповал, и Абдулла перестал испытывать неприятное чувство.

Между тем солнце незаметно поднялось выше, золотистые лучи заливали всю округу. Послышался чей-то крик, потом вдалеке затарахтел трактор. Для колхозников начинался новый день, полный труда и забот. Легкий ветерок принес со стороны кишлака знакомую песню. «Наверно, по радио передают»,— подумал Абдулла. Звуки песни накладывались на голоса перепелок, все вместе звучало как-то по-новому. Абдулла забыл про охоту, всем сердцем прислушивался он к этой странной музыке, звеневшей над клеверным полем. Песня вскоре смолкла.

И снова грянул выстрел.

— Ну, как ты там считаешь, сколько уже? — кричал Абид-ака.

Дядя и племянник сошлись на берегу арыка.

— Ого! — сказал Абдулла. — Я вижу, вы много настреляли...

— Вот, считай.

Абид-ака отстегнул ремень со свисающими перепелками и передал племяннику:

— Сегодня их много. Настреляем еще столько же, и хватит. А ну-ка, Тешабай, вперед, ищи!

Абдулла пересчитал дичь. Всего было одиннадцать перепелок!

Когда они во второй раз обошли клеверное поле, Абид-ака подстрелил еще четыре штуки. Он был в отличном настроении.

— Слушай, племянник, давай теперь подзакусим немного. Самое время позавтракать. Ведь у нас в узелке мясо из плова. Ты как, не против?

Они снова подошли к арыку.

— Давай вот здесь и присядем, — предложил Абид-ака. — Ну как, хороша охота?

— Хороша.

— Сменю-ка я свою профессию, стану охотником.

— А вы до сих пор работаете на тракторе?

— Бери выше. Я сейчас руковожу трактористами.

— Стало быть, растете, — сказал Абдулла невнятно. Он уплетал мясо.

— Еще как расту! Для того чтобы стать бригадиром, мне потребовалось десять лет. Значит, если и дальше так удачно дело пойдет, через двадцать лет я стану председателем колхоза!

Абдулла рассмеялся.

— Работа у меня хорошая, — продолжал Абид-ака серьезным тоном. — В колхозе у нас тридцать тракторов. Зимой и летом они тарахтят, не простаивают. Вот и доходы идут. Я скоро машину куплю. Если у Зухры все обойдется благополучно, сын будет здоров, мы все сядем в машину и объездим всю республику — вот у меня мечта какая! Здесь у нас прекрасные места, с одной стороны — Арсланбобские леса, с другой — Чимган... На машине-то это просто доехать, только ее надо купить... Работа у меня неплохая, племянник. Плохо то, что я не учился, — Абид-ака вздохнул. — Еще на войне решил: если уцелею, обязательно буду учиться. Однако потом передумал. Сразу после войны трудно было, хозяйство подорвано, рабочие руки

вот как нужны, а в кишлаке, можно сказать, мужчин-то раз-два и обчелся. Тогда председателем был прекрасный человек — Манноп-ата. Умер он три года назад. Ты хоть видел его?

Абдулла отрицательно покачал головой.

— Да, Манноп-ата... Вот это был раис! Он своего здоровья не жалел, чтобы только колхоз побыстрее встал на ноги. Когда я вернулся с войны, он целую речь передо мной произнес. Говорил, что учеба никуда не денется, подойдет время, и станешь ученым. И пословицу привел: мол, ученым быть легко, человеком стать трудно. Кто в колхозе будет работать? Настоящий человек это сразу поймет. «Оставайся, браток», — сказал мне раис, и я остался. Столько было работы, что я и думать забыл про учебу. Теперь поздно. А сам ты что собираешься делать? Будешь работать или учиться?

— Буду учиться, — ответил Абдулла и смутился почему-то. — Хочу поступить на физмат.

— Дельно, — сказал Абид-ака. — Математику любишь?

— Да.

— Дельно. Учись, племянник, учись. У твоей матери вся надежда на тебя. Как отец-то себя чувствует?

— Ему лучше.

— Дай бог ему поправиться. Какую он болезнь-то имел? Гипер... гм... как это называется?

— Гипертония.

— Гипертония, — повторил Абид-ака. — Будь проклята эта хворь. Помню, года три назад он сюда приезжал. Сколько он тогда у нас прогостил, неделю, что ли?

— Неделю.

— На охоту с ним вместе ходили. Вон туда, — показал Абид-ака на край хлопкового поля. — Твой отец — настоящий стрелок, очень редко промахивался. Вот и настреляли мы тогда что-то около ста перепелок. А уж вечером такой плов приготовили, половину добычи в плов положили, а из другой половины шашлык сделали. Тогда твой отец и не вспоминал о болезнях.

Абид-ака призадумался. Машинально вынул из кармана смятую папиросу, закурил.

— Люблю я твоего отца. Много он добра мне сделал, женил, дружкой был на свадьбе.

— А вы приедете к нам погостить? — спросил Абдулла.

— Приеду. Вот Зухра вернется из роддома, и приеду. Вместе с перепелками.

— Ему их есть нельзя.

— Ну, скажешь тоже, парочку-то, наверное, можно... Ладно! Встанем, что ли, продолжим? Еще разок обойдем поле, и хватит. Эй, Тешабай, Тешабай, ты где?

Пес вынырнул из клевера, подбежал к хозяину.

И все началось сначала. Светило солнце, гремели выстрелы. Но только теперь Абдулла уже не отставал от дяди и вдруг даже «ура!» крикнул, когда Абиду-ака удалось подстрелить сразу двух перепелок.

Внезапно послышался протяжный крик арбакеша, и на дороге показался фургон, нагруженный арбузами. Абид-ака опустил ружье.

— Теперь стрелять уже опасно, — буркнул он.

Арбакеш, оказавшийся молодым парнем, подъехал поближе, поздоровался, спросил:

— Ну, как охота?

Абид-ака ответил скромно:

— Да вот, всего-то штук двадцать настроляли.

Парень окинул взглядом груды перепелок, улыбнулся недоверчиво:

— Да тут у вас больше! А вы пить не захотели, охотнички?

Он позвал Абдулла и протянул ему большой арбуз:

— Вот бери, бери, самый вкусный... Да, кстати, Абид-ака! Поздравляю с сыном!

— Спасибо.

— Теперь вам уж придется закатить плов из отборного, девзираинского риса. Да с перепелками.

— Отведаеть моего плова, Хамид. Это уж точно.

Арбакеш поехал дальше по дороге, Абдулла же с арбузом в руках пошел за дядей к рыку.

— Жажда замучила, давай-ка съедим арбуз прямо здесь, чего там еще нести его куда-то. — И Абид-ака на ходу достал из кармана складной нож.

Присели. Только Абид-ака вонзил острие в зеленую корку, как арбуз треснул. Красная сочная мякоть арбуза была на вкус сладка и прохладна.

— Вот и родниковой воды не надо, — заметил Абид-ака.

Один большой ломоть он дал Тешабаю. Пес завилял хвостом и стал есть арбуз. Да еще и семечки выплевывал!

Абдулла удивился:

— Никогда не видел, чтобы собака арбузы ела. Вот это да! Он у вас молодец.

— А ты думал!.. — Абид-ака хотел было еще что-то сказать, похвалить собаку, но в это время со стороны кукурузного поля послышалась высокая трель перепелки. Абид-ака так и замер с ломтем арбуза в руке. Абдулле показалось, что перепелка выводила теперь по-новому, как-то особенно отчетливо: «Так-тарак, так-тарак, так-тарак...» Абид-ака поднялся с места.

— Куда? — спросил Абдулла. Азарт охоты прошел, и ему не хотелось, чтобы и эта певунья была убита.

Тешабай по движениям хозяина догадался, что он намерен делать, и стремглав бросился в кукурузу.

— Дядя, не надо в эту стрелять! — сдавленно крикнул Абдулла. Горло у него перехватило.

Абид-ака не расслышал. Все произошло очень быстро. Тешабай сразу нашел перепелку и заставил ее подняться в воздух. Грянул выстрел. Перепелка тут же нырнула вниз, в заросли кукурузы. Собака побежала отыскивать дичь.

— Дядя, отзовите собаку! — закричал Абдулла.

Абид-ака хлопнул по колену, окликнул Тешабая. Тот нехотя остановился. Тут и подоспел Абдулла:

— Дядя, ну зачем вы в нее стреляли?

— Ты бы сказал пораньше... — смущенно промолвил Абид-ака. — Похоже, дробинка только задела крыло...

Абдулла углубился в заросли кукурузы. Из одного ряда он перебрался на другой, на третий, на четвертый, но перепелки нигде не было видно. Он двинулся дальше, внимательно осматривал междурядья. Раздвинув в очередной раз стебли, Абдулла вдруг увидел шагах в десяти от себя девушку в белом платье и белой косынке. Она стояла, склонив голову, и держала в ладонях подранка. Абдулла подошел поближе.

— Живая перепелка? — спросил он.

— А если бы не живая, вы бы очень расстроились? Мало вы их настреляли, и эту надо было подбить? — сердито сказала девушка, не глядя на парня.

— Я тоже не хотел, чтобы ее убили, — виновато произнес Абдулла.

Девушка подняла голову, и Абдулла обомлел.

— Гюльчехра?

— Ой, так это ты... Это вы!.. — чуть не вскрикнула девушка и машинально свободной рукой потянула вниз подол платья.

«Как она изменилась! — пронеслось в голове у Абдуллы. — Была девчонка, угловатая, худая, кожа да кости,

а теперь... вы только посмотрите на нее! Красавица... Чистое тонкое лицо, большие удлинённые черные глаза, светящиеся мягким светом. Густые сросшиеся брови, нос с едва заметной горбинкой...» Полные губы девушки слегка дрожали, она была смущена неожиданной встречей.

Наверно, прошла целая вечность, прежде чем Абдулла заговорил. Он перевел взгляд на перепелку, кашлянул.

— Ее можно вылечить?

Внезапно на лице девушки выступил румянец.

— Наверно, можно, у нее крыло задето. Посмотрите сами. У бедняжки сердце так быстро бьется. Испугалась.

С этими словами Гюльчехра протянула к нему руку. На ладони лежала перепелка, мигая маленькими бусинками глаз...

— Она так хорошо пела,— сказал Абдулла.

— Да, очень хорошо,— оживленно поддержала его девушка,— я даже остановилась, заслушалась...

Она поправила косынку, наклонилась и подняла с земли небольшую корзину, наполненную кукурузными початками.

— Это для отца,— пояснила девушка.— А вы их любите?

Гюльчехра опять почему-то покраснела.

— Мой отец любит,— ответил Абдулла.

— Абдулла! Эй, Абдулла! — послышался голос дяди.

Абдулла не отвечал, он, улыбаясь, смотрел на девушку, раздумывая, что бы ей еще такое сказать. Ему совсем не хотелось уходить.

— Вас зовет дядя,— сказала Гюльчехра и протянула Абдулле перепелку.— Можете ее взять.

— Теперь она ваша.

— Почему же это?

— Вы отыскали ее, вот она и ваша.

— В таком случае я возвращу ее вам, когда она поправится.

Абдулла рассмеялся.

— Ну, теперь пойдём? — спросила Гюльчехра.

— Пойдем.

Абдулла поднял корзину и пошел вслед за девушкой. Осторожно раздвигая стебли, они выбрались из кукурузы и подошли к Абиду-ака, сидевшему на берегу арыка. Абид-ака сказал весело:

— Ну молодец, племянник! Вот так птицу поймал...

— Ну что вы, дядя... — смутился Абдулла.

— Как эта перепелка-то, жива? — спросил Абид-ака.

— У нее крыло задето, — ответила девушка.

— Гюльчехра собирается ее подлечить, — пояснил Абдулла, оправившись от смущения.

Они двинулись в обратный путь. Впереди шел Абид-ака, то и дело поправляя ружье за спиной. Молодые люди немного отстали. Долго шагали молча. Гюльчехра заговорила, когда они подошли к самому кишлаку.

— Кстати, я поздравляю вас.

— С чем поздравляете? — удивился Абдулла.

— С медалью.

Абдулла переложил корзину из руки в руку.

— Спасибо. Откуда вы узнали?

— Об этом весь кишлак знает, — Гюльчехра улыбнулась. Очень красивая у нее была улыбка. Абдулла невольно залюбовался девушкой.

— Дальше мне налево, через мостик... — Гюльчехра опустила глаза.

Абдулла протянул ей корзину.

— А мне когда вас поздравить?

— Можете хоть сейчас. Я ведь тоже закончила школу.

— Неужели? — Абдулла покраснел. — Простите, я забыл. Сколько времени не виделись...

— Два года, — подсказала Гюльчехра. — Естественно, вы могли забыть.

— Простите.

— Ничего особенного. Вечером у нас в школе праздник. Приходите.

— Спасибо...

Гюльчехра, легко ступая, направилась к мостику. На сгибе руки, касаясь тоненькой талии, висела корзина, в другой руке у нее была перепелка. Абдулла долго смотрел вслед девушке.

5

«Как это она сказала? Да так и сказала: «Прошло два года, вы, естественно, могли забыть меня». Значит, она не забыла его, Абдулла. А не то разве стала бы считать, сколько они не виделись? Кто бы мог подумать, что она станет такой красавицей! В детстве-то они вроде дружили, бегали вместе, озорничали... А давно ли это было? Отец Гюльчехры — хороший друг Абид-ака, они в войну два года прослужили в одной части. Рассказывали, Ганишер-ака в молодости был парень буйный, за словом в карман не лез, драться любил. А как вернулся с войны в родной

кишлак да женился, так другим стал. То ли фронт его сделал таким, то ли жена, во всяком случае, в кишлаке долго удивлялись, отчего это он такой тихий да смирный. Ганишер-ака стал бригадиром хлопкоробов. Работал он хорошо и лет пять назад стал Героем Социалистического Труда.

Гюльчехра в детстве напоминала отца, была отчаянной девчонкой. Ни в чем не уступала она кишлачным мальчишкам. Чуть не каждый день приходила с улицы разлохмаченная, в ссадинах и царапинах. Мать бранила ее, а Ганишер-ака гордился дочерью. И Гюльчехра чувствовала себя свободно, понимая, что отец не даст ее в обиду.

До сих пор еще Абдулла помнит... В первые годы после войны жил в кишлаке один человек по имени Дадабай-амаки. Работал он в геологической партии. Уходил на утренней заре и возвращался домой поздно вечером. Одевался Дадабай-амаки всегда одинаково: носил короткие брюки с заплатами на коленях и даже в жаркие летние дни не снимал с головы остроконечной буденовки. Он, можно сказать, не участвовал в жизни кишлака, но почему-то имя его всегда произносилось с большим уважением. Почему так было — дети не знали. Дадабай-амаки был немногословен, иной раз вообще не здоровался, вот дети и недолюбливали его, и даже побаивались.

Как всегда, Абдулла приехал в кишлак на летние каникулы. Кажется, он тогда окончил третий класс. И вот Гюльчехра повела его к дому Дадабая-амаки.

— Посмотри-ка вон туда,— сказала она, показывая на глиняную крышу.

Абдулла сначала ничего особенного не увидел. А потом около дымовой трубы заметил какое-то странное существо.

— Что это такое? — спросил он, ничего не понимая.

— Орел! — прошептала Гюльчехра.— Беркут! Дадабай-амаки принес его вчера. Сейчас я тебе его покажу как следует.

Гюльчехра перешла на другую сторону улицы и бросила на крышу небольшой камешек. Орел вздрогнул и повел из стороны в сторону крючковатым клювом. Потом, нахохлившись, медленно обошел вокруг трубы. К одной его ноге была привязана цепь.

— Зачем он Дадабаю-амаки?

— Не знаю,— ответила Гюльчехра.— Может, он его оставил дом сторожить?

— Не может быть,— сказал Абдулла.

— Почему не может быть? Собака ведь сторожит?

— То собака...

— Если хочешь знать, беркут сильнее собаки.

Долгое время они стояли на улице и глазели на большую птицу.

— Ты знаешь, — заговорила Гюльчехра, — мне так его жалко...

— Почему?

— Наверно, он голодный. Дадабая-амаки целый день дома не бывает.

— Давай дадим ему что-нибудь поесть, — предложил Абдулла.

— А что? — Гюльчехра покачала головой. — Ведь беркуты едят сырое мясо!

— Ну вот и дадим ему!

— А откуда достанем? Было бы у нас мясо, мама давно бы уж суп сварила.

Тогда в кишлаке с мясом было трудно. Не так уж много лет прошло после войны...

Дети задумались.

— Может, он хлеба поклюет? — спросила с надеждой Гюльчехра. — Вчера мама испекла кукурузных лепешек.

— Не знаю! Ведь орел не курица, — важно сказал Абдулла. — Ну все же давай попробуем.

Гюльчехра сбегала домой за лепешками, и вскоре румяные толстые корки полетели на крышу Дадабая-амаки. Однако беркут не обращал на них внимания. Он даже не шевельнулся.

— Плохо дело, — сказал Абдулла.

Гюльчехра всхлипнула.

— Ты что плачешь?

— А почему он не ест?! Ведь он голодный, голодный, как ты не понимаешь...

— Ты погоди, — нахмурился Абдулла. — Не плачь, мы что-нибудь придумаем...

— А что придумаем? — вытирая глаза, спросила Гюльчехра.

— Подождем Дадабая-амаки. Посмотрим, чем он его кормит... Спрячемся вот тут за деревом.

В тот день до позднего вечера ждали они Дадабая-амаки. Наконец он появился с большой сумкой в руке, открыл дверь и зашел в дом.

Через некоторое время он зажег фонарь и поднялся на крышу, что-то бормоча про себя. Дети так ничего и не расслышали. Дадабай-амаки взял беркута под мышку и спустился вниз. Поставил фонарь посреди двора, высы-

пал какие-то темные куски из сумки на землю. Беркут сразу же начал клевать.

— Натерпелся ты, бедняга, натерпелся, — услышали дети голос Дадабая-амаки.

— Он дает ему мясо, — прошептал Абдулла на ухо Гюльчехре.

Немного погодя Дадабай-амаки отнес орла на крышу, и дети разошлись по домам. Утром они снова пришли посмотреть на беркута.

Как и вчера, он сидел, нахохлившись, около трубы.

— Почему Дадабай-амаки сказал, что орел натерпелся? Ты понял что-нибудь? — спросила Гюльчехра.

— Нет, не понял.

— Мясо доставать трудно. Дадабай-амаки редко его кормит. Вот орел и натерпелся... — объяснила Гюльчехра.

— Может, и так, не знаю.

— Чего там не знать, точно. — Гюльчехра вдруг подтолкнула Абдулла плечом: — Может, нам его выпустить?

Абдулла замотал головой:

— Дадабай-амаки крик подымет...

— А откуда он узнает, что это мы сделали? Покричит и перестанет. Орел подохнуть может на цепи, а мы цепь снимем. Пусть летит.

— Сейчас, что ли? — заколебался Абдулла.

— Нет, вечером.

— Ладно.

В сумерках дети перелезли через дувал и очутились во дворе Дадабая-амаки. Оказалось, хозяин закрепил один конец цепи на столбе террасы. Абдулла осторожно размотал цепь, потянул ее легонько. Беркут подошел к краю крыши.

— С цепью он лететь не хочет, — сказала Гюльчехра. — Надо ему ногу освободить.

— А как? Ведь он нас заключает...

— Мы на него мешок набросим.

Они так и сделали: взобрались на крышу, накинули на орла мешок. Дети даже удивились, до чего спокоен беркут: с курицей и то хлопот было бы больше. Они сняли со страшной, когтистой лапы цепь, сбросили ее во двор, сдернули с орла мешок и отскочили к лестнице. И что же? Беркут не хотел улетать! Он прижался к трубе и вдруг спрятал голову под крыло!

— Что это он? — удивился Абдулла.

— Не знаю... Ничего, сейчас полетит...

Гюльчехра схватила длинную палку и стала подталкивать беркута к краю крыши. Вот он уже на самом краю. «Ну, сейчас полетит», — подумал Абдулла. Орел и в самом деле полетел, но только вниз. Он тихо опустился во двор.

— Да у него крылья подрезаны! — вдруг догадалась Гюльчехра.

Беркут величественно прошел мимо террасы, приблизился к тому месту, где вчера ужинал, и снова, нахохлившись, спрятал голову под крыло.

— Что теперь будем делать? — испуганно спросила Гюльчехра.

Что было ответить? Не знал он, что делать. Пожал плечами. В первый раз он увидел, что Гюльчехра испугалась. Дети спустились с крыши и, пригорюнившись, сели у порога.

— Хорошо еще, никто не знает, что мы натворили, — вздохнув, сказал Абдулла.

— Конечно, — пришлось согласиться Гюльчехре. — Вот было бы крику! Я боюсь Дадабая-амаки. У него глаз дурной. Вот такой. — И Гюльчехра вытаращила глаза, пытаясь изобразить Дадабая-амаки.

Абдулла рассмеялся.

— Чего ты смеешься?

— Дадабай-амаки никогда так не таращится. У него глаза всегда одинаковые — рыбы.

— Нет, он таращит глаза, — настаивала на своем Гюльчехра.

— Не таращит.

— Нет, таращит!

— Ладно, пусть будет по-твоему. Послушай-ка, — сказал Абдулла, поняв, что спорить с ней бесполезно. — Самое лучшее сейчас удрать. А то подойдет Дадабай-амаки — целым отсюда не выберешься. Что ты скажешь на это?

Они поднялись с порога и пошли к воротам. Гюльчехра оглянулась: беркут ковылял за ними! Дети обошли вокруг дома — беркут не отставал! Они останавливались, и он замирал на месте. Но стоило двинуться вперед, он следовал за ними.

Гюльчехра растерялась и заплакала.

— Что теперь будем делать? Он от нас не отвяжется...

Абдулла молчал. Ему тоже стало страшно. Почему этот орел бежит за ними, как собака?

Вдруг дети замерли: ворота со скрипом отворились, и во двор вошел Дадабай-амаки. В руках он держал свою

большую сумку. Хоть и темновато уже было, он сразу заметил неожиданных гостей:

— Кто вы такие?

Дети молчали. Зубы у них выбивали дробь от страха.

Дадабай-амаки поднялся на террасу и зажег фонарь.

— Никак, это дочь Ганишера,— сказал он, посветив фонарем.— А этого сорванца что-то не припомню.

Гюльчехра заплакала.

— Перестань реветь. Как вы сюда попали? Ну что ж, не хотите разговаривать — не надо,— Дадабай-амаки опустил фонарь.— Я ведь в детстве тоже не был ангелом. Совал нос не в свое дело. Все-то мне было любопытно.

С этими словами он спустился с террасы во двор и увидел на земле нахохлившегося беркута.

— А вот это уж совсем нехорошо,— произнес он.— Зачем вы сбросили его с крыши! Слепому человеку трудно жить без поводыря. А этот беркут не только слеп, но и стар.— Дадабай-амаки покачал головой.— Когда-то он спас меня от голодной смерти в горах. Вот я его и кормлю...

— Мы не знали, дядя,— сказала сквозь слезы Гюльчехра.— Мы больше не будем его трогать...

— Верю, дочка, верю,— улыбнулся Дадабай-амаки.

Дети пошли домой, не глядя друг на друга. «А ведь дядя-то хороший человек»,— подумал про себя Абдулла.

Однако через какую-то неделю Дадабай-амаки исчез из кишлака вместе с беркутом. Долгое время о нем ничего не было слышно. А потом по кишлаку пронесся слух, что геологическая партия, в которой работал Дадабай-амаки, открыла месторождение какого-то важного, редкого металла... Абдулла вспомнил, как они с Гюльчехрой порадовались за этого доброго человека...

И еще один случай вспомнил Абдулла. Тоже давно это было, в шестом или седьмом классе. Их тогда попросили отвести лошадей на дальний полевой стан. Жарко было. Они ехали рядышком по берегу канала, а потом пустились наперегонки. Абдулла первый прискакал на стан и с удивлением обнаружил, что людей там нет. Наверно, не дождались подмоги, ушли работать на дальнее поле.

— Здесь и подождем! — крикнул он Гюльчехре.

Они спешились и присели на глиняном возвышении возле пруда — хауза.

Вокруг было тихо. Гюльчехра схватила камешек и бросила его в воду. Она долго следила за расходящимися, поблескивающими на солнце кругами.

— О чем это ты задумалась? — спросил Абдулла.

— Да просто так... — сказала она. — Я думаю о том, кем мы будем, когда вырастем.

— А кем мы будем?

— Ты будешь ученым.

— Ученым? — удивился Абдулла.

— Да, ученым. Будешь носить большой портфель, станешь похож на того очкастого профессора. Помнишь кино «Депутат Балтики»?

— Да брось болтать! — отмахнулся Абдулла. Однако в душе он был рад этому сравнению.

— Нет, правда, я таким тебя вижу.

— А сама ты? Кем сама станешь?

— Я? — Гюльчехра призадумалась. — Я... буду архитектором.

— Вон куда махнула! — прищурился Абдулла. — Слишком много на себя берешь!

— Почему много? Если ты будешь ученым, почему я не смогу стать архитектором? Буду учиться... Может быть, я стану архитектором в Мингбулаке...

— Скажешь тоже! Архитектор... В нашем кишлаке! Ой, не могу! — Абдулла захохотал.

— Что смеешься? Если сейчас нет архитектора, будет после. Обязательно будет. И тогда я построю высокие-превысокие красивые дома. А потом... — Гюльчехра запнулась, так и не смогла сказать, что будет потом.

— А я еще не знаю, кем буду, — Абдулла тоже бросил камешек в хауз. — Мой отец говорит, чтобы я, кроме школы, пока ни о чем не заботился.

— Конечно, может, и рано об этом думать. Вот недавно я хотела стать врачом, а потом — инженером. А теперь мне хочется стать архитектором... Как ты считаешь, что лучше?

— Наверно, все эти профессии хороши, — сказал Абдулла неуверенно. — А если бы не были хороши, то все люди были бы только врачами или только инженерами. И не шли бы на другую работу.

Эта мысль, кажется, ему самому понравилась.

Гюльчехра тогда ничего не ответила, промолчала, да и люди скоро появились, отвлекли...

«А кем же она сейчас собирается стать?» — глядя себе под ноги, раздумывал Абдулла. Он медленно приближался к дому. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу.

— Привет! — услышал он рядом чей-то голос.

Абдулла поднял голову. Перед ним стояли двое знакомых ему парней. Одного звали Касымджаном, а другого то ли Саидом, то ли Самадом. Память подвела Абдулла, никак не мог вспомнить.

— О чем это ты замечтался? — спросил Касымджан.

— Мы с дядей были на охоте, — отвечал Абдулла, пожимая их крепкие руки. — Ну как жизнь? Все хорошо?

— Спасибо, — сказал Касымджан и щелкнул пальцем по танбуру¹, который держал в левой руке. — Мы последние экзамены сдали. Хватит, отмучились. А вечером у нас праздник, самодеятельность, сам понимаешь. Вот сейчас идем на репетицию.

— Кажется, и ты закончил школу? — спросил парень, которого звали не то Саидом, не то Самадом.

— Да...

— Хорошо закончил?

— Неплохо, — ответил Абдулла. — А вы как?

— И мы то же самое, — сказал Касымджан. — Когда ты приехал?

— Вчера.

— Долго здесь пробудешь?

— Еще не знаю...

— Ну ладно. Приходи вечером в школу. Повеселимся. Договорились?

— Хорошо, приду! — сказал Абдулла. Ведь сегодня его уже приглашали!

— Вечер будет что надо. Сам раис организовал.

— Ого! — улыбнулся Абдулла.

— Еще бы! Колхозу нужны кадры. А мы эти кадры и есть. Вот почему к нам такое внимание...

Все трое рассмеялись.

Абдулла проводил взглядом Касымджана с товарищем и зашел в дом. Бабушку он застал на кухне, она ощиывала перепелок.

— Что тебя задержало, сынок? — спросила Ходжарбуви.

— Товарищей встретил.

— Наверно, проголодался, милый ты мой, да будет легка твоя поступь... Сейчас, сейчас, — заторопилась бабушка. — Дядя-то твой в больницу побежал, только к обеду вернется.

¹ Т а н б у р — музыкальный инструмент.

Абдулла машинально ел что-то, а перед глазами у него стояла Гюльчехра. Она улыбалась, поправляла на голове косынку.

«Нет, я так не могу уехать, — думал Абдулла. — Останусь в кишлаке дней на пять-шесть». Придя к этому решению, он откинулся на мягкую пуховую подушку. Со двора послышался детский голосок:

— Бабушка! Бабушка!

— Заходи! — отозвалась Ходжар-буви. — Что говоришь? А, к Абдулле пришел? Ступай на террасу, он там сидит.

«Кто же это?» — Абдулла приподнялся, выглянул во двор. По ступенькам террасы поднимался мальчуган лет пяти-шести, смуглый до черноты; в руках он нес какой-то предмет, завернутый в полотенце. Мальчик переложил узелок из руки в руку, подул на пальцы и спросил:

— Абдулла-ака?

— Да, я, а что?

— Вот моя сестла велела вам плинести.

— А что это?

— Кукуюза. Она горячая.

С этими словами мальчик развернул полотенце, и на кошму вывалились три больших красных початка.

Не успел Абдулла сказать «спасибо», как мальчишку словно ветром сдуло с террасы. И след простыл.

Абдулла, обжигаясь, вынул из початка несколько горячих зерен, попробовал. Как вкусно! Интересно, почему же ему раньше не нравилась вареная кукуруза?

6

Когда вечером Абдулла пришел в школу, торжественная часть уже кончилась. Касымджан стоял посреди школьного двора и о чем-то разглагольствовал, размахивая руками, однако никто его не слушал. Ребята сидели за длинным столом и смотрели на девушку, которая пела куплеты под аккомпанемент дутара... Абдулла остановился, прислушался. Слов он не мог разобрать. После каждого куплета раздавался смех, и наконец все захлопали в ладоши. Касымджан, должно быть, подумал, что это ему аплодируют, поклонился, потом гордо выпрямился и сложил руки на груди. Тут-то он и заметил Абдулла.

— Эй, медалист, где пропадал? — крикнул он.

Абдулла не ответил, он искал глазами Гюльчехру. «Где же она? Не пришла, что ли? Не может быть...»

— Товарищи! Минуту внимания! — закричал Касымджан. — Нам оказали большую честь! На наш вечер соизволил приехать из Парижа, простите, из Ташкента, товарищ Абдулла Шарипов.

Кто-то захлопал в ладоши, кто-то рассмеялся. Касымджан продолжал свою речь:

— Товарищ Шарипов не простой человек, не такой, как мы с вами. Он закончил школу с золотой медалью. Ура, товарищи!

Эта глупая выходка покорила Абдуллу, он хотел было уйти, но Касымджан подбежал к нему, крепко взял за руку и потянул к накрытому столу. Абдулла не оказывал сопротивления. Гюльчехры по-прежнему нигде не было видно. «Ну что ж, я посижу немного и уйду», — решил Абдулла.

— Ты не обижайся на Касымджана, — сказал вдруг его сосед по столу. Только тут Абдулла вспомнил, что зовут его именно Самадом, а не Саидом.

— Ничего особенного, Самад, — натянуто улыбаясь, произнес Абдулла.

— Понимаешь, нам раздали аттестаты, а потом все взрослые разошлись, чтобы не мешать нам. — Самад улыбнулся. — Ну вот Касымджан и...

Касымджан неожиданно заплакал:

— Абдулла, друг! Понимаешь, сбили меня с толку. Я не желаю оставаться здесь, не желаю! Понимаешь это, Абдулла?! Я хочу ехать в город, мне хочется учиться в городе. А что хорошего здесь, в кишлаке! Хлопок, хлопок и еще раз хлопок!..

— Не болтай чепуху, Касым! — сказал Самад.

— Это не чепуха. Разве мои слова не правда?

— Неправда!

— Зачем притворяешься? Я-то знаю, что и ты не любишь кишлак. Точно так же, как и я, ненавидишь кишлак. Но боишься об этом сказать, а я не боюсь! Я правду говорю! Кишлак у меня вот здесь, вот здесь, вот здесь!..

Касымджан взялся двумя пальцами за кадык, замотал головой.

— Отвели бы вы его спать, — раздался девичий голосок.

Двое парней подхватили Касымджана под руки, один из них что-то шепнул ему на ухо, тот хихикнул и, не сопротивляясь, ушел, покачиваясь, вместе с ними.

— Ничего не понимаю... — сказал Абдулла как бы про себя.

— А что тут понимать, — рассмеялся Самад. — Просто дурь свою показывает. А вообще-то дело в том, что два дня назад мы все решили остаться в кишлаке.

— Остаться в кишлаке? — удивился Абдулла.

— Да, и Касымджан тоже. Мы большую пользу можем принести. Рабочих рук не хватает. Все в кишлаке обрадовались, что мы остаемся. Глядишь, вместе с нами наш колхоз и в передовые выйдет!

— А вы разве не будете учиться дальше?

— Это почему же не будем учиться? — Самад даже как будто обиделся. — Будем учиться. Мы все будем учиться. Только заочно. Я, например, хочу поступить в сельхозинститут. Касымджан — в пединститут, на филологический факультет.

— Что же теперь будет с Касымджаном?

— А что может быть... — Самад нахмурился. — Будет так, как он захочет. Пожелает уехать — никто не станет его удерживать. Ведь мы остаемся не по принуждению. По доброй воле.

— Ты тоже по доброй воле?

— Да...

— Почему же тогда Касымджан говорил, будто ты не любишь кишлак? — спросил Абдулла с улыбкой.

— Как бы тебе объяснить... — медленно произнес Самад. — Не то что не люблю... Мингбулак стоит в хорошем месте, простор, родников много... И потом, ведь я здесь, в кишлаке, родился. Как можно родину не любить? Но вот, к примеру, ты ведь знаешь, какие у нас в кишлаке улочки? Кривые, узкие... Летом всегда пыль, зимой вечно грязь. Домов с десятков новых, а остальные все старые, глиняные, с камышовой крышей. И еще многое мне не нравится, но об этом сейчас бесполезно говорить. Делать надо. Вот мы с Гюльчехрой и думаем...

— С Гюльчехрой?

— Да, ей тоже многое не нравится в нашем кишлаке. Вот так, Абдулла. Но пройдет пять-шесть лет, и Мингбулак станет другим. Ты его не узнаешь.

— Да сбудутся твои слова, — вежливо сказал Абдулла. Он не переставал озиаться по сторонам.

Узнать у Самада, где Гюльчехра, ему казалось неудобным, и он тихо поднялся с места.

— Ты куда? — спросил Самад.

— Пойду, уже поздно.

— Погоди, сейчас подадут плов. Гюльчехра там у котла, она главная хозяйка. И без ее разрешения ты не уйдешь.

Абдулла обрадовался, однако постарался не показать этого:

— Засиделся я у вас...

— Какое там засиделся! За этот вечер тебя никто ругать не будет.

Абдулла пожал плечами, снова сел за стол.

Кто-то включил радиолу. Прозвучали первые такты вальса.

— Вставай, — сказал Самад. — Ты как-никак у нас городской, начал бы первым.

У себя в школе Абдулла танцевал лучше всех. Тем более не было ему равных здесь, в кишлаке. Все любовались его ловкими, красивыми движениями, а когда танец кончился, стали хлопать в ладоши. Абдулла, смущенный всеобщим вниманием, отвел девушку на место и направился к столу.

Только он собрался сесть, как у самого его уха зазвенел знакомый серебристый голос:

— Как хорошо вы танцуете!..

Абдулла повернул голову. Гюльчехра! И опять, как тогда, в кукурузе, он растерялся, так она была красива. На ней было красное атласное платье, сильно расширяющееся книзу, белые изящные туфельки на высоких каблуках. Волосы Гюльчехра заплела в две длинные косы, одна из них спадала на грудь. Блестящие глаза смотрели на Абдулла с некоторым вызовом...

— Где вы были, почему вас не было видно? — наконец проговорил он.

Гюльчехра рассмеялась:

— Кто-то должен и плов варить... Однако я заметила, как вы пришли. Только не стала подходить к вам.

Но тут снова загремела радиолоа, и опять это был вальс.

— Вы танцуете? — спросил Абдулла.

— Я стесняюсь с вами танцевать, — произнесла Гюльчехра, склонив голову.

— Почему?

— У меня это плохо получается. Вы будете смеяться надо мной...

— Я! Над вами?! — Такое искреннее удивление прозвучало в голосе Абдуллы, что Гюльчехра улыбнулась и подала ему руку, приглашая его в круг. Абдулла ле-

гонько сжал горячую узкую ладонь, другой рукой осторожно обнял девушку за тоненькую талию.

Почти сразу же он убедился, что Гюльчехра — достойная его партнерша. Танцевала она и легко и плавно, вести ее было очень приятно. «Нет, это просто удивительно, — думал Абдулла, — надо же было найти такую девушку — и где, в Мингбулаке!»

— А вы обманщица, — заметил он вслух.

— Почему? — Гюльчехра сдвинула брови.

— Вы не то что очень хорошо — вы прекрасно танцуете!

— Ну уж прекрасно! — Гюльчехра рассмеялась. — В Мингбулаке мало танцуют. Ведь кишлак не город. И времени нет, и возможности.

— Почему? — удивился Абдулла. — Ведь сегодня...

— Сегодня другое дело. Сегодняшний день мы ждали давно.

Абдулла не понял толком, что хотела сказать Гюльчехра. Он танцевал с ней, и этого ему было вполне достаточно. Вот это девушка! Какая она простая, доверчивая. А потом, она очень красивая. Вот если бы сейчас пройтись с ней по городским улицам! То-то стали бы ему завидовать, смотреть им вслед! Это пока невозможно, так пусть хоть никогда не кончается этот вальс. В этот момент Абдулла осознал, что девушка как-то странно на него посмотрела, рассеянно, задумчиво... В своих мыслях она, казалось, была далеко отсюда.

— Что с вами, вы не устали? — спросил Абдулла.

— Нет, я просто призадумалась. Извините.

— Да? А я испугался, что обидел вас, может быть, сказал что-нибудь не так...

Гюльчехра улыбнулась, как бы издали возвращаясь к нему, и Абдулла сразу повеселел.

— Гюльчехра, — сказал он возбужденно, — знаете что? Пойдемте немного погуляем.

Он и сам не знал, как пришла ему в голову эта мысль.

— Пойдемте сходим к берегу канала. Сейчас там, должно быть, очень красиво.

Вальс кончился, и Абдулла взял Гюльчехру за локоть.

— Не отказывайтесь. Пойдемте.

Девушка не отвечала. Она смотрела на своих подруг. Что они скажут, если она уйдет сейчас вместе с Абдуллой...

— Что ж, пойдете, — наконец сказала она.

Постепенно отдалялся от них школьный двор, отдалялись радостные голоса и смех, только музыка еще долго их сопровождала. Небо над кишлаком было полно звезд, желтовато, словно молодой подсолнух, светила луна, кроны яблонь в саду были усыпаны бесчисленными серебряными сережками.

Абдулла шагал, стараясь не наступить на тень, которую отбрасывала девушка. И все же на повороте он был вынужден наступить на эту живую тень, но тут же отпрянул назад, словно его ударило током. К его удивлению, Гюльчехра поняла, в чем дело, сказала, сдвинув брови:

— Как вы неосторожны, наступили все-таки!

— Вам больно? — поддержал игру Абдулла.

— Очень даже. — И Гюльчехра неожиданно расхохоталась.

Смеялась она от души, и Абдулла не смог не присоединиться к ней. Отчужденность и смущение, которые сопровождали их, куда-то исчезли. Абдулла взял девушку за руку:

— Как здесь хорошо, Гюльчехра, правда?

— Мне нравится... — тотчас же ответила девушка. — Вечером я здесь ни разу не бывала. Вы только посмотрите на воду — прямо как серебряная бумага, в которую конфеты заворачивают. Мы здесь проходили днем. Тогда тоже было хорошо...

— Да, но сейчас лучше, — сказал Абдулла и легонько сжал ей ладонь.

Они стояли на берегу канала возле мостика со сломанными перильцами...

— Ой, что это? — вдруг промолвила девушка.

— Что?

— Мята...

— Мята?

— Да, расцвела даже в эту пору. Чувствуете запах?

— Как будто, — сказал Абдулла. — Может, достать вам ее?

— Да ведь темно...

Однако Абдулла уже спускался к воде. Как мог он отыскать маленькую веточку мяты в призрачном лунном свете среди других растений? Абдулла не думал об этом. Он обязательно должен найти мяту, обрадовать Гюльчехру.

«Какой замечательный парень вырос! — думала между тем девушка. — Два года прошло. И вот Абдулла — это он и не он. Умный, учтивый. И... красивый... Интересно,

встречается он с кем-нибудь в Ташкенте?» Гюльчехра вздрогнула. Какое ей дело до этого? Неужели она ревнует? Встречается.— так пусть и встречается. Почему бы ему не встречаться... Но сейчас она благодарна Абдулле. Она хотела танцевать, и Абдулла пригласил ее. Только она заикнулась о мяте, и вот он ее ищет. Пусть даже не найдет, дело-то не в том...

— Абдулла, хватит,— сказала девушка,— там глина, испачкаетесь.

— Ничего. Мята где-то здесь. Пахнет. Сейчас я ее найду.

Абдулла обеими руками шарил по траве:

— Хватит, Абдулла, поднимайтесь!

Девушка наклонилась, протянула руку, и ладонь ее коснулась головы Абдуллы, пригладив жесткие, упрямые волосы. «Ой, что я делаю! — подумала Гюльчехра и отдернула руку.— Что это со мной?»

— Ну куда ей деваться? — говорил между тем Абдулла.— Вот, кажется, она здесь.

Нельзя было понять, что он имел в виду. Однако Гюльчехре захотелось ответить:

— Да, здесь запах мяты всего сильнее.

— Вот и я чувствую. Но где она все же? Может, под этой колючкой?

— Будьте осторожны. Уколоться можно...

— Не уколюсь. Да если и уколюсь, что тут страшного?

Внезапно Абдулла поскользнулся и чуть не съехал в воду.

— Держитесь! — крикнула Гюльчехра.

— Ничего, ничего... Вот теперь я твердо стою на ногах.

— Укололись?

— Не укололся. Нашел, нашел, Гюльчехра! Вот она, мята!

— Ура! — закричала девушка, когда Абдулла благополучно выбрался наверх и преподнес ей пахучую веточку.— Как она пахнет! Какой дивный запах! Спасибо!

— Не за что,— сказал Абдулла.

— Вы знаете, я очень люблю мяту. А помните, как мы однажды ее собирали?

— Когда? — спросил Абдулла.

— Давно. Кажется, мы учились тогда в шестом классе.

Никак он не мог припомнить этого случая:

— Так вы говорите, это весной было?

— Да. Завод-ая попросила нас нарвать мяты, она суп-машхурду готовила. Вот мы вдвоем и отправились. Вон

к той плотине. В те дни мята вовсю цвела. Только мы стали собирать — пошел град...

Гюльчехра внезапно рассмеялась.

— Что тут смешного?

Девушка старалась удержаться от смеха, но у нее ничего не получалось.

— Понимаете, одна градина... величиной с орех... Ха-ха-ха...

— Ну и что, что тогда случилось? — Абдулла почему-то смутился.

— Эта градина, величиной с орех, ударила вас по голове. Большая шишка вскочила... — Гюльчехра снова приснула. — И мы с вами гладили эту шишку и горько плакали.

— Я этого не помню, — произнес Абдулла, невольно взявшись за голову. — Неужели я был таким плаксой?

— Ох и плакали же вы тогда! Но мяту мы с вами все-таки собрали — полную сумку.

— Она так же пахла?

— Нет, — сказала девушка, потупив голову, — тогда было другое дело...

— Гюльчехра...

— Что...

— Почему вы хотите остаться в кишлаке?

Девушка не отвечала. Они долго шли молча. Впереди, в свете фонаря у начала плотины, кружилась то ли ночная птица, то ли летучая мышь.

— Неужели Мингбулак лучше Ташкента?..

— Я люблю Мингбулак, — промолвила наконец Гюльчехра, — и не надо сравнивать его с Ташкентом. Настанет день, когда Мингбулак превратится в красивое, благоустроенное село. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Я не могу уехать отсюда, — вздохнула девушка. — У меня мать больная, кто же присмотрит за отцом?

— У нас с вами одинаковое положение, — сказал Абдулла. — Мой отец тоже болен. Но это не может быть причиной...

— Я все равно буду учиться.

— Заочно?

— Да.

— Заочно учиться трудно. А вот если бы вы поехали... мы были бы вместе...

— Это невозможно. Мы решили остаться здесь — всем классом.

— Это не имеет никакого значения. Вот Касымджан ведь отказался? Он поедет в город.

— Это еще неизвестно.

— Я очень хочу, чтобы вы приехали в Ташкент.

— Спасибо, Абдулла.

Этот разговор заставил их призадуматься. Абдулла переживал из-за того, что он сможет видеть ее только раз в году, во время каникул. А может, и вообще не увидит. Гюльчехра — взрослая девушка. А в кишлаке много парней. Как сказал недавно Самад? Мол, о будущем кишлака он думает вместе с Гюльчехрой. Значит, питает к ней симпатию. Чем это может кончиться?.. Ох, как бы все-таки было хорошо, если бы Гюльчехра училась в Ташкенте! Он бы встречался с ней каждый день, да, каждый день! Она бы, возможно, полюбила его...

Так думал Абдулла, время от времени поглядывая на притихшую девушку. Гюльчехра шла рядом с ним по темной дороге и никак не могла понять, что происходит. Что случилось? Ведь он такой же парень, как и Самад, Касымджан. Она увидела его утром, пригласила на вечер. Что ж, это естественно, ведь он не чужой... Однако уже эта первая встреча как-то странно подействовала на нее. Что-то было в теперешнем Абдулле такое, что с первого взгляда словно магнит притягивало ее к нему, поэтому она весь день торопила солнце, чтобы скорее наступил вечер. Еще вчера она раздумывала, что бы ей надеть на этот вечер — новое платье или самое свое любимое?

А когда встретилась с Абдуллой, сразу решила надеть любимое — оно ведь так ей идет. Непривычно долго прихорашивалась она перед зеркалом. Никогда столько времени перед зеркалом не проводила. Почувствовал ли это Абдулла? Судя по его лицу, он растерялся, внезапно увидев ее у стола. Вот и сейчас все еще смущается. И в самом деле, разве было бы плохо, если бы они жили и учились в одном месте? Ах, как было бы хорошо! Но почему она сразу отказалась? Ей надо было просто сказать, что она подумает, что впереди еще целых полтора месяца, — почему она так не сказала? Неужели из-за болезни матери учиться не поедет? Ведь и Абдулла говорит, что это не причина! Может, это и в самом деле так? Нет, нет, она не сможет уехать. Как же ее после этого назовут, каким она окажется человеком? Что скажет отец? Разве не обидятся ее друзья? Ведь они все договорились остаться в кишлаке!

— Еще не поздно передумать, — голос Абдуллы доносился до нее как будто издалека.

— Может быть, и так, — тихо сказала девушка.

Абдулле достаточно было и такого ответа, он обрадовался:

— Конечно, не поздно. Каждый должен спросить прежде всего самого себя, а потом уже слушать советы. Разве не так? Почему же...

— Пойдемте обратно, — перебила его Гюльчехра. — Уже много времени, поздно. Наверно, в школе вечер кончился, все уже разошлись.

Абдулла не возражал, потому что ему казалось, что он и так уже одержал большую победу. Ведь девушка сказала «может быть» — значит, еще не все пропало.

— Гюльчехра, а как поживает перепелка? — спросил он.

Девушка обрадовалась перемене разговора.

— Перепелка зернышки клюет. Мама говорит, что птичка скоро поправится. Я отдам вам ее потом. Но с одним условием...

— С каким условием?

— Я уважаю Абида-ака. Однако нрав у него жесткий, он может ее загубить. Вы заберете перепелку в Ташкент.

— Хорошо. Однако и я могу ее погубить.

Абдулла пристально, испытующе посмотрел на девушку.

— Нет, вы не можете. Я об этом знала еще тогда, на кукурузном поле...

— Кстати, вареная кукуруза оказалась очень вкусной, спасибо. Как бы она не стала моим любимым блюдом... Я бы и сейчас от нее не отказался.

Гюльчехра улыбнулась.

— Сегодня уже поздно, отложим на завтра, согласны?

— Согласен...

Они подошли к мостику со сломанными перильцами, и Гюльчехра остановилась. В школьном дворе все еще играла радиолоа. Только ребята сделали звук потише.

— Никак не угомонятся...

— Может, погуляем еще немного? — спросил Абдулла.

— Нет. Мама будет беспокоиться.

— Гюльчехра...

— Да, Абдулла?

— Вы завтра что делаете?

— А что?

— Если вы... будете свободны, то вечером я буду ждать вас на этом месте. Хорошо?

Гюльчехра не ответила.

— Я вас прошу.

— Там будет видно...

Девушка протянула руку. Абдулла крепко сжал ее теплую узкую ладонь.

Гюльчехра покачала головой и тихонько высвободила руку.

— Так вы придете?

Однако ответа он не услышал. Гюльчехра еле слышно сказала «до свидания» и растворилась в темноте.

«Придет! — думал по пути домой Абдулла. — Такой девушки нет в целом свете. Она придет, и мы будем вместе. Будем всегда вместе! Рядом...»

Он зашел во двор. В синих окнах плавала луна. Все спали.

Гюльчехра долго не могла уснуть в эту ночь. Она лежала в темноте с открытыми глазами, прижимая к лицу увядший росток мяты.

7

На следующий день с самого утра Абдулла стал размышлять, как бы ему встретиться с Гюльчехрой. Не только вечером, но и днем или вот хоть сейчас, утром. Совсем собрался было послать к ней мальчишку, что стоял на улице, ковырял в носу, но отказался от этой затеи. Ее мать может спросить, кто зовет Гюльчехру, и мальчик, не дай бог, проболтается. В доме Гюльчехры не должны знать, что он хочет видеть Гюльчехру. Один раз он может ее позвать, это еще ничего, а что он будет делать в другие дни? А потом он подумал, что Гюльчехру могут и вовсе не выпустить из дому. Ганишер-ака такой человек. Мало ли что ему может показаться, слишком уж он любит дочь. Наконец Абдулла решил подобраться к дому Гюльчехры со стороны сада, подождать ее.

Должна же она появиться во дворе! Тогда он как-нибудь даст ей знать... Но что, если Гюльчехра сочтет его назойливым, не захочет подойти?

Он сидел за столом и, занятый этими мыслями, даже не заметил, как Ходжар-буви расстелила перед ним достархан, как поставила на стол пиалу со сметаной, разломила лепешку. Старуха забеспокоилась, приметив, что внук смотрит на нее невидящими глазами.

— Ты еще совсем молодой, о чем же так призадумался? Выпил бы чаю!

— Чаю?! Конечно, конечно, сейчас, — заторопился Абдулла.

— Как у вас на вечере-то было? Ты домой поздно пришел, мы уж спать легли.

— Вечер прошел очень хорошо, бабушка.

— А я два раза посылала на улицу сына — тебя встречать. Мало ли что...

Абдулла, услышав о дяде, понял, какую он совершил бестактность, не спросил сразу о его жене. Ведь она в родильном доме!

— Бабушка, как здоровье вашей снохи?

Ходжар-буви с благодарностью посмотрела на внука:

— Слава аллаху, хорошо! Завтра уже здесь будет. Да, ребенок такой славный, такой красивый... глаза и брови в точности как у тебя. О аллах! Ниспошли ему долгий век!

— Его так и называли Абдуллой?

— А то как же! Как сказали, так и будет, дядя тебя очень уважает.

— Бабушка... — У Абдуллы на сердце кошки скребли, он хотел исправить свою ошибку. — Может, сходить к ней?

— Это в больницу-то?

— Да.

— Видишь, какое дело... — Ходжар-буви призадумалась. — Самое лучшее — ступайте завтра вместе с дядей. Сам и принесешь на руках своего двоюродного братца. А то сейчас там две соседки сидят. Да и сноха застесняется.

У Абдуллы словно гора упала с плеч, он облегченно вздохнул.

— Ну что ж, завтра так завтра. — Он вытер руки и поднялся из-за стола.

— Бабушка, может быть, есть какая-нибудь работа для меня?

— Съешь-ка лучше еще лепешку.

— Больше не хочу.

— Это что же за еда, словно бы и не ел. А работа от тебя не убежит. В честь рождения ребенка на бешик-тое поработаешь.

Ходжар-буви еще что-то говорила, но Абдулла уже не слышал ее. Он думал о Гюльчехре. Должна же она показаться, неужели целый день дома просидит?

Абдулла вышел за ворота. В кишлаке было тихо. Под балханой — балконом, нависающим над улицей, играли в кости три мальчика. Абдулла подошел к ним и постоял немного, наблюдая за игрой. «Вот ведь какая глупость, —

подумал он. — Неужели я и раньше этим занимался?» Он перешел улицу и направился к мосту... «А может, она на кукурузном поле?» Абдулла невольно ускорил шаги. Чуть поодаль виднелись красные ворота дома, в котором жила Гюльчехра. Ворота были открыты, во дворе никого... «Может, зайти? Нет... Вдруг она початки собирает?» И Абдулла пошел вдоль арыка.

Кишлак все никак не кончался. Дорога до кукурузного поля показалась на этот раз очень длинной. Вокруг было тихо, полное безветрие, ни шороха, ни шума. Добравшись до кукурузного поля, Абдулла осмотрелся, прислушался. Никого не было видно. Он двинулся вперед между двумя рядами высоких стеблей. Было жарко, душно. Пыльца от кукурузных метелок жгла глаза. Пришлось повернуть обратно. Неужели он до вечера не встретит ее?! Еще не все потеряно, может, она в своем саду?..

Когда Абдулла, взмокший от быстрой ходьбы, снова подошел к мостику, знакомые красные ворота дома Гюльчехры были закрыты. Вдруг ворота отворились, показался Самад, затем Гюльчехра. Они быстро направились вверх по улице. Самад что-то говорил, на ходу размахивая руками.

— Самад! — крикнул им вслед Абдулла.

Они оглянулись, замедлили шаги, и Гюльчехра, не останавливаясь, жестом пригласила Абдулла — догоняй! Абдулла, словно ждал этого, побежал к ним.

— Все ли в порядке? — спросил он, задыхаясь.

Гюльчехра, против ожидания, не застеснялась, не покраснела.

— В доме у Касымджана переполох, — сказал Самад.

— А что такое?

— Не знаю. Он со своей матерью поругался.

Вскоре они остановились у дувала, из-за которого слышались приглушенные голоса.

— Ну что, зайдем? — спросила Гюльчехра.

Самад приоткрыл ворота и первый вошел во двор. Посреди двора на супе — глиняном возвышении — сидела мать Касымджана, Зумрад-хола. Шлепанцы ее лежали у порога. Зумрад-хола причитала, не обращая внимания на появившихся молодых людей.

— Душу мне отравил, в грудь ранил... И зачем только я тебя вырастила...

— Хватит, хватит! И когда ты перестанешь?.. — донесся из окна комнаты голос Касымджана.

— Это почему же хватит? Я только теперь начинаю! Думаешь, я от тебя отстану? Погоди у меня...

Зумрад-хола легко поднялась с места, подошла к окну и воздела руки к небу:

— Да разве ты сын? Да чтоб ты сквозь землю провалился! Чума на твою голову! Ни отца, ни мать не слушаешь! Ты бы хоть подумал о своих маленьких братьях!

Позади глиняного возвышения показался босоногий мальчонка с грязным, темным лицом. Переваливаясь, спотыкаясь, он подобрался к матери, уцепился за подол.

— А тебе чего надо? — Зумрад-хола резко повернулась, мальчик упал на землю и заплакал.

Мигом подскочила Гюльчехра, подняла ребенка, прижала его к груди:

— Зумрад-хола, успокойтесь...

— «Успокойтесь»... Тут успокоишься... Этот негодяй, чтобы он сгинул со своей учебой! Два дня все в доме вверх дном из-за него!

Зумрад-хола выхватила сына из рук Гюльчехры и, присев на край супы, дала мальчику грудь.

Самад зашел в комнату к Касымджану. Абдулла же не знал, что делать, так и стоял у ворот. Зумрад-хола неожиданно заплакала навзрыд.

— Ох, милая Гюльчехра,— проговорила она сквозь слезы,— этот паршивец все твердит, что уедет в Ташкент учиться. А я-то на него надеялась... Думала, закончит школу, будет отцу подмогой. Подумай сама, дорогая, легко ли воспитать шестерых детей?

— Зумрад-хола, не плачьте!

— Как же не плакать, детка? Что мне еще остается? Я извелась вся уже, иссохла. Ты-то вот остаешься в кишлаке, разве нельзя и ему остаться, что он, умрет от этого? Отец пробовал говорить и по-хорошему, и по-плохому — не слушает...

— Я и в городе буду работать. Буду посылать вам зарплату! Я ведь тебе говорил! — крикнул из окна Касымджан.

— А тут тебе разве плохую работу дадут? Ведь ты, шайтан, слышал слова раиса?

— Уеду, все равно уеду!

Зумрад-хола побледнела как стена. Тонкие губы ее прошептали что-то беззвучно. Вдруг она встала с места, отняла ребенка от груди, протянула его Гюльчехре и подошла к окну.

— Так ты уедешь?

— Уеду!

— Тогда убирайся сейчас же, слышишь, сейчас же, чтобы глаза мои на тебя не смотрели!

— Как же так... — начала было Гюльчехра, но ее никто не услышал.

— Убирайся, говорю! — кричала Зумрад-хола.

— Хорошо, я сейчас...

Касымджан выскочил из комнаты, вслед за ним Самад.

— Напрасно ты обижаешься, мама... я...

— Убирайся!

И Касымджан, держа в руках документы, без денег, в одной рубашке и брюках пошел со двора.

Самад и Абдулла некоторое время молча глядели друг на друга. Потом, будто сговорившись, оба побежали за Касымджаном.

В лице Зумрад-холы не было ни кровинки. Опершись о подоконник, она плакала, вздрагивая всем телом. У Гюльчехры слезы выступили на глазах, так было ее жалко. Однако девушка не знала, что делать, как ей помочь, что ей такое сказать.

А Касымджан уже остановил попутную машину.

— У меня нет иного выхода, — сказал он на прощание Самаду и Абдулле. — В Ташкенте я буду учиться или заочно, или на вечернем отделении. А днем буду работать. И может, заработаю больше, чем в кишлаке. Но дело не в этом. Будущему литератору нужно быть там, где много книг, и потом, важно не только читать, но и слушать хороших преподавателей.

— Тебе лучше знать, — сказал Самад. — Желаю тебе успеха.

Абдулла дал ему свой адрес и добавил, что сам он приедет в Ташкент дня через четыре.

— Самад, я тебя прошу, ты как-нибудь успокой мою маму, — сказал Касымджан, влезая по колесу в кузов. — Теперь, если мне в городе не повезет, я сюда не вернусь.

— Не зарекайся... Пиши!

— Обязательно. Ну, привет!

Машина тронулась и вскоре скрылась в клубах пыли.

— Может, он и прав, — промолвил задумчиво Самад.

Абдулла не ответил. Он был сильно взволнован этим происшествием, искренне жалел Зумрад-холу и в то же время восхищался Касымджаном. Вот ведь, захотел — и уехал!

Гюльчехру тоже надо склонить к поездке. Как было бы здорово, если бы она приехала в Ташкент! Вчера она вроде

бы и согласилась. Сегодня Абдулла опять будет говорить с ней на эту тему. Приведет ей в пример Касымджана. Да и сама Гюльчехра видела все это, сама была свидетельницей семейной распри. Судя по всему, она не решилась уговаривать Касымджана остаться — не сказала ни одного слова. Да если бы и сказала что-нибудь, тот бы только отмахнулся. Ведь он против отца-матери пошел, а их, Гюльчехру и Самада, и подавно не стал бы слушать. Гюльчехра такая грустная стояла. Может быть, она завидовала Касымджану? Да и почему бы ей не позавидовать? Что в Мингбулаке хорошего? Кино, да и то редко, концерт раз в месяц. Пыль, грязь, однообразная работа. Абдулла как-то вдруг позабыл, что недавно все ему нравилось здесь. Ему уже определенно стало казаться, что Гюльчехра уедет из кишлака. Да. Теперь надо только дожждаться вечера.

А вечер в тот день, как назло, приближался очень медленно. Абдулла как заведенный ходил по комнатам, не зная, как убить время. Наконец, примерно в половине десятого, он вышел на улицу. В кишлаке, как и всегда почти, было тихо. Солнце уже закатилось. Приблизился к мостику, миновал его и сел под высокой ивой у самой воды. Посредине арыка, словно кусок лепешки, плавал на блестящей глади месяц. Абдулла взял камешек, поднял руку, примерился, но не бросил. Ему привиделось, будто длинная тень от ивы слегка заколебалась. Он резко обернулся. Позади него, поблескивая глазами, стояла Гюльчехра.

— Я вас не испугала? — спросила она, улыбаясь.

Абдулла мигом вскочил с места:

— Нет, но я не думал, что вы так скоро придете.

— Как мать заснула, так я сразу и вышла, — просто сказала девушка.

— Спасибо, — сказал Абдулла. — Это очень хорошо, что вы пришли. А то я уже начал волноваться.

— И я тоже. Я ведь никогда не выходила так поздно на улицу. Вы долго меня ждали?

— Нет...

Абдулла целый день обдумывал свою речь, ему казалось, что он наизусть ее выучил, но теперь все слова вылетели у него из головы. Он ругал себя, сердился, морщился, но ничего не мог из себя выдать.

Конец тягостному молчанию положила Гюльчехра.

— Ах, я и забыла, — сказала она, — я принесла вам кукурузу.

Она протянула ему обернутый листьями початок.

— Я доставил вам беспокойство...

— Какое там беспокойство!

И снова наступило молчание.

— Пройдемся немного? — голос Абдуллы дрогнул.

— Ведь уже поздно...

— Мы только немного, хорошо?

Гюльчехра улыбнулась:

— Хорошо.

Абдулла легонько взял ее за локоть.

— Не нужно... — Гюльчехра высвободила руку.

И они, как и в прошлый вечер, пошли по знакомой дороге. И снова Абдулла думал, что подруга его детства должна жить в Ташкенте. И не обязательно ей ходить в атласе да в парче, как вчера. Сегодня, в простом платье, она еще красивее, милее. Ни у кого нет такой легкой походки, такого нежного голоса, да и косы, наверно, никто так заплетать не умеет.

— Гюльчехра!.. — неожиданно обратился он к ней.

— Что? — девушка повернулась к нему, и он словно впервые увидел, какие у нее глаза. До чего они черные и жгучие, до чего большие...

— Вы... вы очень красивая!

— Я?.. Неужели? — немножко удивилась девушка и опустила голову.

— Да, вы очень красивая... Вы помните нашу первую встречу утром? Я как вас увидел, чуть не упал. Вы так изменились!..

— И вы тоже, — тихо промолвила Гюльчехра.

Абдулла рассмеялся:

— Нет, я все такой же.

— Ну и я все такая же.

— Почему же вы тогда говорите со мной на «вы»?

— Не знаю...

«А если я ее поцелую? — мелькнуло в голове у Абдуллы. — Что она скажет, если я ее поцелую?» И он взял Гюльчехру за руку.

— Так вы не знаете?

— Нет.

— Вы знаете, Гюльчехра, посмотрите на меня.

Она подняла на него свои глазищи. И в этот момент Абдулла слегка обнял ее и дотронулся губами до ее щеки.

— Что вы делаете? — тихо сказала Гюльчехра. Она отстранилась от него и закрыла глаза руками.

Абдулла испугался: «А вдруг она уйдет?»

Но девушка не ушла. Она лишь продвинулась вперед шага на три и остановилась.

— Вот как, оказывается. Вы всегда так поступаете с девушками?

Абдулла понял по ее тону, что она не разозлилась.

— Всегда... — ответил он.

— Ведь это нехорошо.

Абдулла улыбнулся.

— Нехорошо это... — повторила Гюльчехра. — Разве можно такое делать не любя?

— Можно! — сказал Абдулла. Он подошел к ней и снова взял ее за руку. Девушка попяtilась. — Подождите, Гюльчехра, подождите! Мои слова не от сердца, я вам сказал неправду. Я в первый раз вот так... вот так поступил. Я вас люблю, Гюльчехра. Вы слышите: люблю!

Гюльчехра растерялась. Она никак не ожидала, что так быстро будут сказаны эти слова, не ожидала, что все так просто получится. Абдулла между тем нашел и другую ее руку.

— Гюльчехра! Это было как гром. Только я не сразу понял. Вы верите мне?

Гюльчехра молчала.

— Почему вы не отвечаете?

Девушка уже не отстраняла его от себя. Она стояла, опустив голову.

Вдруг Гюльчехра подняла глаза, и Абдулла обомлел. Глаза Гюльчехры были полны слез. Она плакала.

— Что случилось, Гюльчехра? Я вас обидел? Вы обиделись на меня?

Она покачала головой.

— Почему же вы плачете?

— Просто так... Когда вы уезжаете?

— А что?

— Не уезжайте...

И Абдулла наконец понял то, что он мог бы понять и раньше. Он был на седьмом небе от счастья.

Этот и последующие вечера заметно изменили жизнь молодых людей. Что бы они днем ни делали, чем бы ни занимались, перед их мысленным взором снова и снова возникали мельчайшие подробности ночных встреч. Еще с утра словно подгоняли они время, чтобы скорее наступил вечер. Это было самое главное — чтобы наступил вечер,

чтобы была темнота. Теперь они уже не мучились, не обдумывали заранее, о чем говорить, как себя держать.

Они торопили солнце — ну что ему стоит поскорее опуститься? — а потом выходили из своих домов.

Встречались они чаще всего в ивовой роще, недалеко от плотины, где выбивался из земли прохладный говорливый родник. Полюбили они гулять и в ночном яблоневоm саду. Здесь каждая тропинка, каждый камень стали для них родными. Они так и говорили: «наш камень», «наш родник», и это нисколько не казалось им странным.

Наверно, они были вполне счастливы, особенно в первые вечера. Однако день отъезда Абдуллы все приближался. Надо было что-то решать.

«Что я должна делать? — думала Гюльчехра, возвращаясь домой, и не находила ответа на свой вопрос. — Что, если это неожиданное, небывалое счастье пройдет как сон?»

Ей было намного труднее, чем Абдулле. Она знала, что не сможет уехать из кишлака. Вот и мучилась. Откровенно объясниться с Абдуллой у нее не хватало смелости. Гюльчехре казалось, что только она заикнется об этом, как Абдулла сразу же к ней переменится, их отношения не смогут остаться прежними. Это было страшно.

Но не могла же она, в самом деле, уехать с ним в Ташкент! А как же больная мать? Это прежде всего...

Каждый раз, подходя к постели матери, Гюльчехра убеждалась в том, что никуда она не уедет от нее, она просто не сможет иначе.

Мать Гюльчехры Саодат была тяжело больна. В прошлом году весной простудилась и пролежала дней шесть. Потом как будто выздоровела. Но все чаще стала жаловаться на тяжесть в груди. Саодат думала, что это скоро пройдет, старалась забытья в работе. Не вышло. Осенью она слегла. Ганишер-ака повез жену в Коканд, и ее оставили в больнице.

Диагноз был страшный — рак легких... Конечно, Саодат об этом не сказали.

Кто-то посоветовал Ганишеру-ака обратиться к ташкентским врачам. Поехали в Ташкент. Диагноз подтвердился... Какие только врачи не осматривали Саодат! Но легче ей от этого не становилось. И Ганишер-ака привез жену обратно в кишлак.

У Саодат пропал аппетит, она сильно похудела. В кишлаке только три человека знали, какая у нее болезнь, — муж, дочь и председатель колхоза... Горе пришло

в семью. Бедный Ганишер-ака места себе не находил: ведь Саодат была для него и женой, и матерью, и верным другом. Отчаяние захлестывало его, когда он ночами сидел у ее изголовья. Утром он уходил на работу, но два-три раза в день урывал время, прибегал взглянуть на жену.

Хозяйство лежало теперь на плечах Гюльчехры. Днем она не знала ни минуты покоя. Внешне все в доме оставалось по-прежнему: везде чистота, порядок, маленький Алишер ухожен, накормлен.

В один из вечеров Гюльчехра с Абдуллой решили вспомнить детство и отправились на дальний полевой стан, возле которого был хауз. Обрато они возвращались чуть не бегом, и все же Гюльчехра пришла домой позже обычного. Она наскоро сполоснула лицо и руки и подошла к постели матери. Было тихо, только возле окна посапывал на тахте младший брат Алишер.

— Что-то ты припозднилась... — промолвила Саодат, обратив на дочь печальные глаза.

Гюльчехра в беспокойстве стала припоминать, под каким предлогом она вышла сегодня из дому.

— Мы сидели вместе с Зарифой... — сказала девушка еле слышно.

— Ведь ты, кажется, пошла к Халиде?

Гюльчехра ответила не сразу:

— Разве я сказала — к Халиде? Да... я была и у Халиды. А потом я пошла к Зарифе.

— Твой младший брат уснул голодный.

— Но я его накормила перед уходом...

— Хорошо, если так... — проговорила Саодат и закашлялась.

Кашляла она долго, мучительно. Гюльчехра, не зная, чем помочь, сменила ей подушку, потом принесла воды в пиале. Когда приступ кашля кончился, Гюльчехра спросила:

— Отец спит?

— Нет... Он ушел недавно к председателю, к Нормату-ака. Говорят, в Ташкенте новый врач объявился. Они хотят его вызвать.

— А что, хороший доктор?

— Говорят, даже очень хороший. Вот отец и старается... Твой отец — золотой человек, доченька. О аллах, дай ему долгий век.

— У тебя тоже будет долгий век, мама...

— И отец так говорит... Не знаю... Совсем я вас замутила...

— Не говори так, мама. Вот выздоровеешь, и все забудется.

— Спасибо, дочка, спасибо...

— Чаю тебе дать?

Гюльчехра поднялась было с места, но Саодат тихо махнула платком, как бы говоря: «Сиди на месте».

— Гулечка...

— Слушаю тебя, мамочка.

— Внук Завод-ая...

— Что?! — Гюльчехра густо покраснела, опустила глаза. «Неужели узнали о наших прогулках?!»

— Внук Завод-ая... как же его зовут-то? Забыла...

— Абдулла, — робко подсказала девушка и посмотрела на мать краем глаза. «Неужели по кишлаку уже пошли разговоры? Что будет, если узнает отец? Или он уже знает? Как теперь себя вести?»

— Этот... Абдулла, я слышала, здесь уже неделю... Говорят, вырос, не узнать... Ты его видела?

— Да, он приходил к нам на прощальный вечер, — сказала Гюльчехра дрожащим голосом. — Парень как парень. А что?

— Говорят, он стал ученым. Это правда?

Гюльчехра невольно улыбнулась.

— Ну что ты... Я слышала, будто он собирается поступать в Ташкентский университет.

— Вот и сын Зумрад-хола уехал... Он еще не вернулся?

— Нет, мама. Он, наверно, поступил на филологический. Потом приедет обратно, на каникулы.

— Гулечка...

— Да, мама.

Саодат закрыла глаза. Кажется, она совсем обессилела. Темные брови резко выделялись на ее бескровном лице.

— Что ты хотела сказать, мама?

— Сейчас... Гуля. Мы недавно разговаривали с твоим отцом. Я надеюсь на этого нового доктора. Может, поправлюсь. А если нет — ну что же, осталось уже недолго...

— Что ты говоришь, мама?! — Гюльчехра вздрогнула.

— Слушай. Немного уже осталось. Избавлюсь я от мук. Доченька, думаю я о тебе, об Алишере. Алишер еще маленький. А ты учись. В Коканд ли поедешь, в Ташкент ли — сама выбирай. Лучше в Ташкент. Хоть знакомые есть, Касымджан... И потом, внук Завод-ая... Одна не останешься...

— Мамочка!..

— Езжай. Мы с отцом не учились. Война. А потом работа, работа... Да простит меня аллах, я всегда завидовала ученым людям, специалистам. Ты знаешь, Гуля, твой отец однажды посылал меня учиться. Сказал, что пять лет пройдут быстро, он, мол, согласен подождать. А я не согласилась. Побоялась его одного оставить. Он ведь такой был сорвиголова... А ты... ты учись...

Никак не ожидала Гюльчехра такого поворота. Не ожидала такой доброты и щедрости. Какое чуткое сердце у матери! Раньше девушка думала, что, если она вдруг пожелает уехать, ее не отпустят. Слабая улыбка скользнула по лицу Саодат. Сквозь слезы, вдруг заставшие глаза, Гюльчехра почти ничего не различала.

— Мамочка, мамочка... — шептала она и все гладила край одеяла. — До чего ты у меня хорошая! Никуда я от тебя не поеду. И не думай. Мы ведь решили. Я заочно буду учиться. Ты только выздоравливай, вот новый доктор посмотрит... Поправишься... Все будет хорошо...

Неожиданно Саодат обняла дочь высохшими, легкими руками, провела ладонью по ее лицу и глазам.

— Я так и думала, что ты скажешь это, Гуля... Но все-таки, как ты говоришь, заочно — это не то... Чем ты хуже других? Ты у меня смышленная, головка у тебя светлая, ты с любым учением справишься. Не отказывайся, доченька, от своего счастья, поезжай. Отец согласен тебя отпустить...

— Нет, мама. Я не поеду.

В ответ слезы показались на глазах Саодат.

— Не плачь, мама. Вот увидишь, все будет хорошо. Только не плачь.

— Я не плачу. Я радуюсь, Гуля, я радуюсь...

Саодат, улыбнувшись сквозь слезы, положила руку на теплое колено дочери. Синие вены заметно выступили на бледной руке.

«Как я могу ее бросить? — подумала Гюльчехра. — Разве можно ее оставить? Нет, конечно. А сейчас надо что-то придумать, чем-то отвлечь мать, очень уж она разволновалась».

— Знаешь, мама, — сказала Гюльчехра. — Сегодня мне сон приснился. Рассказать?

— Расскажи, — прошептала Саодат.

— Слушай. Будто крутишься ты у очага. Что-то готовишь. Алишер еще с утра на улицу убежал. А я даже не помню, что делала. И вдруг во дворе кто-то закричал: «Эй! как там у вас насчет еды?»

Гюльчехра так удачно воспроизвела голос своего отца, что Саодат рассмеялась. Однако тут же закашлялась, поднесла к лицу вышитый платок. Через минуту дала дочери знак продолжать.

— Ну, так ты сказала отцу: «Сейчас» — и понесла на стол блюдо ширгурунча, рис напитался молоком, набух. Было так вкусно! У меня во сне даже слюнки потекли, — Гюльчехра улыбнулась. — А потом отец повел нас всех на улицу, но улицы почему-то не было...

— Как так — не было? — спросила Саодат. — Что это за сон у тебя такой?

— Вот такой сон, представь себе. Вместо нашей улицы была большая площадь. А над площадью висел большой белый шар. «Что это такое?» — удивилась ты. «Это дирижабль, — ответил отец. — Мы на нем полетим. Путешествовать будем. Видишь, внизу дирижабля домик? Это называется гондола. Ну-ка садитесь все». И мы забрались в домик. Отец сел за руль. И вот домик оторвался от земли и стал подниматься вверх, сквозь облака и тучи. Долго мы летели. Ты прижимала Алишера к груди, хоть он и ни капли не боялся. А еще ты все время толкала отца локтем и говорила: «Ай, хватит. Дети испугаются». Отец только смеялся...

Здесь Гюльчехра остановилась, фантазия у нее иссякла.

— А что было потом? — заинтересованно спросила Саодат.

— Что было потом? Ну, летели мы, летели, а внизу реки, горы, поля. А потом опустились. Смотрим, мы уже в Москве. До чего красивый город и такой большой!.. Долго мы ходили по улицам и только пришли к Красной площади, вдруг что-то загрохотало. Ну, тут я уже спать не могла, проснулась. Оказывается, Алишер радио включил.

— Хороший тебе сон приснился. — Саодат давно поняла, что дочка придумала все это на ходу, но не показала и виду. — Вот, если поправлюсь, будущим летом обязательно поедем в Москву. Все вместе поедем.

— Эй, поесть что-нибудь будет? — послышался со двора знакомый голос.

Мать и дочь рассмеялись: это возвратился Ганишер-ака. Гюльчехра выбежала во двор.

— Как мама? — с тревогой спросил Ганишер-ака. Вид у дочери был совсем не веселый.

— Маме лучше, лежит, смеется...

— Смеется?!

— Иди сам посмотри, если не веришь.

Ганишер-ака чмокнул дочку в лоб, в два прыжка преодолел лестницу, ведущую на веранду, и остановился перед дверью. Потом обычным своим шагом, вперевалку, зашел в комнату.

«Они похожи на маленьких детей,— думала Гюльчехра, приближаясь к очагу.— Разве их можно оставить? И мысли такой нельзя допустить. Но тогда... тогда Абдулла уедет в Ташкент без меня... Все кончится, он может меня забыть... Ему понравится другая девушка, там, где он будет учиться, в университете. Такой красивый парень, высокий, стройный, умница — да на него все там будут заглядываться. Найдется другая, красивая девушка, они там, в городе, сговорчивее. И он забудет бедную Гюльчехру, забудет плотину, родник, ивовую рощу, яблоневый сад. Все забудет...»

На другой день она подробно рассказала Абдулле о своем разговоре с матерью.

Абдулла не перебивал, слушал молча. А потом произнес:

— Странная ты, Гюльчехра...

— Почему странная?

— И мать и отец велют тебе ехать в Ташкент, а ты не хочешь. Я бы на твоём месте не раздумывал. Стрелой бы полетел. Неужели ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

— Хочу... но...

— Что «но»?

— Но я не могу поехать.

— Ладно, хорошо, — холодно сказал Абдулла. — Когда же мы теперь встретимся?

Гюльчехра пожалала плечами:

— Откуда мне знать?

— И я не знаю.

Они прошлись немного вдоль канала. Абдулла не смотрел на девушку. Он еще не вполне осознал, что произошло. Мысли у него путались. Значит, так. Учиться пять лет. Что же, они пять лет не увидятся?

— Может быть, я приеду, — заговорила Гюльчехра, — я приеду на следующий год в Ташкент...

— На следующий год?

— Отец отыскал хорошего врача, если мама поправится, я, конечно, приеду... переведусь с заочного...

— Гюльчехра...

Лицо Абдуллы прояснилось, он обнял девушку. Однако она тут же высвободилась.

— Ты будешь меня ждать?

— А что мне еще делать? Конечно!..

Когда они попрощались и разошлись по домам, Абдулла, к своему удивлению, уже не ощущал себя самым несчастным человеком на свете. Конечно, очень жаль, что она не сможет поехать вместе с ним. Придется подождать. Год — это много или мало? Иной раз время тянется медленно, а иногда скачет, как будто его нахлестывают камчой! Год!.. А потом они встретятся.

Абдулла лежал на холодном как лед бабушкином одеяле и, глядя в потолок, представлял себе в красках эту будущую встречу. Он и не подозревал, что Гюльчехра в эти минуты плачет навзрыд, уткнувшись в подушку...

Наутро Ходжар-буви развила лихорадочную деятельность — еще бы, предстояло долгожданное торжество по случаю рождения ребенка — бешик-той. Абдулла порядком устал, помогал по хозяйству. Абид-ака был счастлив. Он то и дело широко улыбался, прислушиваясь к крику своего младенца. «Ничего, ничего, — говорил он, — кричи, сильный будешь».

Уже за столом, когда гости, человек тридцать, занялись вкусным дымящимся пловом, Абид-ака принялся угощать также и Абдуллу:

— Племянник! Хороший ты парень. Пусть мой сын будет похожим на тебя.

Когда гости разошлись, Абдулла стал собираться в дорогу. Не хотелось ему уезжать. Но ведь он приехал на три-четыре дня, а гостил уже чуть не две недели!

— Мама будет беспокоиться, — отвечал он на уговоры бабушки. — Я поеду.

Абид-ака наполнил большой таз — тагару — перепелками, насыпал туда побольше соли.

— Отвезешь отцу, — сказал он. — Ему нельзя это есть, так пусть хоть посмотрит на перепелок, пусть порадуетса душой.

— Приезжай почаще, сынок, — говорила бабушка. — Не забывай нас, мы тебя любим...

— Теперь я буду к вам чаще приезжать. — Для Абдуллы эти слова были исполнены особого смысла.

— Вот и хорошо, сынок, так и надо. — Бабушка Ходжар-буви погладила внука по плечу, прижалась лицом к его груди.

Абдулла вышел из дому, когда уже начало смеркаться. До вечернего поезда оставалось еще два часа.

Держа в одной руке чемодан, в другой таз — тагару, он перебрался через мостик и направился к яблоневому саду. Здесь его должна была ждать Гюльчехра. Озираясь по сторонам, он медленно шел меж деревьев по знакомой тропинке.

Сердце его сильно забилося, когда неожиданно, в двух шагах от него, из-за толстого ствола старой яблони вышла на тропинку девушка. Абдулла опустил свою ношу на землю.

Некоторое время они стояли, не решаясь заговорить, как тогда, в первый их вечер. Они опять стеснялись друг друга.

— Так мы все решили? — наконец произнес Абдулла.

— Решили, — прошептала девушка.

— Как только приеду, сразу напишу письмо.

— А если у меня не получится на будущий год, ты приедешь на каникулы?

И столько ожидания и тревоги было в голосе Гюльчехры, что Абдулла понял, как больно ей сейчас, как сильно она его любит.

— Конечно, конечно, приеду! — поспешил ответить он.

Гюльчехра обвила его шею руками:

— Приезжай... Не забывай меня...

Он осторожно поцеловал черную прядку на виске девушки:

— Все будет хорошо, все будет хорошо, Гюльчехра...

Девушка не сказала больше ни слова.

«Как я могу тебя забыть, если все время о тебе думаю? — размышлял Абдулла, ощущая на своей щеке теплое дыхание девушки. — Мы будем вместе. Через год. Он пролетит как миг...»

В поезде Абдулла тоже думал об этом. Через год они встретятся и уже никогда больше не будут расставаться.

По-своему складывается жизнь каждой семьи. Абдулла был у своих родителей единственным ребенком. Семья была очень дружная. Жили они в квартале Янги-Мир-Абад, в центре Ташкента. Двор у них был большой, дом старинной постройки чем-то напоминал высокий замок.

Отец Абдуллы — Гафурджан-ака был одним из самых авторитетных и уважаемых людей в квартале — махалле. Ни одна свадьба, ни одни похороны не проходили без него, в квартале все от мала до велика шли к нему за советом.

Родился он в Паркенте, в юности был подручным у старого оружейника, мастер научил его нарезать затейливый орнамент на рукоятках кинжалов. Много лет спустя Гафурджан-ака поучал своего сына: «Надо уметь что-то делать своими руками. В трудную минуту ремесло всегда выручит».

После революции Гафурджан приехал в Ташкент и стал жить в доме своего товарища, который открыл в Мирабаде школу.

Не только учился отец Абдуллы. Он был человеком активным, вмешивался во все дела школы и постепенно стал там чем-то вроде завхоза. На одном из собраний он высказал дельные мысли об организации торговли в районе. Вскоре районное начальство доверило ему проводить свои идеи в жизнь — его назначили директором Мирабадского рынка. На этой работе он проявил себя как человек справедливый, зрелый не по годам. Теперь его и называли не иначе как «аксакал базара». Природный здравый смысл и смекалка помогали Гафурджану в его начинаниях. Торговцы были довольны установленными на базаре порядками. Люди, нечистые на руку, не могли провести Гафурджана, на лету усваивавшего тонкости торгового дела, не могли его и подкупить: он был честен. Через несколько лет его назначили заведующим районным торговым управлением.

Как-то пришлось ему побывать по делам в Коканде, и там он встретился с директором хлопкового завода Ходжар-буви. Завод-ая пригласила его в гости. Шаходат в это время только вступила в свое восемнадцатилетие. Гафурджан как увидел ее, так и замер, глаз от нее не мог отвести. Завод-ая заметила это, а между тем в разговоре выяснилось, что молодой начальник торгового управления до сих пор не женат, не успел еще обзавестись семьей и хозяйством.

Еще несколько раз побывал Гафурджан в кишлаке, а потом дело и сладилось. Сыграли свадьбу...

Завод-ая сама подыскала в Ташкенте жилье для молодоженов. Она была довольна своим зятем, а друзья Гафурджана-ака, отдавая должное скромности и красоте его молодой жены, радовались, что у «аксакала базара» такая разумная, умудренная жизнью теща.

На свете живет немало людей, настолько увлеченных работой, что им о себе и подумать некогда. При виде рослого, розовощекого Гафурджана-ака никак нельзя было подумать, что он из породы одержимых работой. Но,

в сущности, Гафурджан был именно таким человеком. В его доме долгое время не было ничего, кроме той мебели и утвари, которую подарила молодоженам Завод-ая, и часто, когда приходили гости, Шаходат шла к соседям, просила у них посуду... Шаходат была под стать своему мужу: когда Завод-ая советовала ей купить то, другое, третье, она беспечно отвечала:

— Была бы голова цела, а тубетейка всегда найдется.

Супруги, можно сказать, и не ссорились никогда, они души не чаяли друг в друге. «Вот ведь родственные души, слова один другому поперек не скажут», — удивлялись друзья Гафурджана. После рождения Абдуллы жизнь семьи пошла еще дружнее и согласнее. Под давлением Завод-ая они даже перестроили дом. И кое-что приобрели из вещей. Несмотря на это, Гафурджан-ака по-прежнему не изменял себе. Своим хозяйством он занимался как бы проходя, но зато соседские радости и несчастья Гафурджан-ака принимал близко к сердцу, никогда не отказывался помочь нуждающемуся человеку. Иной раз, когда были деньги, присылал он на соседскую свадьбу целого барана в подарок. Не корысти ради. Просто так. Однако это приносило ему удовлетворение.

— Вы похожи на пчелу, — не то шутя, не то всерьез говорила зятю Завод-ая. — Таскаете мед, а сами не едите, отдаете другим.

— Да что там, Завод-ая... — отвечал в таких случаях Гафурджан. — Доброе имя стоит гораздо больше, чем богатство. Я так понимаю: если кипит во дворе котел, значит, в доме достаток. Разве вы со мной не согласны? — лукаво улыбаясь, спрашивал он.

Однако находились люди, которые плохо думали о Гафурджане-ака. Они полагали, что подобную душевную щедрость может позволить себе только преуспевающий человек, богач, денежный мешок. Шаходат расстраивалась, когда эти злые разговоры достигали ее слуха. Гафурджан-ака говорил с усмешкой:

— Брось, не переживай. Скорпион только и умеет, что жалить. Хорошо еще, что скорпионов не так много. Все, что у нас есть, мы добыли честным трудом. Чего нам бояться, зачем расстраиваться?

Его недоброжелателям было не понять, что человек и на самом высоком посту может быть абсолютно честен. Гафурджан-ака пользовался доверием районных организаций. Он был крупным специалистом по торговле, замечательным снабженцем. Интересно, что время от времени

Гафурджан-ака вспоминал свою прежнюю, юношескую профессию: в свободное время занимался резьбой, чеканкой. Любил он подарить другу красивую вещицу, сработанную собственными руками. «Всякий честный труд славен, ремесло всегда выручит человека», — не забывал он повторять, а однажды рассказал Абдулле сказку-притчу, то ли придуманную им самим, то ли услышанную от кого-то.

— Жил-был один очень хороший мастер, ткал ковры. Однажды его красавица дочь попала на глаза падишаху. Падишах сразу влюбился в девушку и забрал ее к себе во дворец. Не понравилось ей во дворце: скучно и в то же время шумно — другие жены между собой грызутся. Девушка и говорит падишаху:

«Мой повелитель, или отправьте меня обратно к отцу, или прикажите принести сюда мой ткацкий станок. А то мне здесь делать нечего».

Не отпустил ее падишах. Принесли из отцовского дома станок, и сорок дней и сорок ночей девушка ткала ковер. Заперлась в своей комнате и даже падишаха к себе не пускала. На сорок первый день открыла ему свою работу. Долго смотрел падишах. На ковре была выткана большая алая роза с распустившимися лепестками. И показалась она падишаху прекраснее всех живых роз на свете.

«Велико твое искусство, — промолвил падишах. — Если это не колдовство, открой мне тайну своего ремесла. Проси за это что хочешь».

«Ничего мне не надо, — сказала девушка. — А научить я вас попробую, если вы пожелаете».

И поступил падишах в подручные к девушке и овладел ремеслом.

У падишаха была привычка раз в месяц обходить свой город в одежде нищего странника. Так ему было удобнее без помехи наблюдать, чем занимаются, как живут его подданные.

И вот однажды падишах бродил-бродил по городу и захотел есть. Зашел в шашлычную. Острый запах мяса ударил в ноздри. Повар-шашлычник встретил его, согнувшись чуть не до земли, показал ему рукой на почетный красный угол. Только падишах уселся, как вдруг почувствовал, что летит куда-то вниз. Очутился он в большом подвале. К стене цепями были прикованы люди. Падишаха тоже приковали. Он очень удивился и спросил у одного старика:

«Что здесь происходит?»

«Это бойня», — ответил старик.

«Бойня? Как это понять?»

«А так. Здесь из людей делают шашлык. Завтра очередь за мной».

И тогда падишах пришел в ярость. Он совсем забыл, что прикован к стене.

«Не беснуйся, смирись, — сказал ему сосед. — Это тебе не поможет».

Нет, не знал падишах, какие страшные дела творятся в его городе. Что теперь делать, как спастись?

И вдруг падишах обратился к старику:

«Отец, уступите мне вашу очередь».

Тот посмотрел на него как на сумасшедшего:

«Ты что, очень спешишь умереть? Это, конечно, дело твое. Давай, я согласен, если не шутишь».

Наутро падишаха вытащили наверх. Только повар подступил к нему с ножом, как падишах задал ему вопрос:

«Сколько я принесу тебе дохода?»

Повар окинул падишаха оценивающим взглядом и буркнул:

«Пожалуй, выручу тысячу динаров...»

«А если ты с моей помощью выручишь десять тысяч динаров, оставишь меня в живых?»

«Конечно, — ответил повар. — Но откуда ты возьмешь столько денег?»

Тогда падишах пообещал ему за одну ночь выткать ковер стоимостью в десять тысяч динаров и попросил принести шерсти и ткацкий станок.

«Ну что же, если обманешь, все равно никуда не денешься. Я тебя живым зажарю», — сказал повар и отдал приказ своим подручным доставить узнику все необходимое для работы.

Всю ночь, не смыкая глаз, ткал падишах ковер. Под утро он его закончил и посоветовал повару продать ковер младшей жене падишаха — мол, она даст настоящую цену. Повар так и сделал: побежал во дворец и запросил за ковер десять тысяч динаров. Младшая жена падишаха так и впилась глазами в сложный рисунок, она почти сразу же поняла, в чем дело. На ковре был выткан план города и синим цветком обозначено место, где находился падишах. Повару вручили деньги, но следом за ним по приказу жены падишаха отправились в шашлычную двести сарбазов. Так были освобождены падишах и другие узники. А разбойники поплатились за свои злодеяния...

Вот так, сынок, — говорил Гафурджан-ака своему сыну, — теперь ты понимаешь, что значит ремесло?!

И принимался рассказывать вторую притчу — примерно такого же содержания: случилось так, что караванщики бросили одного пастуха в колодец и угнали его овец. В колодце пастух увидел страшного дракона, однако не растерялся и начал играть на своей свирели. Дракон слушал-слушал чудесную музыку да и заснул, а пастух целый и невредимый выбрался из колодца на волю.

Абдулла не принимал близко к сердцу эти сказки, не появлялось у него и желания смастерить что-нибудь своими руками. Ему нравилась арифметика, потом алгебра, геометрия, физика, он с удовольствием решал задачи. Да и вообще учился он хорошо, вел себя достойно, не перечил старшим, внимал каждому их слову. Учителя его любили. Конечно, мальчик есть мальчик, иной раз Абдулла и шалил, но с оглядкой, не слишком сильно, и шалости эти сходили ему с рук. Он знал, что, если воротится домой поздно или появится грязный, в запыленной одежде, это не понравится его матери. А если, например, он захочет пройтись на руках по школьному коридору, это не понравится учителям.

До седьмого класса Абдулла каждый год получал похвальные грамоты. А в седьмом вышла осечка — грамоту он не получил. Это повергло его в уныние, но в то же время многому научило. Дело в том, что, когда Абдулла перешел в седьмой класс, здоровье его отца пошатнулось. Высокое давление, гипертония. Но это бы еще ничего. Хуже то, что у Гафурджана-ака стала слабеть память. Поймав себя на этом, он испугался. Посоветовавшись с врачами и женой, Гафурджан-ака оставил свой высокий пост и пошел работать заведующим небольшой столовой.

В это время в классе у Абдуллы появился мальчик по имени Инамджан. Как водится, все ученики, в том числе и Абдулла, с любопытством присматривались к новенькому. Он был старше Абдуллы года на полтора, одевался всегда с иголочки, носил красивый кожаный портфель. Почти сразу же два преподавателя стали уделять ему особое внимание. Когда Инамджан выходил к доске, не зная урока, и, понутив голову, переминался с ноги на ногу, его не ругали, а тихонько говорили: «Ладно уж, садись, спросим в следующий раз». И другому Абдулла удивлялся: эти учителя на глазах изменили к нему свое отношение. Особенно плохо стал относиться к Абдулле закадычный друг его отца Хасанхан. Если прежде он сам первый здоровался

с ним, то теперь вроде и не замечал приветствий Абдуллы. Однако к новичку он был чересчур уж ласков.

— Как поживаешь, Инамджан? — с улыбкой осведомлялся он, входя в класс. — Как поживают домашние, как отец? Вчера я видел уважаемого Иргаша-ака, его шофер гнал машину как на пожар. Должно быть, в верхах шло какое-то совещание?

— Да, наверно, он проводил совещание, — отвечал важно Инамджан.

— Трудно ему, трудно, — говорил учитель. — Как его здоровье, хорошо ли?

— Неплохо. Доктора говорят, чтобы он обязательно снова съездил на курорт.

— Куда он собирается?

— В Кисловодск.

— Это хорошо. Он непременно должен съездить туда. Самое нужное и важное для человека — это здоровье. Садитесь, садитесь, чего стоите-то? — Хасанхан вяло махал ученикам рукой и шел к столу.

Абдулла от злости кусал губы. Почти на каждом уроке родного языка звучали подобные вопросы и ответы.

Неприязнь к учителю почему-то перешла и на предмет, который он преподавал. В классном журнале постепенно стали снижаться отметки Абдуллы. Однажды он даже двойку получил. Почему это произошло? Почему его перестали замечать Хасанхан и Сиддик-ака, учитель географии? Абдулла не понимал причины. Однажды он сидел за партой и размышлял об этом, держа в зубах кончик колпачка от авторучки. Он даже не заметил, как вошел Сиддик-ака и начал урок. Когда Абдулла поднял голову, учитель географии стоял над ним. Он не стал ругать Абдуллу, не выгнал из класса, но произнес обидные слова, которые Абдулла запомнил на всю жизнь.

— У меня дома, — сказал учитель, пристально вглядываясь в Абдуллу, — есть маленький мальчик, годовалый сынок. Он лежит в люльке и сосет свою соску. В соске есть вкус, а какой вкус в этом твоём колпачке?

Девчонки хохотнули, кто-то, может, и нахмурился, Абдулла же покраснел до ушей, низко опустил голову и прижал ладони к лицу. Когда прозвенел звонок, Абдулла забрался на школьный чердак и расплакался. Почему они так делают? Ведь и Сиддик-ака, и Хасанхан — приятели его отца. Ведь по сравнению с другими учениками они его, Абдуллу, знают лучше! И потом, ведь он учится хорошо. Однако вскоре все прояснилось.

Как-то утром, еще до школы, Абдулла подошел к своему отцу, лежащему на супе посреди двора. Гафурджан-ака потрепал сына по плечу.

— Послушай, сынок, — промолвил он. — Хасанхан уже давно не навещал нас, я соскучился. Если увидишь, передай ему: пусть зайдет.

— Хорошо, — сказал Абдулла. — У нас сегодня его урок первый.

В школе мальчик сразу же начал искать Хасанхана. Его нигде не было видно.

Абдулла решил подождать учителя у дверей класса.

Наконец в дальнем углу длинного школьного коридора показался Хасанхан. Прозвенел звонок, и он, даже не взглянув в учительскую, направился прямо к Абдулле.

— Что ты хочешь сказать? — спросил учитель хмуро.

Подростку было не по себе. Однако он взял себя в руки:

— Мой отец хотел вас видеть. Просил, чтобы вы пришли...

— Хорошо, хорошо, — сказал тогда учитель и, отстранив Абдулла, открыл дверь в класс. — Я навещу его, но сейчас у меня нет времени.

Он с улыбкой, как всегда, подошел к Инамджану:

— Как поживаешь? Как здоровье Иргаша-ака?

— Сегодня отец дома, он отдыхает, — отвечал Инамджан.

— Ах вот как, отдыхает, говоришь? А я хотел как-нибудь зайти к нему, навесить... Но он так занят...

— Так заходите сегодня, — сказал Инамджан.

— А как это будет выглядеть? Если он сейчас отдыхает, не лучше ли мне прийти к вечеру?

— Можно прийти и пораньше.

— Вот как, значит, можно пораньше, в таком случае я зайду к вам сразу же после уроков.

— Хорошо.

— Ты уж передай отцу: мол, Хасанхан хочет вас видеть, ладно? Я только на минутку. Я не стану долго засиживаться.

— Можно и посидеть... — улыбнулся Инамджан.

— Можно, говоришь... Ладно, мы так и сделаем, Инамджан, я пойду вместе с тобой, хорошо?

— Хорошо.

— Спасибо. В таком случае я после уроков подойду к тебе.

И Хасанхан вяло махнул рукой, приглашая учеников садиться.

Абдулла был оскорблен до глубины души.

Когда урок кончился, он отвел в сторону старосту класса, спросил у него:

— Кто отец у Инамджана?

— А ты разве не знаешь? — удивился тот. — Да ведь он у него председатель райисполкома.

Абдулла насупился и отошел от старосты. Значит, отец у Инамджана председатель райисполкома, а его отец всего-навсего заведующий маленькой столовой!.. Вот где зарыта собака. Горько стало Абдулле.

Дома отец спросил у него, что сказал Хасанхан. Абдулла ответил не сразу:

— Он... передает вам привет. У него сейчас много различных дел. Обещал завтра или послезавтра прийти. Сказал, что обязательно придет.

— Вот хорошо-то, — обрадовался Гафурджан-ака. — Твой Хасанхан — золотой человек, золотой. Вот видишь, сынок, если сделаешь добро, оно тебе добром и откликнется. Никто тебя не забудет.

Тут уж Абдулла не смог удержаться, заплакал навзрыд. И убежал к себе в комнату.

— Что случилось, сынок? Что случилось? — встревожился Гафурджан-ака.

Абдулла швырнул портфель в нишу и бросился на кровать. Как ни старались Гафурджан-ака и Шаходат-хола, никак они не могли дознаться у сына, почему он плачет.

Между тем прошел ровно месяц. Хасанхан все не приходил. Вечером сквозь неплотно прикрытую дверь Абдулла услышал разговор своих родителей.

— Надоел мне этот диетический суп, жена. Уж лучше совсем не есть. Да... Послушай-ка, помнишь, как наш сын расплакался, когда пришел от Хасанхана? Теперь я понимаю причину. Хасанхан, наверно, сказал тогда, что не придет... Обманулся я в нем... А, Шаходат?..

— Выходит, так...

— Все же я никогда не думал... Тридцать лет знаем друг друга...

— Ладно, не думай об этом, лучше поправляйся... Диету надо соблюдать... А сын за тебя обиделся. Жалко Абдуллу. Пусть век его будет долгим и счастливым. У меня вся надежда на него...

Из этого разговора их сын вывел для себя, что Гафурджан-ака не очень дальновиден; Абдулла решил, что верить нужно только самому себе. В мире есть много плохих

людей, и поэтому надо суметь стать большим человеком, чтобы они, по крайней мере, тебя уважали. Значит, необходимо учиться, и учиться только на «отлично». Все же в тот год не вышло это у Абдуллы. Географию и родной язык он еле-еле вытянул на четверки.

Однако с восьмого класса все изменилось. Во-первых, вместо Хасанхана и Сиддика-ака стали преподавать другие учителя. Абдулла приналег на эти предметы, и результат оказался превосходным. Восьмой и девятый классы он закончил на «отлично». Инамджан, получивший похвальную грамоту в седьмом классе, теперь тащился кое-как, на тройках. Абдулла радовался этому. Он понял, что победил. Придут и другие победы. Нужно только трудиться, основой всего является труд. В этом отец прав. Только совсем не обязательно делать что-то руками. Сам-то отец был ответственным работником, а чеканка — это просто так... Он, Абдулла, будет трудиться изо всех сил. А способностями его аллах не обидел — так сказал учитель математики. И в один прекрасный день такие, как Хасанхан, упадут ниц перед ним. Вот тогда он им и отомстит. Но когда придет этот день? Когда?

Подошла к концу третья четверть учебного года в десятом классе, и Абдулла вызвали к директору.

— Мы намечаем тебя в медалисты, так что нажимай, — директор весело подмигнул ему.

Абдулла не знал, как вместить в сердце эту радость. Он ничего не видел, кроме занятий. Даже забывал справляться о здоровье больного отца. Однако мечта его исполнилась, школу он закончил с золотой медалью, а Инамджан провалился по математике и остался на второй год. Многие переживали за него, Абдулла же улыбался. Так ему и надо. Да и кто он такой, этот Инамджан?

Та-та-та-так, та-та-та-так... — постукивали колеса на стыках рельсов. Абдулла улыбнулся. Ему казалось, что поезд все-таки движется очень медленно. Было двенадцать часов ночи, а спать почему-то не хотелось. В купе он был один, и это было очень кстати. Никто не мешал ему думать и вспоминать. Он смотрел в окно на стремительно проносящиеся мимо темные столбы, разглядывал плавающие по небосводу бесчисленные звезды. Итак, он едет в Ташкент. Он хорошо отдохнул. И не только отдохнул. Он понял, что

такое счастье — Гюльчехра... Ясно, такая девушка не каждому достается!..

Где ты, Инамджан? Где ты, дурачок?! Посмотри, это вторая большая победа Абдуллы! Еще какая победа! Его полюбила самая красивая девушка на свете. Она готова ради него на все. Один год пройдет мгновенно. И тогда Абдулла возьмет ее за белые нежные руки и проведет по самым многолюдным улицам Ташкента. Всем ее покажет. Пусть завидуют! Есть другая такая девушка? Нет, такой быть не может.

Как хорошо, что он поехал в кишлак! Молодцы родители, это они настояли. А то он отправился бы с товарищами в Чимган, ведь они приглашали его, он с ними уже договорился! А родители в один голос: зачем тебе Чимган, поезжай в Мингбулак! Сколько времени бабушку не видел! Бедная бабушка очень соскучилась. К тому же какой там чистый воздух, какие прохладные родники! А еще вместе с дядей можно и на охоту сходить. Перепелки! (Это уж отец ему сказал.) Неужели не интересно поохотиться? Мингбулак — это вещь. А что хорошего в Чимгане? Чего он там не видел? И потом, что он там будет есть? Где питаться, в столовых? Что должен делать человек, который весь пожелтел от занятий? Он должен хорошо отдохнуть. А где это можно?! Только в кишлаке у бабушки!

Наконец Абдулла согласился с ними. Отправился в дорогу с подарками, с гостинцами. Это была его первая самостоятельная поездка. И первая же такая поездка неожиданно оказалась удачной. Мало сказать удачной — просто замечательной. Его товарищи любили поговорить о девушках. Иные рассказывали, куда ходили с девушкой, что делали, и все это без всякого стеснения... Когда перешли в десятый класс, почти у всех были свои девушки, у некоторых из своего же класса. Другие приводили на школьные вечера девушек из соседних школ. Один даже студентку привел с первого курса! А вот у Абдуллы не было девушки, ни с кем он не встречался. Конечно, на вечерах танцевал, его многие выбирали на белый танец, и записки он получал, когда в почту играли. Однако Абдуллу это хоть и трогало, но не очень. Нельзя сказать, конечно, что девушки не нравились ему. Вроде нравились, особенно симпатичные... И все же Абдулла ни одну из них не проводил домой с вечера. Танцевать танцевал, а провожать — нет. Если вечер затягивался, он исчезал...

— Сейчас нужно учиться, сейчас мне нужно быть дома, сейчас обязательно надо быть дома, — внушал он се-

бе.— А это все потом. Девушки никуда не уйдут. Делу время, потехе час...

Перед его глазами сверкала золотая медаль, она сверкала и во сне и наяву. Он только покажет ее краешек — и его сразу пустят в будущее, в любой институт! И пусть товарищи смеются над ним, пусть девушки качают головой, хихикают! Недолго это будет продолжаться!

Он занимался, усиленно занимался, не тратил зря времени. А теперь — теперь он опередил своих одноклассников. У него есть золотая медаль, у них нет, у него есть Гюльчехра, а у них что?.. Даже имя у нее прекрасное, Гюльчехра — цветок, да и сама она прекрасна, как цветок! Какие глаза! А косы!.. А голос! Музыка льется! Такого голоса ни у кого нет. И ноги стройные, чуть полненькие! Недолюбливал Абдулла тонконогих да еще того хуже — кривоногих.

У Гюльчехры ноги не такие. Нет. И потом, все идет, что бы ни надела, — и туфли на высоком каблуке, и босоножки...

Абдулла открыл окно побольше и подставил голову под холодную плотную воздушную струю. Стараясь не мигать, он смотрел в яркое ночное небо. Ему сейчас припомнились слова бабушки, будто у каждого человека есть своя звезда, она ему об этом давно говорила. Где его звезда? Вон их как много, одни поменьше, другие чуть побольше. Его звезда должна быть особой, непохожей на другие. Нет, маленькие, тусклые ему не подходят. Долго выбирал Абдулла и наконец выбрал одну — зеленую, мерцающую. Теперь главное — не потерять ее. Только не потерять. Она правее Луны, чуть повыше Венеры. Какую же звезду выбрать для Гюльчехры?

Может, Венеру? Нет, Венера не подойдет, Венера большая. Ярче его звезды. А они должны быть равными, должны светить одинаково! А как же иначе? Ведь они теперь связаны на всю жизнь. Они всегда будут вместе. Но что скажут на это его отец и мать? А родители Гюльчехры? И вообще, надо ли им об этом знать или нет? Конечно, надо, решил Абдулла. Если даже и не сказать им ничего, все равно в один прекрасный день узнают. Но все же лучше, если они пока будут не в курсе дела. До тех пор, пока он институт не окончит. До этого времени он никак не может жениться. По этому вопросу у него мнение твердое. Не приведет же он Гюльчехру в пустой дом. Постесняется. Он закончит институт, поступит на работу, купит все необходимое для совместной жизни и тогда женится. Однако это

означает, что ждать надо не год и даже не пять лет... Выдержит ли он? Ведь даже теперь его не вполне удовлетворяло то, что он держал Гюльчехру за руки, иногда целовал ее осторожно... Нет, он хотел большего. Однажды ему даже сон такой приснился. Проснувшись, Абдулла замотал головой, долго тер глаза, ударил себя кулаком по лбу. Целый день потом ходил будто в воду опущенный. А когда вечером встретился с Гюльчехрой, не мог смотреть ей прямо в глаза.

— Что это с тобой сегодня? — спросила тогда Гюльчехра и взяла его за локоть.

Абдулла словно током ударило. Он тихонько отстранил ее руку.

— У меня голова болит, — промолвил он.

— Голова болит? Сейчас мы ее вылечим! — Гюльчехра нагнулась к роднику, опустила в воду ладонь и приложила ее ко лбу Абдуллы. — Теперь лучше? — спросила она.

— Лучше. — Абдулла, по-прежнему не глядя на девушку, обнял ее за талию и поцеловал в губы. Он обнимал ее все крепче.

Гюльчехра попыталась высвободиться.

— А ты очень быстро поправился, — нахмурилась девушка.

— Гюльчехра... — Абдулла сам не узнал своего голоса, так хрипло он прозвучал.

— Подожди!.. Слышишь? Поет твоя перепелка!..

Тут Гюльчехра выскользнула из его объятий и побежала домой.

И хорошо сделала. Если бы они дали себе волю, то что бы тогда было? А доброе имя девушки?! Вместе бы и опозорились. Нет, Абдулла так не сделает. Даже если ему будет очень трудно, если он будет мучиться, все равно этого не допустит. Надо быть волевым человеком. Главное — воля. Как хорошо, что Гюльчехра тоже не из легкомысленных...

— Молодой человек, вы разве не сойдете?..

Абдулла испуганно оглянулся. В дверях купе стоял проводник.

— Мы уже в Ташкенте? — с неприятным удивлением спросил Абдулла.

— Ты угадал! — Проводник расхохотался.

Абдулла повернулся к окну. Из-за гор поднималось большое лучистое солнце. «Вот это звезда так звезда», — подумал он. Вот бы ему такую. Хотя нет, слишком уж он

размахнулся. Не такой уж он великан. Значит, и думать об этом нечего.

Абдулла медленно шел по перрону, с удовольствием взирая на вокзальную сутолоку. До чего хорошо жить в таком большом прекрасном городе! В ту минуту все его радовало: и красивое здание вокзала, и несущиеся вперед, обгоняющие друг друга машины, и памятник четырнадцати комиссарам, возвышавшийся среди широкой вокзальной площади.

Давно остался позади Мирабадский базар, где когда-то работал его отец, незаметно промелькнули знакомые улицы и махалли. Трамвай остановился со скрежетом. Абдулла подался вперед и увидел из окна родной дом с балаханой, заметил наверху висящую люльку — бешик. Вот он и приехал.

Абдулла бросился к выходу, соскочил с подножки. Проводив глазами трамвай, он перешел улицу, по давней привычке стараясь не ступать на рельсы. У края тротуара Абдуллу поджидал его одноклассник Рустам с большой хозяйственной сумкой в руке. Абдулла обрадовался встрече. Рустам за это время вроде не изменился. Да и что с ним могло случиться? Зато вот он, Абдулла...

— Ну, здравствуй! Жаль, что ты не поехал с нами, — сказал Рустам и опустил на асфальт свою сумку.

— А что?

— Хорошее место этот Чимган. Мы здорово отдохнули. Да и потом отец Ахрара не поспешил, зарезал барана. Два дня шашлык жарили. Все горы излазили, купались. Вот только я простыл немного, последние дни уже не купался. Тебе бы там понравилось, в Чимгане...

Абдулла улыбнулся.

— А в кишлаке хорошо было? — спросил Рустам.

— Неплохо, — ответил Абдулла. — На охоту ходил, стрелял перепелок.

— Перепелок? — глаза Рустама округлились.

— Да.

— И много настрелял?

— Штук тридцать.

— Вот молодец! Ну а еще чем занимался?

Абдулла снова улыбнулся. Конечно, он о многом мог бы рассказать, выплеснуть всю душу. Но зачем? Абдулла очень доволен своей поездкой, и этого достаточно. А другим об этом знать не обязательно. Да, совсем не обязательно. Поэтому он переменял тему разговора:

— Когда вы вернулись?

— Позавчера. А сегодня вечером договорились с Ахраром и другими ребятами немножко прогуляться. Наверно, на озеро пойдём. Посидим там на островке. Давай с нами?

— Я с удовольствием...

— Ну, тогда я к вечеру зайду за тобой.

— А сейчас куда с этой сумкой направился? — спросил Абдулла.

— Да на базар, вместо матери. Сам напросился. Скучно что-то стало. Хоть бы скорее приемные экзамены начались... Ну так мы с тобой договорились.

Абдулла кивнул. Уж ему-то, Абдулле, скучать не придется. Он будет учиться, хорошо учиться и думать о Гюльчехре.

Гафурджан-ака с нетерпением поджидал своего сына. Дело в том, что недавно их навестил один человек, который или забыл, или не захотел представиться. Гафурджан-ака поначалу никак не мог понять, кто это такой, однако, скрывая недоумение, тепло принял нежданного гостя. Пришедший был человеком средних лет, на нем ладно сидел добротный серый костюм, в руке была шляпа. Он сразу повел себя как старый знакомый.

— Я только вчера утром прилетел из Ленинграда, — сказал он. — Друзья мне и сообщили, что вы давно уже хвораете. Я бы и вчера вас навестил, да гости у меня были. А вот сегодня пришел, как видите.

— Спасибо, спасибо, — поблагодарил хозяин. Конечно, Гафурджан-ака чувствовал себя неловко, ведь он не знал, не мог вспомнить, с кем говорит. А спросить прямо постеснялся.

Между тем Шаходат-хола подала чаю. Гость рассказал, что он уже два года живет в Ленинграде и что там открылся новый физический институт, куда его пригласили читать лекции. Гафурджан-ака был в полном недоумении.

— Я побуду здесь около месяца, а потом заберу с собой дочь, — сообщил незнакомец. — Пусть она будет при мне, если, конечно, поступит в этот институт. А кстати, как поживает Абдулладжан? Я о нем только хорошее слышал.

— Да? — Гафурджан-ака просиял. — Он закончил школу с золотой медалью. Сейчас в Коканде. Мы отправили его в кишлак отдохнуть.

— Очень хорошо, очень хорошо. А что же он дальше собирается делать? В институт какой поступать?!

— В ТашГУ. На физмат.

— О, стало быть, он любит математику...

— Да, выпускную работу по математике он написал за двадцать минут.

— Тем лучше, — загадочно заметил гость.

— Да, учителя тоже удивились.

— Ну, моя Саяра целый час провозилась... Так вот, у института, о котором я говорил, большое будущее. Он, понимаете, с уклоном в ядерную физику...

— Ах вот как!

— Да, для девушки будет, пожалуй, немного трудно-вато...

Гость задумался. Гафурджан-ака тоже был поглощен своими мыслями. Вот если бы его Абдулла поступил учиться в этот институт!.. Он разумный парень, умеет себя держать, вернулся бы оттуда большим ученым...

— А стипендия там какая? — неожиданно для себя вдруг спросил Гафурджан-ака.

— Больше, чем в других институтах, есть общежитие. Что скажете на это, Гафурджан-ака? Может, вы пошлете своего сына учиться в Ленинград? Нам нужны способные студенты. А насчет материальной стороны... — Гость по-своему понял колебания Гафурджана-ака. — Со стороны материальной, я думаю, вы немного поможете, а потом, ведь я под боком. Я не оставлю его одного.

— Большое спасибо... — неуверенно произнес Гафурджан-ака.

— Я потому все это говорю, — продолжал свою речь гость, — что нам нужны таланты. И потом, у человека, закончившего этот новый институт, будет очень хорошая, нужная специальность. И еще меня устраивает другое. Они будут учиться вместе с моей дочерью, они будут поддерживать друг друга в этом большом незнакомом городе.

— Спасибо, — Гафурджан-ака приложил ладони к груди, — я обязательно поговорю с Абдуллой, когда он приедет.

— Отлично. Поговорите с ним, а потом пусть он встретится со мной.

Тут гость вырвал листок из записной книжки и что-то написал на нем.

После ухода гостя Гафурджан-ака взял в руки этот листок и закричал:

— Шаходат, эй, Шаходат! Ты знаешь, кто у нас был? Вот проклятая память!

— Кто же? — спросила Шаходат-хола. Она сидела на террасе и занималась шитьем.

— Когда я работал базаркомом, там был такой парень, Турсунали Курбанов, приемщик. Так это он самый. Узнала ты его?

Шаходат-хола подумала, отрицательно покачала головой. А Гафурджан-ака припомнил, как этот человек, стремясь к знаниям, желая учиться, убежал из родного аула Ура-тепа. Трудно ему пришлось, днем работал грузчиком на базаре, по ночам читал, занимался. Гафурджан-ака устроил его на более легкую работу. А потом Турсунали уехал куда-то. С тех пор они и не виделись... И вот, гора с горой не сходится, а человек с человеком... Сколько лет прошло, сколько воды утекло, а Турсунали не забыл его, пришел навестить. Мало того, он еще решил отплатить добром за добро. «Какой хороший парень этот Турсунали, — думал Гафурджан-ака. — Профессором стал, а не загордился. Пусть Абдулла поедет в Ленинград. Конечно, надо будет посылать ему денег. Да, с этим трудно придется. Ну ничего. Денег занять можно на первое время. А потом, должен же я все-таки поправиться?! Вот только Шаходат будет против того, чтобы сын уехал».

Гафурджан-ака, не откладывая дела в долгий ящик, поговорил откровенно со своей женой. Шаходат-хола сначала воспротивилась, но потом как будто поддалась на уговоры мужа.

— Твоя воля, ладно, — промолвила она. — Но что скажет он сам? Что скажет на это Абдулла?

В этих ее словах был свой резон. «Абдулла любит отца, — думала она, — он не оставит его в таком состоянии. Когда он еще выздоровеет, да и вообще выздоровеет ли — неизвестно. Абдулла должен это понимать. И к тому же и здесь можно учиться, главное — как учиться. Если хорошо, то и здесь он станет большим человеком».

Гафурджан-ака раздумывал вслух:

— Что он скажет сам? Скажет: поеду. Учиться в Ленинграде, в таком интересном институте не каждому суждено. А если он будет колебаться, жена, — слышишь? — то ты уж не сиди молча, поддержи меня.

Шаходат-хола промолчала.

— Почему не отвечаешь? Или я тебя все-таки не убедил? Послушай меня... Разве плохо, если твой сын овладеет редким ремеслом?

— Я уже ответила.— Шаходат-хола не смотрела на мужа.— Твоя воля. Что найдешь нужным, то и делай. Однако твой сын уже не маленький. Если не захочет поехать, так и не поедет. Разве не так?

— Вот и я об этом говорю, жена,— сказал Гафурджан-ака.— Он уже не маленький, однако давать наставления ребенку — задача родителей. Когда я буду говорить, ты не стой молча. Договорились?

— Ладно, я что-нибудь скажу,— промолвила Шаходат-хола.

К удивлению родителей, Абдулла принял новость очень спокойно. Гафурджан-ака никак не ожидал этого.

— Что, разве такое предложение тебе не понравилось? — с удивлением спросил он.

— Нет, почему же? Понравилось...— ответил Абдулла.

Совсем не хотелось ему ехать в Ленинград. Ведь через год придет Гюльчехра... он сам на этом настоял, уговорил ее! Вот если бы и Гюльчехра вместе с ним сейчас поехала в Ленинград, тогда было бы чудесно! Однако этому не бывать. Значит, и ему ехать не надо. Конечно, институт хороший. Да и вообще учиться в Ленинграде — об этом он раньше и не мечтал. Однако он не поедет. Он без Гюльчехры никуда не поедет.

— А если нравится, то почему же раздумываешь? — спросил Гафурджан-ака.— Мать согласна тебя отпустить. Шаходат, что скажешь, ведь ты согласна?

Шаходат-хола устремила на сына полные любви глаза и слегка наклонила голову, как бы в знак подтверждения. Она была рада. Колебания Абдуллы она понимала по-своему.

— Турсунали-ака обещает тебе помогать. И к тому же там стипендия больше, чем в других институтах. Но дело не в этом, сынок, там сама учеба интересная... Мы с твоей матерью хотим, чтобы ты стал настоящим ученым. Для этого мы на все готовы. Сами желаем тебе счастливого пути, поезжай. Вот здесь Турсунали-ака свой адрес написал. Он хочет с тобой встретиться. Вот и поговори с ним.

— Я подумаю,— сказал Абдулла. Без видимой охоты взял он из рук отца листок с адресом.

И все же неожиданное приглашение не давало покоя Абдулле. Когда Рустам зашел за ним к вечеру, Абдулла уже почти решил посоветоваться со своим одноклассником, однако в последний момент передумал: «Что это я? Разве в таком деле может быть советчик? А потом, ведь я и не колеблюсь. Я должен остаться, и все тут».

Они с Рустамом вышли на улицу.

— Куда мы пойдём? — спросил Абдулла.

— Вообще-то договорились встретиться на площади, под часами, — сказал Рустам.

— Ну что ж, пошли.

Солнце приближалось к закату, из парка, из-за серебристой его ограды, доносилась веселая музыка. Там играл духовой оркестр. Тени от громадных чинар ложились на площадь. В сквере Революции было полно народу. Для горожан начиналась вечерняя отрадная пора отдыха. Абдулла вдруг остро почувствовал, как не хватает ему сейчас Гюльчехры. Вот пришли бы они с ней сюда, походили по аллеям, потанцевали, а потом сели бы на эту затененную скамейку.

— А вон и ребята, — сказал Рустам, показывая на аллею. — Пойдем туда. А то здесь, под часами, еще затакают...

Они перешли улицу. Навстречу им, оживленно споря о чем-то, вышли из аллеи одноклассник Абдуллы высокий курчавый Ахрар и какой-то незнакомый, щеголевато одетый темноглазый парень.

— Ну вот и ты приехал наконец, — сказал Ахрар. — А мы боялись, застрянешь в кишлаке. Знаешь, как здорово мы погуляли в Чимгане!

— Слышал, — Абдулла, улыбаясь, поздоровался с ним. — Вы там так здорово погуляли, что слегли!

Все рассмеялись.

— Ну что ты! — возразил Ахрар. — Один только Рустам и простудился. Он ведь у нас такой — кто-нибудь чихнет, а у него уже сопли текут!

И снова послышался смех.

— Кстати, Абдулла, познакомься, — продолжал Ахрар, показывая глазами на своего товарища. — Это Пулат. Из сорок шестой школы. У него тоже медаль. Он не то что мы — в Ленинград собрался.

— Здравствуй, — Абдулла протянул руку слегка смутившемуся парню. — А в какой институт?

— В новый физический институт, — с готовностью ответил Пулат. — Институт только недавно открылся. Вот я и еду, хотя отец против.

— Хорошо, — промолвил Абдулла. «А чем я хуже этого парня?!» — промелькнуло у него в голове.

— Еще как хорошо! — вмешался в разговор Рустам. — Как ты считаешь, Ахрар? Ведь это здорово!

— Конечно, — подтвердил тот. — Если бы у меня была медаль, я бы и не раздумывал.

— А ты подумай и поезжай, — ввернул слово Пулат.

— Боюсь, трудные экзамены. Не сдать мне...

— А ты? — спросил Пулат, обращаясь к Абдулле. — Куда ты собираешься поступать?

— Я... — Абдулла замялся. — Наверно, и я поеду в Ленинград, — вдруг вырвалось у него, — в этот твой институт.

— Вот это новость! — воскликнул Рустам.

— Ну, это еще не решено, — торопливо прибавил Абдулла. — Так говорит мой отец.

— Поехали вместе, — сказал Пулат. — Вместе веселее.

— Да, конечно, — Абдулла искоса посмотрел на него. — Но сам-то я собираюсь поступать на физмат.

— Ну, хватит! — Ахрар даже руками замахал. — Надоели мне эти разговоры об институтах, как... не знаю что. Пошли.

— Пошли, — отозвался Рустам.

И ребята направились к улице Карла Маркса.

«Никто меня за язык не тянул, — думал по дороге Абдулла. — Или захотелось похвастаться? Вроде у меня нет такой привычки. Может, стало завидно? Неужели я так уж хочу поехать в Ленинград?» Абдулла злился на себя и почти не вмешивался в общий разговор. В кафе он с трудом заставил себя выпить одну пиалу белого вина и раньше всех поднялся с места. А дома, уже в постели, перед тем как заснуть, несколько раз повторил тихонько: «Ничего не случилось, ничего не случилось. Ведь я не сказал определенно, что поеду...»

12

Идти к профессору или нет — было его первой мыслью утром. С одной стороны, идти незачем, потому что он все равно не поедет. А с другой стороны... Хотя что с другой стороны?

Абдулла поднялся с постели, оделся и вышел на улицу. У арыка, лениво текущего между двумя дворами, он приметил Рустама и направился к нему. Рустам грелся на солнышке.

— Загораешь? — спросил у него Абдулла.

— А что делать? — ответил Рустам, зевая во весь рот.

- Утреннее солнце полезно...
- Оно конечно. Послушай, Абдулла...
- Что?
- Ты действительно собираешься ехать?
- Куда? — Абдулла вздрогнул.
- Как куда, конечно, в Ленинград.

Абдулла в ответ пожал плечами, поморщился.

— Ну что жмешься? Будь я на твоём месте, птицей бы полетел.

— Вот и лети, если хочешь.

— Хотеть мало... Ахрар вчера правду сказал: экзамены там будут тяжелые. Не сдать... А тебе и сдавать не надо. И отец тебя отпускает...

— Мало ли что...

— Не пойму я тебя. Ты, может, с ума сошел? За то время, пока был в кишлаке. Поезжай! А если не поедешь, потом будешь мучиться. Всю жизнь будешь переживать.

«Может, он и прав, — подумал Абдулла. — Скорей всего, так оно и будет».

И в самом деле, к примеру, этот Пулат после окончания нового института, пожалуй, добьется большего в жизни, чем он, Абдулла. Это несправедливо. Он ничуть не хуже Пулата. Если не лучше. Все это так, однако, однако... Нет, ничего не мог решить Абдулла. А что, если он переговорит с профессором? Что здесь плохого? Он переговорит с ним, и все!

Абдулла крепко пожал руку Рустаму:

— Ну ладно, я пошел.

— Куда?

— Дело есть.

С этими словами Абдулла поспешил к себе домой. Он быстро выпил пиалушку чаю, переоделся.

— Сынок, — обратился к нему Гафурджан-ака, — сходил бы ты к дяде Турсуну.

— Хорошо, я имею это в виду, — сказал Абдулла.

Профессор жил в самом тихом и спокойном месте Ташкента, на Хорезмской улице. Абдулла несмело подошел к зеленым воротам и осторожно надавил на кнопку звонка. Подождал немного. Никто не вышел. «Это к лучшему», — сказал себе Абдулла. Однако перед тем как уйти, он нагнулся и заглянул через щелку во двор. Оказалось, почти сразу за воротами росли большие красные канны. Кроме этого, он ничего не увидел. И тут из глубины двора послышался звонкий голосок:

— Кто там?

Абдулла не знал, как ответить, и легонько постучал в ворота согнутым пальцем. Ворота отворились, и глазам Абдуллы предстала стройная девушка в брюках цвета морской волны и в желтой кофточке без рукавов. Каштановые волосы на ее маленькой красивой головке были подхвачены спереди узкой ленточкой. Абдулла заметил едва заметные капельки пота над верхней губой девушки, а увидев в ее руке мокрую тряпку, догадался, какой работой она была занята. Девушка завела руки за спину, чтобы спрятать тряпку.

— Салам алейкум, — сказал Абдулла.

— Здравствуйте, — ответила по-русски девушка.

— Мне нужен Турсунали-ака. Он дома?

— Дома, заходите. — Она произнесла это по-узбекски, но как-то неловко, с акцентом, что ли.

— Спасибо. Я постою здесь... у ворот.

— Нет, нет, заходите.

Девушка шире открыла ворота и, не ожидая, когда он войдет, направилась к дому, постукивая легонькими танкетками по камням.

— Папа!

Девушка поднялась на террасу, отбросила танкетки на ступеньки и босиком вошла в комнату. Абдулла подошел к лестнице и остановился, оглядывая двор. Он просто утопал в цветах. Посредине двора, под высокой яблоней, возвышался сури, ярко-зеленый плющ вился по голубым стойкам.

— Что ж вы там стоите? Заходите, — пригласила девушка из комнаты.

Абдулла, стараясь не смотреть снизу на ее ноги, поднялся по ступенькам. Он хотел было снять туфли, но девушка положила к его ногам тряпку:

— Что вы, не надо! Вытрите, и все.

Абдулла потоптался немного на этой тряпке и вслед за девушкой вошел в зал. Направо, по обе стороны маленького круглого столика, стояли два больших низких кресла. Девушка коснулась рукой одного из них:

— Садитесь. Отец скоро выйдет.

Абдулла осторожно опустился в кресло. В первый раз ему приходилось видеть такой дом, в первый раз он сидел в таком кресле! Как здесь было хорошо! Интересно, все профессора так живут? И потом, еще эта девушка. Она теперь окно протирала. Абдулла невольно загляделся на нее. Каждый раз, когда девушка поднимала руку с тряпкой, в зазоре между кофточкой и туго натянутыми брюка-

ми показывалась ее тонкая белая талия. Это длилось долго. В какой-то момент Абдулла почувствовал, что девушка смотрит на него, и смутился, отведя глаза в сторону.

— Папа! Ну хватит, человек ждет! — крикнула она рассерженно.

Вскоре в гостиную вошел Турсунали-ака. Абдулла поднялся с места.

— Я вас заставил ждать, — медленно произнес профессор. — Кажется, я догадываюсь, с кем имею честь. Здравствуйте, Абдулладжан.

— Здравствуйте, — сказал Абдулла улыбаясь.

— У меня привычка работать по утрам. Простите, Абдулладжан.

Своей обходительностью, спокойной манерой держаться профессор сразу понравился Абдулле.

— Кстати, поздравляю с золотой медалью, — продолжал Турсунали-ака.

— Спасибо, — Абдулла снова улыбнулся и опустил голову.

— Саяра! — позвал профессор.

«Ага, значит, ее зовут Саяра», — отметил про себя Абдулла. Девушка быстро подошла к столику. Теперь у нее на ногах были мягкие тапочки бирюзового цвета.

— Что, папа?

— Познакомься. Это сын Гафурджана-ака. Я тебе говорил о нем.

Абдулла протянул девушке руку.

— Абдулла, — представился он.

— Школу-то он закончил лучше тебя — с золотой медалью! — добавил профессор.

— Поздравляю, — сказала девушка улыбаясь. Носик у нее был точеный. А над верхней губкой чуть темнел едва заметный пушок.

— Да говори ты по-узбекски! — с легкой иронией произнес профессор.

Саяра сложила губы бантиком.

— Ну ты же знаешь, какой у меня выговор! Чаю заварить?

— Конечно. Где мама?

— Пошла в ателье. Где будете пить?

Девушка избегала смотреть на Абдулла.

— Здесь, — сказал профессор.

— А я хотела здесь убирать...

— Ну, тогда во дворе.

Саяра вышла из гостиной.

— Вот ведь как получается, Абдулла, — заговорил Турсунали-ака. — В молодости я мучился с русским языком, трудно он мне давался, вот я и отдал ее в русскую школу. У нее и подружки русские. А теперь я учу ее узбекскому. С матерью она теперь разговаривает только по-узбекски. А меня стесняется. Ну так рассказывай, как у тебя дела?

— Спасибо, хорошо.

— Недавно я к твоему отцу приходил. Поговорили. Как-никак не виделись долго. — Турсунали-ака вздохнул. — Мучится он, бедняга. Гипертония — модная болезнь. Но ведь как-то лечат же ее! Думаю, поправится. Давно я твоего отца знаю, много хорошего он для меня сделал. Кто знает, не помог бы он мне, может, я и не стал бы тем, кем стал...

Профессор задумался. Абдулла смотрел на его высокий гладкий лоб, отметил про себя седину на висках... В эту минуту ему очень захотелось быть похожим на Турсунали-ака. Пройдет время, он заведет семью, так же, как этот профессор, непринужденно будет разговаривать со своими сыновьями, как равный с равными...

— Мой отец много о вас рассказывал, — прервал молчание Абдулла, не найдя другого способа сделать приятное хозяину.

— Спасибо. С отцом вам повезло. Душа человек. Он всем делал только добро. А что же все-таки говорят доктора?

Абдулла не знал, что ответить. Как вернулся из кишлака, ни разу не говорил на эту тему ни с отцом, ни с матерью. Но до поездки в Мингбулак он слышал мнение одного врача, которое теперь и высказал:

— Ему нельзя есть мясо. Ничего острого тоже нельзя. Пробовал было отец выйти на пару дней на работу, но ему сразу стало хуже...

— Да, если он сейчас не станет как следует следить за собой, потом ему будет труднее. Конечно, надо пока оставить мысли о работе...

— Вот и я каждый раз говорю ему об этом, — сказал Абдулла и густо покраснел. Никогда он этого не говорил. Наоборот, ему нравилось, когда отца не было дома, он чувствовал себя свободнее. «Почему я так плохо отношусь к отцу? — подумал Абдулла. — Если уж профессор произнес такие слова, я-то должен был и подавно...»

— У нас часто бывает так, — промолвил грустно Турсунали-ака. — В большинстве случаев болеют хорошие

люди, добрые люди не живут долго. А плохие — ничто их не берет: ни простуда, ни другие напасти.

— Да, — несмело подтвердил Абдулла.

— Пап! Все готово! — услышали они со двора голосок Саяры. — Ну идите же!

— Что ж, пойдем, — Турсунали-ака поднялся с места. — Откушаем чаю. Саяра славно заваривает! Правда, дочка?

— Нет, неправда! — ответила Саяра немного жеманно.

Они устроились в беседке. На столе в большой хрустальной вазе лежали персики, яблоки, виноград хусейни, золотистые ягоды инжира. На голубом блюде — самаркандский миндаль. Жирная конская колбаса кази была искусно нарезана тоненькими кружочками. Абдулла был поражен. Вот это завтрак!

Саяра принесла большой фарфоровый чайник, села напротив Абдуллы и стала разламывать лепешки. Потом подала ему пиалу с фамильчаем.

Дымящийся напиток в пиале был яркого рубинового цвета и распространял тонкий, нежный аромат.

— Вот видишь, разве я тебе не говорил! — воскликнул, улыбаясь, Турсунали-ака.

— Не хвастай, папа! — буркнула Саяра, покосившись на Абдуллу.

— А разве я не прав?

— Чай получился очень хороший, — сказал Абдулла, — очень душистый, вкусный чай.

— Послушай, — обратилась к отцу Саяра, — так этот Абдулла поедет в Ленинград, да?

Турсунали-ака прищурился и спросил:

— А он тебе понравился, я вижу, а?

Саяра покраснела. Потом схватила чайную ложку и легонько стукнула ею отца по руке.

— Выдумываешь всегда. Я просто спрашиваю.

Однако профессор продолжал подначивать:

— А почему же ты тогда покраснела?

— Просто жарко! Вот и все!

— Знаю, почему тебе жарко.

— Папа!

— Ладно, ладно, больше не буду.

Абдулла, смущенный этим разговором, пристально разглядывал сложный рисунок на пиале. «Какая славная девушка! Неужели мы будем учиться вместе?»

— Отец, наверно, уже говорил тебе... — начал в этот момент профессор, обращаясь к гостю.

Абдулла поднял голову.

— Институт, в котором я работаю, — продолжал Турсунали-ака, — создан недавно. Это очень нужный институт. Сейчас много идет разговоров о ядерной физике, ты и сам слышал, наверное. В Москве, Ленинграде, Новосибирске построены атомные реакторы. Создаются электростанции. Через два-три года и в Узбекистане будет немало таких сооружений. Кроме того, в институте занимаются и космосом, частицами высоких энергий. Так вот я тебе и предлагаю... Подумай.

Абдулла посмотрел на Саяру. Девушка вертела в тонких пальцах чайную ложку.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Мне отец говорил об этом.

— Да, вот еще что. Взгляни-ка на это уравнение. — Профессор вынул из кармана карандаш и быстро написал что-то на бумажной салфетке. — Только ты не подумай, что это собеседование, мне просто интересно, что ты скажешь по этому поводу.

Абдулла положил салфетку перед собой. Лицо его словно окаменело. Потом он машинально протянул правую руку, и профессор вложил в нее карандаш. Саяра прыснула в кулачок.

— Это, по-моему, решается вот так, — произнес Абдулла слегка изменившимся голосом. — Вот. — И он вернул салфетку профессору.

Турсунали-ака удовлетворенно кивнул.

— Ну что ж, верно... Тем лучше, — прибавил он. — Ну а вот такую задачу ты раскусишь?

И опять словно окаменело лицо Абдуллы. Наконец он поднял глаза на профессора:

— Я знаю, как решать эту задачу. Но мне потребуется минут двадцать...

— Молодец, Абдулла. Правильно. Но ее можно решить и в два счета. Этому тебя научат в первом же семестре.

— Папа, ты ему настоящий экзамен устроил... А мне кажется, он не хочет ехать в Ленинград, — вдруг сказала Саяра.

Абдулла молчал. Турсунали-ака мельком глянул на него и произнес:

— Подумай, Абдулладжан. Посоветуйся с домашними. Вообще-то документы уже надо отправлять. Все же, думаю, через два дня не поздно будет. — Он поднялся с места, давая этим понять, что разговор окончен.

У ворот Саяра, улыбаясь, протянула Абдулле руку:

— До свидания.

— До свидания,— Абдулла крепко пожал узкую девичью ладонь.

Когда ворота закрылись за ним, Абдулла облегченно вздохнул, провел рукой по лицу. Кажется, он выдержал испытание. Надо же, какие хорошие люди! Какие интересные люди! С ними не то что в Ленинград... «До свидания». Почему она так с ним попрощалась? Почему это слово она произнесла по-узбекски — «хаир»? Однако у нее это получилось очень мило: «Хаир»...

— Сынок,— обратился Гафурджан-ака к сыну, когда тот пришел домой,— когда же ты наведишь Турсунали-ака? Ведь он приглашал тебя зайти.

— Я уже встретился с ним,— сказал Абдулла.

— Встретился? Когда?

— Только сейчас оттуда.

— Ну и как?

— Он, по-моему, хочет, чтобы я поехал в Ленинград.

— Вот видишь, а я тебе что говорил? Этот человек ничего, кроме добра, нам не желает. Что ты ему ответил?

— Пока ничего. Да он и не настаивал. Сказал, чтобы я подумал, посоветовался с домашними.

— Ну, наше мнение ты уже знаешь. А сам-то ты как? Сам-то что решил?

Гафурджан-ака с нетерпением ожидал ответа.

— Может, и поехать мне?..— тихо спросил Абдулла.

Внезапно с террасы послышался какой-то шум.

Это Шаходат-хола, услышавшая слова сына, нечаянно уронила на пол блюдо, которое она держала в руках.

13

Абдулла не знал, что профессор Курбанов по договоренности должен был читать лекции в новом институте только три года. Два года он уже проработал. Следовательно, опекать свою дочь в Ленинграде он мог только на первом курсе. Через год Турсунали-ака должен был вернуться на старую работу в Ташкент.

— Неужели только из-за меня ты хочешь заставить его поехать? — спросила у своего отца Саяра после ухода Абдуллы.

Профессор внимательно посмотрел на свою дочь и ответил:

— Нет, не только из-за тебя. Не только. Так что успокойся. Ты ведь уже не маленькая, за год успеешь при-

выкинуть к новой жизни. Я просто желаю добра этому парню. Отец у него из настоящих, честных людей.

— А если он не поедет?

— Это другой разговор. Не поедет так не поедет, дело его. Но я считал себя обязанным сделать ему это предложение, зная все про этот институт, понимая его значение. Что ты скажешь мне на это?

Саяра пожала плечами. Ей было все равно, поедет Абдулла или нет. Она впервые с ним виделась, впервые с ним разговаривала... Если не поедет, она не станет переживать. А коли поедет, тоже плохо не будет. Она попыталась вспомнить его лицо. Странно, ничего не получалось. А вроде симпатичный парень, высокий, широкоплечий. Да и задачки так здорово решает... Вот только он по-русски говорит неважно. Как она по-узбекски. Это, конечно, объяснимо. Он окончил узбекскую школу. Ну что ж, если ему будет трудно, Саяра ему поможет. Поможет не только правильно говорить. Она научит его танцам. Удивительно, почему это многие узбекские парни и девушки не умеют танцевать? Ведь это такое удовольствие, такая радость!

Саяра зашла в свою комнату и включила радиолу, свои любимые «Дунайские волны». Она постояла немного, покачиваясь в такт широкой красивой мелодии, потом схватила большого плюшевого мишку, подаренного когда-то отцом, и — раз-два-три! — плавно закружилась с ним по комнате. С этим мишкой Саяра до сих пор спала вместе.

— Вы танцуете? — сразу спросила Саяра, когда Абдулла пришел к ним вечером на другой день.

Абдулла такого вопроса не ожидал.

— Немного, — покраснев, ответил он. — Но я... я...

— Потом доскажете, пойдете.

Девушка взяла его за руку и потащила к себе в комнату.

— У нас дома нет никого. В гости ушли. А мне одной скучно.

С этими словами Саяра попыталась отодвинуть в сторону стол, стоящий посреди комнаты. Но сил у нее не хватило, и она, сдвинув брови, уставилась на Абдулла. Абдулла стоял улыбаясь. Он не сразу понял, что от него требовалось.

— Помогите же мне! — сказала Саяра.

— Простите...

Абдулла мигом отодвинул стол. Саяра завела пластинку и подошла к нему:

— Фокстрот.

Всем своим видом, непосредственностью, свободными манерами Саяра резко отличалась от девушек, которых до этого видел и встречал Абдулла. С несколько смущенным видом он взял ее за талию и повел все расширяющимися кругами.

Через минуту Саяра сказала по-узбекски:

— А я-то, дура, думала научить вас танцевать...

— Ого! — удивился Абдулла. — Оказывается, вы по-узбекски очень хорошо говорите.

— Если мне об этом не напоминают, — призналась Саяра, поднимая голову и глядя ему прямо в глаза. — Отец смеется над моими ошибками, поэтому мне и не хочется говорить с ним по-узбекски.

— А с матерью разговариваете?

— И с матерью, и с соседями.

— Если будете упражняться, так еще чище станете говорить...

— Это верно... А у вас как дела с русским языком?

— Не очень важно. Можно сказать — плохо.

— Если поедете в Ленинград, я вас подучу. Вы поедете?

— Да. Я и пришел для того, чтобы сказать об этом вашему отцу.

— Ну что же, будем учиться вместе.

Эти слова Саяра произнесла с таким безмятежным спокойствием, что Абдулла не мог разобрать, рада она его сообщению или нет. «Ей все равно», — подумал он. Настроение у него сразу упало. И вот, забывшись, он наступил девушке на ногу.

— Простите, — сказал он, покраснев.

— Ничего, — Саяра улыбнулась. — Это случайно. Вы очень хорошо танцуете. А в узбекских школах это дело плохо поставлено.

— Если бы я танцевал хорошо, разве наступил бы вам на ногу? Вам не больно?

— Нет, уже прошло. А вы умеете танцевать твист?

— Нет, этого я не умею.

— В Москве танцуют только твист. И в Ленинграде. У меня есть одна пластинка. Завести?

Абдулла кивнул.

Девушка подбежала к радиоле, остановила ее и стала перебирать пластинки, в беспорядке лежащие на столе.

— Куда она запропастилась?

Абдулла стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на Саяру. Да, интересная девушка. Непосредственная, милая. Но Гюльчехра еще милее. Гюльчехра как-то ближе, она ему родная. А он едет от нее в Ленинград. Как Гюльчехре все это объяснить? Да очень просто! Почему только ему это раньше в голову не приходило? Столько времени зря мучился! Он пошлет ей письмо. Да, он будет учиться в Ленинграде. Что из этого? Все дело в том, что никому не известно, приедет Гюльчехра через год в Ташкент или нет. Об этом она и сама не знает. Все зависит от того, как сложатся обстоятельства. Если она сможет вырваться из кишлака, то почему бы ей не поехать учиться вместо Ташкента в Ленинград?! А если не сможет, то не все ли равно, откуда к ней будет приезжать Абдулла на летние каникулы — из Ташкента или из Ленинграда? Гюльчехра должна это понять. Ну а Саяра — что ж, вместе с Саярой они будут учиться в этом новом институте, только и всего. Ведь между ними ничего нет. И быть не может. Во-первых, он любит Гюльчехру, во-вторых, у Саяры может быть свой парень. И даже если нет, то все равно Абдулла ей не нравится. Если бы нравился, она, конечно, обрадовалась бы, когда узнала, что он едет. А то ведь нет.

— Вот, нашла! — сказала наконец Саяра, перебрав чуть не все пластинки. — Это очень хороший твист.

Зазвучала веселая, ритмичная музыка.

— Ну как, нравится?

— Нравится.

— Ну, тогда давайте потанцуем.

— Нет, — ответил, улыбаясь, Абдулла. — Я не умею это танцевать.

— Это легче, чем фокстрот. Смотрите.

Саяра развела руки в сторону, плечики ее вздрогнули... Абдулле пришлось на каком-то вечере увидеть, как танцевали твист. Тогда ему это не понравилось. Теперь же, наблюдая за движениями Саяры, он понял, что в этом танце нет ничего неприятного — наоборот, интересно и даже... красиво. Невольно стал он хлопать в ладоши в такт музыке.

Потом Саяра завела вальс. Тут уж Абдулла показал, на что он способен. Одно удовольствие было танцевать с Саярой. А после вальса — танго, потом снова вальс, фокстрот...

Когда кончился фокстрот, Саяра вдруг спросила:

— А вы не считаете меня легкомысленной?

— Нет, что вы, — ответил поспешно Абдулла. — Я очень рад знакомству с вами.

— И я тоже. Я люблю танцы. И вообще обожаю музыку. Даже когда что-нибудь делаю, слушаю радио. Скажите, а вам нравится опера?

— Какая опера?

— Вообще оперы. Например, «Аида», «Чио-Чио-Сан»...

— Да, — сказал Абдулла. — Недавно я слушал «Кероглы». Мне очень понравилось.

— Хорошая опера. Но мне больше нравятся итальянские. Хотите услышать арию из «Травиаты»? Поет Тито Гобби.

— Конечно, конечно, — вымолвил Абдулла. Он хотел было спросить, а что в нем такого особенного, в этом Тито Гобби, но не осмелился. Как бы впросак не попасть! Ведь он, признаться, не очень-то разбирается в серьезной музыке. Времени не было да, может быть, и желания...

— Когда-то я собиралась поступать в консерваторию. Потом передумала. — Саяра покачала головой. — Мне вдруг физика понравилась.

— А вы бы могли учиться в консерватории заочно?

— Тсс! — Девушка приложила палец к губам. — Началось.

Тито Гобби пел по-итальянски, и Абдулла, разумеется, ничего не понял, но слушал со вниманием. Саяра сидела с отрешенным видом, и, когда пластинка кончилась, Абдулле захотелось спросить, о чем таком грустном она думает, но Саяра сама обратилась к нему:

— Ну как, хорошо?

— Да. Очень.

— А вам раньше не приходилось слышать?

— Приходилось... слышать, — Абдулла смешался, — но... не эту арию, а... другую.

— Это очень хорошая ария. И к тому же еще никто не спел ее лучше, чем Тито Гобби. Если в «Фаусте» нет равных Шаляпину, то в «Травиате» — Гобби. А у нас нет такого голоса, нет у нас и подобной оперы. — Саяра вздохнула.

— Вы очень расстраиваетесь из-за этого?

— А вы разве нет? Республика у нас богатая, как будто все есть. А вот голосов — нет. Одна Халима-апа. Кого еще назовете?

Никого не мог назвать Абдулла. И не потому, что был согласен с Саярой, а потому, что у него на этот счет по-

просту не было собственного мнения. Кроме своих уроков и экзаменов, Абдулла мало чем интересовался. До него вдруг дошло, каким неотесанным выглядит он по сравнению с Саярой. «Да, мне далеко до нее, — с обидой подумал он. — Наверно, все дело в том, что она — дочь профессора, а я — сын торгового работника. Но ведь я в этом не виноват». Наконец Абдулла прервал затянувшееся молчание.

— А «Гюльсара»? «Гюльсара»... — неуверенно повторил он. — По-моему, это хорошая опера.

— Вот только она одна...

Абдулла улыбнулся. Слава аллаху, тут он попал в точку. Саяра с ним согласилась.

— Ведь это правда, — продолжала девушка, — после «Гюльсары» у нас ничего стоящего не появилось. Не появилось и новых голосов. Иной раз даже как-то не по себе становится...

Абдулла не отрывал от нее глаз. Наверно, еще трудней ему придется, если она заговорит о литературе. Но ведь этого не избежать...

— Саяра, у вас много книг? — неожиданно спросил он.

— Нет, не очень. А что?

— Можно мне посмотреть?

— Пожалуйста.

Саяра повела его в соседнюю комнату. На всех стенах были книжные стеллажи. Абдулла так и ахнул:

— Большая библиотека...

— Тут большинство книг научные. А вот здесь, в простенке, то, что я люблю.

— Вы все это прочитали?!

— Да. Сейчас перечитываю Хемингуэя. Вы любите его?

— Да как сказать... — Абдулла замялся. — А можно у вас брать некоторые книги?

— Можно. Но...

В это время зазвенел дверной звонок.

— Подождите. Я сейчас... — Саяра выбежала из комнаты.

«Я должен прочитать все эти книги. Почему она могла, а я не могу? — думал Абдулла. — Только где взять время!»

— Папа! — зазвенел голосок Саяры. — Он здесь!

— Кто?

— Абдулла. Он поедет.

— Очень хорошо, — сказал Турсунали-ака.

— Мы тут с ним слушали музыку, танцевали...

— А чай поставила? — слышался женский голос.

«Наверно, это ее мать», — догадался Абдулла.

— Ой! Забыла!

— Тебе бы только танцы. Давай-ка займись чаем!

Абдулла вышел в гостиную.

— Здравствуйте, Абдулладжан. Мадина! — профессор повернулся к жене. — Это сын Гафурджана-ака.

— Как поживаете, молодой человек? — немного растягивая слова, спросила жена профессора. — Так вы определенно решили ехать?

— Да...

— Очень хорошо, если так. Боюсь, эта проказница Саяра, наверно, уморила вас голодом!

— Я сыт, — улыбнулся Абдулла. — Только собрался уходить.

— Ну как же так... — Турсунали-ака покачал головой. — Теперь вы должны посидеть с нами. Или о вас будут беспокоиться?

— Нет, — сказал Абдулла. — Я их предупредил.

— Ну так в чем же дело?..

И Абдулла пробыл в доме профессора до самого позднего вечера. Теперь он уже не так смущался и меньше робел, чем в прошлый раз. В семье профессора царили искренность и радушие. Отец и дочь необидно подтрунивали друг над другом. Под конец Турсунали-ака взял у Абдуллы аттестат и попросил его написать заявление на имя ректора института. Абдулла должен прибыть в Ленинград спустя месяц, двадцать пятого августа, сам же профессор поедет раньше, через три дня ему уже надо быть в институте. С ним вместе поедет и Саяра...

Девушка проводила Абдулла до ворот.

— Смотрите не передумайте, — лукаво сказала она.

Абдулла рассмеялся:

— Куда я теперь денусь, если даже и передумаю?..

Ведь мой аттестат в руках вашего отца, Саяра.

Девушка протянула ему руку:

— Завтра придете?

— А можно прийти?

— Конечно! Мы ходим в кино. На новый фильм.

— Как называется?

— «Любовный напиток». Играет Джина Лоллобриджида.

— До завтра, Саяра...

— До завтра, Абдулла.

Он шел домой по тихой темной улице и улыбался. Еще месяц — и прощай Ташкент. Внезапно он остановился,

поднял голову, нашел в ярком ночном небе свою зеленую звезду и подмигнул ей. «Надеюсь, ты будешь светить мне и в Ленинграде», — подумал он и вдруг вспомнил, что еще не нашел звезду для Гюльчехры. «Надо будет заняться этим как-нибудь на досуге, так сразу не выберешь», — решил Абдулла. И все же настроение у него как-то потускнело, он почувствовал себя немного виноватым. Хотя в чем? Что он такого сделал?

Некоторое время Абдулла стоял у своих ворот, не решаясь войти. До чего их дом старый! До чего невзрачный! Случись, придет к нему Саяра, так он со стыда сгорит! И опять же эти книги. Всего-то их у него штук восемьдесят, все в нише помещаются. Саяра Хемингуэя перечитывает. Перечитывает! А он его и не читал. Все больше по программе, экзамен ведь надо было сдавать, золотая медаль не шутка. Но ничего. Он еще ее догонит. Обязательно догонит. А после окончания института первое, чем надо заняться, — это дом подновить или же купить новый. Одну комнату он отведет под библиотеку, другая, самая большая, будет залом-гостиной, ну и, конечно, отдельную комнату займет столовая... Да, так он и делает.

Долго не мог заснуть Абдулла. Все в родном доме казалось ему отталкивающим: и старый желтый самовар, стоящий в нише, и потолок из покоробившейся фанеры, и дряхлая балахана, и эта дурацкая люлька — бешик...

На следующий день он пришел к Саяре и застал у нее целую компанию молодежи. Весело было, шумно. Саяра про кино и не вспомнила. Абдулле это не понравилось. Не понравилось ему и то, что она никак не выделяла его среди других парней. И до Абдуллы внезапно со всей очевидностью дошло, что он для Саяры всего лишь один из многих, да, именно так, всего лишь один из многих. Это ощущение не покинуло Абдуллу и на другой день, когда они все-таки пошли вместе в кино...

Перед отъездом профессор пришел попрощаться с Гафурджаном-ака.

— Абдулладжан теперь наш, — пошутил он, поздоровавшись с хозяином.

— Я охотно отдаю его вам, как говорят старики: кости отроков наши, а мясо ваше.

Они рассмеялись.

— Турсунали, спасибо вам, — на глазах Гафурджан-ака вдруг заблестели слезы. — Я вам очень благодарен. Вся надежда у нас на Абдуллу. Когда мы состаримся, он будет светильником в нашем темном доме. И вот мы его от-

пускаем... Главное, чтобы вы там присмотрели за ним. И этого будет достаточно.

— Что вы, пока он не освоится, пока не разберется, что белое, а что черное, я ему буду помогать. А потом он уже сам будет знать, что делать. Я буду о нем справляться, — сказал Турсунали-ака. — Так что можете быть спокойны.

— Спасибо, спасибо.

Наутро Абдулла провожал профессора и Саяру в аэропорт.

— Приезжайте пораньше, — сказала на прощание Саяра. — Я вам покажу город. Покатаемся по Неве на «Ракете».

Когда самолет скрылся в облаках, сердце у Абдуллы защемило. И он не мог понять почему.

14

Когда он отворил ворота, его родители сидели рядышком на супе. Вид у них был невеселый. Абдулла тоже присел на край супы, вопросительно посмотрел на мать.

— Ну что, проводил? — спросила Шаходат-хола.

— Да.

— Скончалась Саодат-апа.

— Кто?

— Саодат-апа, соседка твоего дяди в Мингбулаке, — объяснила Шаходат-хола.

— Это кто же, мать Гюльчехры?! — Глаза Абдуллы расширились, он медленно поднялся с места.

— Да. Кажется, ей и сорока лет не было, так, отец?

— Во всяком случае, что-то около этого, — подтвердил Гафурджан-ака. — Что мы будем делать?

— Не знаю, — сказала Шаходат-хола. — Может, дадим телеграмму?

— Не говори глупостей, — отрезал Гафурджан-ака. — Человек умер, а ты — телеграмму! Съездила бы вместе с Абдуллой.

— Оставить тебя одного?

— А что со мной сделается? Я здоров как бык. И потом, два дня — не год. Поезжайте. Вечерним поездом.

Шаходат-хола задумалась.

— Слышала, что я сказал? Собирайся в дорогу. Ведь надо купить того, другого...

Абдулла стоял потупившись. Бедная Гюльчехра. Какое ей теперь! Прощаясь, они обещали писать друг другу. Письма Гюльчехры должны были приходиться на почту до

востребования. Он-то не сдержал своего обещания — неужели из-за Саяры? Нет, просто некогда было. А написала ли Гюльчехра? Почему он до сих пор не думал об этом?

И Абдулла заторопился на улицу.

— Куда? — бросил ему вслед Гафурджан-ака. — Не уходи далеко.

— Я скоро вернусь.

К счастью, почта еще не закрылась на обед. Абдулла вынул из кармана свой досаафовский билет и протянул его девушке, сидящей у окошка.

— Пожалуйста, мне должно прийти письмо из Коканда...

— Без паспорта мы не выдаем, — равнодушно сказала девушка.

— Я вас очень прошу, это важное письмо. Я сейчас сам еду в Коканд.

— А коли сами едете, зачем вам письмо?

— Беда случилась. Неожиданно приходится ехать. Да есть ли письмо-то?

Девушка лениво стала перебирать грудку писем. Вынула одно, повертела его в руках и покосилась на Абдулла.

— От кого должно прийти письмо?

— От Саидовой. Саидовой Гюльчехры, — торопливо ответил Абдулла. — Есть?

— Есть. Кем она вам приходится?

— Знакомая. Хорошая знакомая.

— Гм... — Девушка покачала головой. — Знаем мы ваших знакомых. Сказали бы просто, что это ваша подружка, с которой вы встречаетесь.

Абдулла разозлился.

— А какое это имеет значение? — спросил он с вызовом.

— Если это для вас не имеет значения, то для нас имеет, — грубо сказала девушка. — Из-за нестоящего любовного послания вы доставляете беспокойство всей почте. Берите. В следующий раз приходите с паспортом.

Абдулла взял конверт и тут же надорвал его.

«Здравствуй, Абдулла. Немного прошло времени с тех пор, как ты уехал. А мне кажется, что много. Моей маме стало совсем плохо. Приезжал знаменитый доктор, ничего не смог сделать... Сказал, что нет надежды. Он ушел, а я целый день проплакала. Вечером оставила отца возле матери и вышла на улицу. Сама не знаю, как очутилась у нашего родника. Помнишь, сколько раз мы там сидели? Как ты живешь, Абдулла? Мне кажется, без тебя в киш-

лаке стало совсем пусто. Если будет у тебя возможность, приезжай перед началом занятий. Может, к тому времени и мать поправится. Я жду тебя с нетерпением. Гюльчехра».

И еще было выведено внизу страницы: «Прости, я писала у очага. Могут встретиться ошибки».

Абдулле стало не по себе. Почему он ей не написал? Ведь они условились. Бедная девушка, что она сейчас делает? И вообще, что она теперь будет делать?

До самого отъезда да и в поезде Абдулла был мрачен. Шаходат-хола после нескольких неудачных попыток вовлечь его в разговор замолчала...

Солнце уже начинало припекать, когда они подошли к Мингбулаку. В доме бабушки никого не было, кроме жены Абида-ака.

— Все на похоронах, — тихо сказала она.

Абдулла поставил чемодан на веранде и вышел на улицу. Возле дома Гюльчехры стоял понурившийся Самад. Абдулла тихо приблизился к нему, они поздоровались молча, кивком головы.

— Выносят! — прошептал Самад.

Абдулла заглянул в ворота. Над женщинами и мужчинами, заполнявшими двор, поднялся гроб, накрытый красным бархатом, колыхнулся в руках людей и поплыл к воротам.

Напрасно Абдулла искал Гюльчехру в густой толпе. Людские волны подхватили его и понесли по пыльной дороге за околицу кишлака.

Кладбище было довольно далеко от Мингбулака. Нещадно палило солнце. Многие изнемогали от жары. Когда гроб опустили на землю, подул легкий ветерок. Абдулла ощутил пряный запах бурьяна и огляделся. Ветви яблонь гнулись под тяжестью плодов. Если бы не гроб под красным бархатом, если бы не старики в чалмах, кладбище это вполне можно было принять за обычный яблоневый сад, в котором еще не собран урожай.

Со дна узкой ямы поднялся могильщик, одетый в белый халат, и что-то сказал высокому широкоплечему человеку, стоящему рядом с гробом.

— Кто это? — спросил Абдулла у Самада.

— Раис. Нормат-ака.

Председатель колхоза поднял руку...

— Слушайте, слушайте, — раздался голоса.

Нормат-ака провел рукой по лицу и начал тихим голосом:

— Товарищи, сегодня у нас большое горе. Мы прощаемся с нашей сестрой, мы прощаемся с нашей Саодат.

В толпе кто-то всхлипнул. На глазах Нормата-ака заблестели слезы.

— Наша сестра Саодат, — продолжал он, — была великой труженицей. Еще девочкой работала кетменем, сажала хлопок. А в годы войны она села за руль трактора. Саодат знают у нас в кишлаке и стар и млад, все с уважением относились к ней. Тяжелая болезнь замучила нашу сестру. Теперь нет среди нас Саодат. Однако она всегда с нами, она в наших сердцах. Прощай, любимая сестра, прощай, Саодат. Спи спокойно.

Женщины заплакали, зарыдали, и все звуки покрыл звенящий голос Гюльчехры:

— Мама!! Не оставляй нас, не уходи, мамочка!!!

Абдулла не выдержал, отвернулся. В глазах у него защипало. Понуро возвращались люди с кладбища. Ганишера-ака вели под руки...

Ближе к вечеру Абдулла отнес чаю старикам, по обычаю держащим траур на улице. Тут он и увидел Гюльчехру. Девушка была в черном атласном платье, на голове черный платок. Бледная, под глазами темные круги, веки воспаленные, красные. Гюльчехра посмотрела на него без выражения и тут же опустила голову, прошла мимо. Ни разу до этого Абдулле не приходилось видеть человека, настолько убитого своим горем. Он оглянулся на нее и медленно двинулся вверх по улице, к окраине кишлака. На огороде темными колышками торчала стерня кукурузы. С горьким чувством утраты вспомнил Абдулла, как встретились они с Гюльчехрой в веселых зеленых стеблях.

Незаметно стемнело. Издали послышался крик мальчика-подпaska: «Кур-куррей». Раз-другой залаяла, захлебываясь, собака, и снова стало тихо. Ночь, волшебная, умиротворяющая ночь растекалась над кишлаком. Однако не в пример тем недавним, прошлым ночам эта совсем не радовала Абдулла. Перед его глазами стояла бледная Гюльчехра в траурном платье, гроб, накрытый красным бархатом. «Что теперь делать бедной девушке? — думал он. — Гюльчехра должна теперь бежать из Мингбулака, бежать от своего горя. Зачем ей теперь этот кишлак?» Для нее лучше будет, если уедет, если уедет вместе с ним в Ленинград. Она может поступить в другой институт, не обязательно в физический. Это не имеет никакого значения, они будут в одном городе, этого достаточно. Но сможет ли она уехать?

Занятый этими мыслями, Абдулла и не заметил, как очутился возле самой плотины. Он оглянулся назад, на кишлак. Светились всего три-четыре окна. Остальные дома тонули во тьме. «И Гюльчехра не спит, — подумал Абдулла. — Хоть бы поспала часок. Что она сейчас делает? Плачет, наверно».

Он вздохнул и поднялся по цементным ступенькам. Если бы он сейчас увидел ее, то нашел бы самые лучшие душевные слова, он бы утешил ее. «Не печалься, Гюльчехра, — сказал бы он. — Всем суждено умереть. Конечно, Саодат-апа ушла преждевременно. Она могла бы еще долго жить. Могла бы сидеть во главе стола на твоей... на нашей свадьбе. Но что поделаешь? Изменить ничего нельзя. Не плачь, слезы теперь бесполезны. Больше не надо себя мучить...»

Внезапно Абдулла уловил звук чьих-то шагов. Сердце его сильно забилося. Шаги приближались.

— Гюльчехра!.. — позвал он. — Гюльчехра, это ты?

— Я, — послышался глухой голос. — Я...

Абдулла побежал ей навстречу:

— Гюльчехра...

Девушка стояла, опустив руки. Он взял ее за плечи, притянул к себе. Гюльчехра дрожала всем телом.

— Не надо, Гюльчехра, не надо...

Однако этими словами он только подлил масла в огонь. Девушка заплакала навзрыд. Больше Абдулла уже ничего не говорил, он только крепко прижимал ее к груди. А потом вынул платок и стал вытирать ей слезы, как маленькой.

Через некоторое время Гюльчехра перестала всхлипывать.

— Вот, — сказала она слабым голосом. — Одна я осталась. Похоронили маму... Не знаю, как это я переживу... Абдулла, теперь все кончено. Я не могу бросить отца, Алишера — он ведь еще ребенок. Их надо кормить, готовить, стирать... Я не смогу поехать в Ташкент. — И девушка снова зарыдала.

Никаких мыслей не было у Абдуллы, кроме одной: как бы ее успокоить.

— Ничего, — сказал он, — ничего. Мы будем переписываться. Я буду приезжать сюда на каникулы.

Абдулла вымолвил это и понял, что разговор о Ленинграде сейчас не к месту. И так хватит огорчений.

— Я приеду, Гюльчехра, приеду! Ты меня слышишь?

— Слышу... — тихо ответила девушка.

— Больше не будешь плакать, ладно?

— Не буду... — покорно ответила она. — Я... Я тебя люблю.

— Я тоже, — сказал Абдулла, прижимая ее к груди. — Я тоже тебя люблю.

«Разве можно не любить такую девушку? — думал он про себя. — Родная моя Гюльчехра, только ты успокойся. Я приеду, я обязательно приеду».

Письмо, которое он послал ей из Ленинграда, было в таком же духе. «Дорогая моя Гюльчехра, — писал он. — Ты, наверное, удивишься, получив это письмо. Это вполне естественно. В последнюю нашу встречу я многое хотел тебе сказать. К сожалению, не было возможности это сделать. Ты была в таком состоянии, горе так придавило тебя, что ты могла меня не понять, неправильно понять. Так и остались мои слова невысказанными. А я хотел посоветоваться с тобой. И вот теперь, через два месяца, я пишу тебе это письмо в надежде, что горе твое немного улеглось, что ты теперь сможешь меня выслушать.

Ты помнишь, Гюльчехра, как в нашем яблоневоm саду ты сказала мне, что через год сможешь приехать в Ташкент. Я тогда очень обрадовался. Я был просто вне себя от радости оттого, что через год мы будем вместе, что будем учиться вместе. Однако, возвратившись домой, я получил странное и неожиданное предложение. Один хороший знакомый моего отца — профессор Курбанов — приходил к нам и сказал, что в Ленинграде открыт новый институт и что если я согласен, то смогу там учиться. Я, конечно, не согласился. Ты будешь в Ташкенте, а я в Ленинграде — это меня никак не устраивало. Потом мне пришла в голову мысль: если тебя отпустят в Ташкент, то почему не могут отпустить и в Ленинград? Эта мысль показалась мне очень удачной. Несмотря на это, я все равно хотел с тобой посоветоваться, специально для этого приехать в Мингбулак. Вот тут-то и получили мы от дяди нерадостную весть. Я очень переживал. В тот же день мы с матерью отправились в путь. А когда увидел тебя в Мингбулаке, не мог ничего сказать, язык не повернулся. Гюльчехра, родная, на тебя больно было смотреть. Я боялся, горе тебя убьет... Я-то хотел бы, чтобы ты всегда радовалась. Увы, это невозможно. Не знаю, как ты сейчас себя чувствуешь. Успокоилась ли хоть немного? Неужели никогда не заживет

твоя рана? Знаешь, смерть у каждого стоит за плечами. Ты уже давно слышала от врачей о тяжелой болезни матери. Не плачь, Гюльчехра, теперь горю не поможешь. Слезами своими, муками ты не сможешь вернуть мать. Эти слова я хотел произнести тогда на плотине. Но никакие утешения в тот вечер тебе бы не помогли.

Гюльчехра, ты тогда сказала:

— Вот теперь я осталась одна.

Нет, это не так. Ты не одна. Если ты хоть немного любишь меня, верь моим словам. Я всегда буду вместе с тобой, никогда не оставлю тебя одну.

Вот уже полтора месяца я живу в Ленинграде. Институт наш, оказывается, один из самых больших институтов в стране. И я не сделал ошибки, приехав сюда учиться. Занимаюсь я много. Времени не хватает. Наше общежитие стоит на набережной Невы. Живем мы вчетвером в одной комнате. Но мне кажется, я все время думаю о тебе. Пройдет зима, весна, наступит лето, и мы встретимся. Мысли мои только об этом. Гюльчехра, все же как ты думаешь, ведь нет никакой разницы от того, в Ленинграде я или в Ташкенте? Не правда ли? Только письма идут немного дольше. А на каникулы я непременно буду приезжать в Мингбулак. Буду приезжать каждый год. Вот увидишь. Если бы я остался в Ташкенте, было бы то же самое. И все-таки я считаю себя виноватым, что не сказал тебе об этом перед отъездом. Поэтому прошу: прости меня, Гюльчехра. Где бы я ни был, всегда я буду думать о тебе, мечтать о том, как я тебя увижу. А ты, Гюльчехра? Часто ли вспоминаешь обо мне? Если б так было! Я бы тогда чувствовал себя счастливым.

Гюльчехра, на этом заканчиваю письмо. С нетерпением жду ответа. Абдулла».

Не прошло и двух недель, как он получил ответ. Письмо было очень короткое. «Здравствуй, Абдулла,— писала ему девушка.— Получила твое письмо и очень обрадовалась. Спасибо. Я не огорчаюсь из-за твоей поездки в Ленинград. Зачем мне огорчаться? Конечно, было бы хорошо, если бы и я поехала. Но это, ты сам понимаешь, Абдулла, невозможно. Заботы по дому теперь целиком легли на меня. Все же я поступила учиться. Сдала документы на заочное отделение политехнического института. Так будет лучше. До свидания. Пиши почаще. С горячим приветом, Гюльчехра».

Прочитав это письмо, Абдулла понял, что Гюльчехра любит его по-прежнему, и совершенно успокоился. Отно-

шения его с Саярой не пошли дальше того, что было в Ташкенте. Ему нравилось смотреть на нее, но это ведь ничего не доказывало. Саяра была неизменно по-дружески приветлива с ним, но так же относилась она и ко многим своим знакомым. Большую часть своего свободного времени Саяра посвящала музыке — ходила на концерты в консерваторию.

Абдулла же как будто и не знал, что такое свободное время. Он с удивлением обнаружил, что по своим способностям он, к сожалению, не превосходит некоторых других студентов на своем курсе, например того же Пулата. Абдулла же хотел быть первым. Он был первым в школе, будет первым и здесь, в институте. И вот, просиживая целыми вечерами в институтской библиотеке, он, как говорили его соседи по общежитию, «повышал свой уровень», «вгрызался в науку». Прилежания Абдулле было не занимать. Скоро он стал одним из лучших студентов на курсе. Турсунали-ака радовался его успехам.

Сдав на «отлично» весеннюю сессию, Абдулла приехал в Мингбулак.

Гюльчехра все еще носила траур по матери. Но жизнь брала свое: девушка еще больше похорошела, расцвела.

Они до полуночи прогуливались по своим старым местам. Абдулла говорил о Ленинграде, Гюльчехра рассказывала о своей работе в библиотеке, о том, как, приехав в Ташкент, благополучно сдала экзамены. Видно было, что она бесконечно рада приезду Абдуллы. Девушка этого не скрывала. Когда они сидели на полянке в яблоневом саду, она тихо промолвила:

— Я устала тебя ждать. Вчера вечером, перед твоим приездом, везде побывала: и у плотины, и в ивовой роще, и у родника...

— Ну а обо мне что говорить, — махнул рукой Абдулла. — Я долго не был дома. А пробыл там всего один день. Потом объявил, что соскучился по бабушке, — и на вокзал!

Они рассмеялись.

— Прошел год, — сказала Гюльчехра. — Была бы жива моя мама, мы бы сейчас сидели в каком-нибудь театре в Ташкенте.

— Конечно, я бы тогда не поехал в Ленинград.

Абдулла произнес это, но сам не поверил своим словам.

— Ты и вправду бы не поехал?

— Да. Не веришь?

Абдулла посмотрел на нее и тут же отвел глаза в сторону.

— Нет. Верю. Ты очень хороший.

Абдулла смутился еще больше. Однако тут же попытался взять себя в руки.

— А если бы я уехал, это было бы очень плохо? — тихо спросил он.

— Наверно, нет, — после паузы ответила девушка, а потом добавила: — Человек делает как ему надо. Ведь ты же не обиделся на меня, когда я сказала, что не поеду в Ташкент? Ведь верно? Не обиделся?!

— Верно, — обрадовался Абдулла. — Почему я должен был обидеться? Я... я нисколько на тебя не обижаюсь.

— И я тоже...

Потом Абдулла проводил ее домой.

И еще через год приехал Абдулла на каникулы в Мингбулак, а потом снова надо было ждать год, и снова он приехал. Обычно он проводил день или два дома, в Ташкенте, а затем отправлялся в Коканд. Шаходат-хола не знала, что и думать о такой привязанности внука к бабушке. В душе она не очень верила этому: не могла забыть, как вел себя на вокзале Абдулла, когда в первый раз уезжал в Ленинград. Проводить сына собрался и отец. Шаходат-хола говорила ему: лежи дома, зачем тебе мучиться, но муж не согласился с ней. Абдулла же молчал. А на вокзале он раньше всех уезжавших забрался в вагон. Когда поезд тронулся, он выглянул из окна, махнул рукой пару раз и исчез из виду. Матери стало не по себе. Она кляла себя за то, что согласилась отпустить Абдулла. «Теперь он совсем от рук отобьется, — подумала она. — Нет, не мягкое у него сердце. Похоже, мы с мужем не так уж хорошо знаем своего ребенка».

— Твой сын стал совсем взрослым, — сказал тогда Гафурджан-ака по дороге домой.

— А что?

— Я хотел было обнять его, а он отстранился.

— Он едет так далеко, один, вот и старается быть похожим на взрослого! — объяснила мужу Шаходат-хола, но легче ей от этого объяснения не стало.

Письма, которые Абдулла присылал родителям, были короткими, и писал он в основном о себе. Домом он почти не интересовался. «Похож на меня, — говорил Гафурджан-ака, читая письма сына. — Я тоже недолюбливал писать письма». Шаходат-хола только грустно улыбалась ему. Ей приходилось успокаивать себя словами: «Сын еще молод,

еще не поздно» — и с нетерпением ждать следующего письма. Каждый приезд Абдуллы из Ленинграда был для нее и для Гафурджана-ака большим праздником. За день до этого Шаходат-хола покупала на базаре все самое лучшее и вкусное, полночи возилась у очага, а потом ставила все на стол. Абдулла принимал это как должное, аппетит у него был хороший, но уже за столом он начинал придумывать повод для поездки в Мингбулак.

Однажды Шаходат-хола не выдержала, спросила с упреком:

— Почему у тебя все разговоры к этому кишлаку сводятся? Что там тебя, одним медом кормят?

Абдулла попробовал отшутиться:

— Никак не могу тебе угодить: раньше ты меня метлой не могла туда прогнать, а теперь сам еду — и опять плохо!

— Нет, в самом деле... Твой бедный отец только и ждет, когда ты приедешь, а ты не успел поставить чемодан — и сразу за ворота. Сам подумай...

— Не говори так, мама, — Абдулла снова попытался обратить все в шутку. — Вот закончу институт, посажу вас обоих на супе — на мягких одеялах — и только и буду на вас смотреть. Никуда не поеду. Согласна на это?

— Согласна-то согласна, — отвечала Шаходат-хола, — но я ведь даже и расспросить как следует не успеваю, все ли у тебя хорошо...

— Все хорошо, мама, все в порядке. А будет еще лучше, — уверенно говорил Абдулла. — Человек, закончивший наш институт, будет зарабатывать большие деньги.

— Не думай об этом, сынок. Счастье не в деньгах. В другом...

Абдулла посмотрел на нее вопросительно, но не стал дожидаться продолжения.

— И другое будет, — сказал он. — Все будет. И денег будет много. А в доме мы сделаем ремонт. Капитальный. Кое-что перестроить надо. Вот ты не была в доме Турсунали-ака. Чего только у них нет, полная чаша! Зайдешь — уходить не хочется. Послушай, мама, ты говорила, у отца была очень хорошая работа. Почему же мы теперь живем так бедно, в доме только старые вещи?

— Видишь ли... Отец был занят работой, не думал об этом.

— А ты? Тоже не думала?

— Не знаю... Большой страсти к вещам у меня не было. Бабушка для нашего дома накупила больше, чем я.

— Знаю, — Абдулла покачал головой. — У меня будет по-другому. Я все сам куплю. Все, что нужно! А потом сделаю так, чтобы вы с отцом не знали забот, жили бы спокойно.

— Да сбудутся твои слова. Да исполнится сказанное тобой.

Так проговорила Шаходат-хола и после этого как будто немного успокоилась. Абдулла становится взрослым. Ну и что из того, что ему дома не сидится?! Мужчины все такие: один день дома, а сто — на улице. И Гафурджан был такой. Ждала его по вечерам, глаз не смыкала. Теперь по-неволе домоседом стал. Она бы с радостью согласилась — пусть опять по вечерам задерживается, только бы выздоровел! Увидел бы лучшие дни своего сына. Что за несчастье эти болезни!

Шаходат-хола вышла на террасу к мужу. Он сидел, откинувшись на спинку стула. На коленях у него лежала нераскрытая книга.

— О чем призадумался? — спросила Шаходат-хола.

— Да есть о чем подумать... Например, о нашем сыне, — ответил Гафурджан-ака.

— А что случилось с нашим сыном?

— С нашим сыном ничего не случилось. Все в порядке... Он скоро закончит свой институт. Надо будет его женить. Хочется устроить хорошую свадьбу. А у нас такое положение... Надо бы сначала дом подновить...

— Значит, вот из-за чего голову себе ломаешь, — рассмеялась Шаходат-хола. — Только сейчас Абдулла об этом говорил.

— Ничего не пойму. О чем говорил?

— Абдулла сказал, что, как только начнет работать, первым делом сделает ремонт, капитальный ремонт.

— Да неужели? — обрадовался Гафурджан-ака.

— Да, а потом он очень хвалил дом Турсунали. Обещал, что наше жилище будет не хуже. А потом он нас обидел...

— Обидел? Как это понять?

— Он спросил меня: почему, если отец много зарабатывал, у нас нет никаких запасов, никаких приобретений по дому?

— И что же ты ответила? — Гафурджан-ака помрачнел, насупился.

— А что я могла ответить? Я сказала, что деньги-то у нас были, да не было разума в голове.

Шаходат-хола рассмеялась.

— Это зачем же ты так сказала? — возвысил голос Гафурджан-ака.

— Эх ты, и пошутить с тобой нельзя... Я ему ответила, что мы были заняты работой, а про хозяйство забыли.

— Это верно. Однако, Шаходат, было бы неплохо припасти что-нибудь на черный день.

— Ну, ты не из таких. Да и я тоже... — Шаходат-хола задумалась.

— А ты у меня хорошая жена, Шаходат. Если я, на твое счастье, оправлюсь — достану тебе звезду с неба, только скажи — и достану.

— Сначала тебе надо выздороветь, а там посмотрим. Так что же тебе приготовить на обед? Что это за еда, будь она неладна, без соли и без жира?!

Шаходат-хола направилась к очагу.

Абдулла же в это время предвкушал радость новой встречи с Гюльчехрой, как бросится она к нему, как засияют ее черные глаза. Да, разумеется, так и будет, но с каждым разом все сильнее Абдулла ощущал, что чего-то не хватает в их отношениях. Особенно в последний год. Он, конечно, знал, чего не хватает, вспоминая тот свой давнишний сон, и смущался, и надеялся, что это может произойти. Однако Гюльчехра как будто не понимала этого или же делала вид, что не понимает. Когда Абдулла увлекался и начинал переходить границу, она тут же переводила все в шутку или отвлекала его чем-нибудь. Захлебываясь, рассказывала она ему о своих делах. Есть у нее одна большая тайна, о которой знают только два человека: Абдулла и Самад. Тайна эта появилась у Гюльчехры, когда она перешла на третий курс. Девушка задумала сделать макет Мингбулака, рассказала об этом Самаду и, не откладывая, принялась за работу. Когда Абдулла спросил, для чего ей макет, она, рассмеявшись, ответила:

— Покажу раису.

Создание уменьшенной копии старого кишлака потребовало много времени и труда. Комната Гюльчехры постепенно превращалась в мастерскую.

Ганишер-ака не мог понять, зачем дочь натащила в комнату столько всякого хлама. Да еще засиживается до полуночи, что-то мастерит. В игрушки, что ли, играет, как Алишер? Однажды он прямо спросил у нее, что все это значит.

— Это нужно для моей работы, — услышал он ответ.

Порой Ганишер-ака подолгу рассматривал маленькие игрушечные домики на большом листе фанеры.

— Зачем это? — спрашивал он у дочери. — Что ты делаешь-то? Я ничего не понимаю.

Как-то раз Гюльчехра и Самад принесли откуда-то проволоки и наделали из нее целую рожицу маленьких деревьев. Неслышно вошел в комнату Ганишер-ака и устался на почти уже готовый макет.

— Да ведь это же наша плотина! — вдруг угадал он. Молодые люди рассмеялись.

— Правильно! — воскликнула девушка. — А теперь отыщи и наш дом, ну-ка, отец?

Ганишер-ака перевел взгляд с дочери на макет:

— Вот чудеса-то! Что ты собираешься с этим делать? Ведь это же наш Мингбулак?

— Он самый, — промолвил Самад. — Ну как, хороши?

Ганишер-ака снова стал смотреть на кривые узкие улочки, на осыпавшиеся стены, на камышовые крыши...

— Очень похоже, — сказал он под конец. — Да, неказистый у нас кишлак. Нельзя, что ли, было покрасивее его сделать?

— Ну уж нет! — Гюльчехра улыбулась. — Вот потому, что он некрасивый, мы и создаем его макет. Мы поставим этот макет в правлении. Пусть все смотрят. Разве можно жить в таком кишлаке? Ведь это стыдно!

— Колхоз у нас богатый, разве не правда? — подхватил Самад. — Нужно строить новый кишлак, новые красивые дома, новые широкие асфальтированные улицы. А то сейчас пройдет машина — весь кишлак в клубах пыли. И потом обязательно нужно построить клуб, а то вечером молодежи деваться некуда. Разве не так?

— Так вот вы что хотите... — протянул растерянно Ганишер-ака.

— Да, — подтвердил Самад. — Ваша дочь сделает и макет нового кишлака. Потом выставим его на обсуждение. Если будет одобрен, постепенно приступим к строительству.

— Вот что, — решительно проговорил Ганишер-ака. — Я сейчас пойду расскажу обо всем раису...

— Нет, не надо спешить, — удержал его Самад. — Всею свое время. Макет нового Мингбулака пока только в голове у вашей дочери...

Об этом случае Гюльчехра со смехом рассказала Абдулле, и ему тогда же захотелось посмотреть на этот макет. Но девушка не согласилась:

— Он еще не готов. Только наметки. На бумаге. А потом... потом, я стесняюсь тебе его показывать...

— Почему? — удивился Абдулла.

— Это моя первая самостоятельная работа. Может быть, она неудачна. Сначала я должна посоветоваться со своими преподавателями.

— Самаду показываешь, а мне так нет,— с легкой обидой в голосе сказал Абдулла.

— Самаду нельзя не показать. Ведь он у нас комсомольский секретарь. И потом, над макетом старого кишлака мы работали вместе. Да ты, я вижу, обиделся? Ну что ты, Абдулла...

Абдулла отвернулся:

— Ты мне только одно твердишь: «нет»...

— Вот и неправда! — рассмеялась Гюльчехра. — Я вместе с тобой такое делаю, что вспомню — в дрожь бросает.

— И что же ты делаешь?

— А ты будто и не знаешь?

— Не знаю, — искренне ответил Абдулла.

— Какая девушка в два часа ночи домой приходит, ты тоже не знаешь?

— Нет.

— Это плохая девушка. Иной раз я самой себя стесняюсь. А если отец узнает, что будет?

— Откуда он узнает... — Абдулла притянул ее за руку к себе. — Если только сама не расскажешь...

— А если расскажу?

И девушка испытующе посмотрела ему в глаза.

— Как хочешь...

— Нет, я пошутила. Ты сам ему об этом скажешь. Ведь все равно придется! Верно ведь, придется?

— Да, конечно, — проговорил Абдулла, обнимая ее. — Гюльчехра...

— Что?

— Это правда, что ты меня любишь?

— А как ты думаешь?

— Знал бы — не спрашивал.

— Люблю...

— А почему же ты мне говоришь «нет»?

— Я и сейчас скажу «нет»...

— Почему?

— Потому что мы еще совсем молоды!

Девушка выскользнула из его объятий:

— Ты плохой!..

— Гюльчехра...

— Смотри, кто-то идет!

И девушка метнулась в сторону. Абдулла испуганно оглянулся. Никого вокруг не было. Конечно, она опять его обманула.

Однако это не охлаждало его пыла, скорее наоборот. И он не слишком уж обижался на девушку. Она притягивала его все сильнее и сильнее. Надо же, в маленьком, неприметном, пыльном кишлаке живет очень красивая и умная девушка, всем остальным далеко до нее. Она его очень любит, и в то же время у нее хватает ума не делать глупостей.

Так у них все и продолжалось до тех пор, пока Абдулла не приехал в кишлак на летние каникулы перед пятым, последним курсом.

16

К дому бабушки Абдулла подошел в полдень. Было очень жарко. Его белая нейлоновая рубашка прилипла к лопаткам, платок, подложенный под воротник, был мокрый насквозь, хоть отжимай. Абдулла то и дело стряхивал кончиками пальцев капли пота со лба. Открывать ему не спешили, и Абдулла, переложив тяжелый чемодан из руки в руку, поднажал на дверь плечом.

Посреди двора бабушка Ходжар-буви купала внука и при виде Абдуллы с шумом уронила в таз большой кусок мыла, взметнув целый фонтан брызг. Она всплеснула руками и засеменила к Абдулле, вытирая руки о фартук.

— Да буду я твоей жертвой, дитя мое, Абдулла-джан!

Ходжар-буви целовала его в щеки, не переставая говорить:

— Ах ты, мой славный! А мы-то волновались! Почему на этот раз так задержался? Здоров ли? Как поживают домашние, как отец? Как его здоровье, ох, давно болеет, вот несчастье-то... Как Шаходат?

— А как вы сами поживаете? Как дела у дяди? Как поживает ваша сноха? — Он задавал ей свои вопросы, иначе она могла бы спрашивать без конца.

— Я-то здорова, сынок. Здоров и дядя твой, и сноха наша, слава аллаху, все трудимся. Да вот маленький меня замучил. Абдулла, эй, Абдулла! Чего же ты, глупыш, не здороваешься со старшим братом?

— Здравствуйте!

Сидящий в тазу малыш шлепнул звонко ладошками по мокрой груди. Ходжар-буви и Абдулла рассмеялись.

— Бабушка, а ведь он уже большой!

— Конечно, большой, уже четыре года исполнилось! Жалко, не в тебя пошел, ты смиренный был, послушный. А этот все куда-то пропадает. Целый день на улице. Вот и сейчас еле его дождалась. Прибежал — весь в пыли, с головы до ног. И рубаху порвал!

Абдулла присел возле малыша, вынул из таза кусок мыла, положил на траву.

— Значит, вот ты какой у нас шалун, а?

— Она неплавду говорит, — прошептал малыш. — Я не шалун. Бабушка! Я так и буду тут сидеть?

— Можешь вылезать, хватит. Все равно через минуту грязный будешь, — проворчала Ходжар-буви.

— Где мои штаны?

Абдулла достал с перилец помоста пыльные штаны, встряхнул их и подал малышу:

— Сможешь сам надеть?

— Конечно, Абдулла-ака...

Мальчуган отвернулся и стал надевать штаны.

— Ну, что вы там возитесь, идите сюда, — услышали они голос Ходжар-буви.

Абдулла взял за руку своего двоюродного брата и поднялся вместе с ним на террасу. После короткой молитвы Ходжар-буви стала приглашать Абдуллу сесть за стол, но он не соглашался.

— Жарко очень, бабушка, — оправдывался он.

— Ну подожди, я сейчас быстро чай приготовлю, попьешь с дороги.

— Тогда можно я немножко прогуляюсь с Абдуллой?

— Только не задерживайся.

Они вышли за ворота, и маленький Абдулла, увидев вдалеке, в самом конце улицы, детей, играющих в мячик, потащил туда старшего брата. Абдулла постоял там немного, посмотрел на ребятшек.

— Ну, пойдем обратно, — сказал он малышу.

Однако тот не послушался. Абдулла отправился один и на полдороге остановился. «Может, она дома?» — подумал он и пошел в другом направлении, к воротам Гюльчехры. Ворота были распахнуты настежь. Абдулла заглянул во двор — тихо, никого не видно. Он заколебался: то ли подождать, то ли зайти, то ли уйти. Только повернулся, как увидел Алишера, едущего на осле, с двумя большими вязанками клевера по бокам. Абдулла поздоровался с ним и спросил, где Гюльчехра.

— Она ушла к саю¹, — сказал Алишер. — Для ее макета нужна какая-то трава. Вот она и хочет собрать.

— Давно ушла?

— Да с утра. Может, позвать?

— Нет, спасибо. А до сая далеко?

— Далеко. Во-он, видите, это тальниковая роща. А потом сай. Абдулла-ака, может, сбежать за ней?

— Спасибо. Наверно, она сама скоро подойдет. Если увидишь, скажи, что я приехал.

— Хорошо.

— Абдулла-ака, — обратился к нему Алишер, — скажите, а в Ленинграде хорошо?

— Мне нравится.

— Я тоже, когда буду большой, поеду в Ленинград учиться. Так отец говорит, и мама согласна.

— Мама? — поразился Абдулла.

— Не родная мама, — пояснил Алишер и оглянулся, словно опасаясь, что его могут подслушать. — Моя новая мама...

«Вот уже и новости, — подумал Абдулла. — Значит, у них мачеха... Мачеха!»

Он окинул взглядом Алишера. Нет, вроде неплохо выглядит паренек. И одежда хорошая, исправная.

— Зачем тебе клевер? — спросил он, представляя себе в лицах, как мачеха грубо приказывает пасынку ехать на поле.

— Это для моих кроликов. У меня их десять штук. Пойдемте, Абдулла-ака, посмотрим. Большие-пребольшие.

— Ладно, потом... — Абдулла провел рукой по лицу, как бы стирая неприятное видение. — Так ты скажи сестре, что я приехал.

— Хорошо.

После разговора с Алишером он решил не откладывать свидание с Гюльчехрой. А бабушка подождет... Солнце пекло немилосердно. Может, поэтому очень длинной показалась ему дорога. Абдулла весь вспотел, наконец снял с себя рубашку, забросил ее за плечо.

С облегчением вздохнул он в тальниковой роще. Здесь было намного прохладнее. «А она хорошее место отыскала, — подумал Абдулла. — Почему же мы сюда раньше не приходили?» Тут он вспомнил, что они днем-то никогда и не гуляли, а ночью сюда, пожалуй, не доберешься: дорога трудная, неровная.

¹ Са й — небольшая речка.

Он быстро прошел через рощу и очутился у берега сая. Гюльчехры не было видно. «Может, ушла?» Сердце у него застучало. Встав на цыпочки, Абдулла увидел в просвете между кустами маленькую зеленую полянку и направился к ней. Раздвинув ветви тальника, он остановился как вкопанный. Прямо у самой воды на розовом мохнатом полотенце лежала на спине Гюльчехра, закинув ногу за ногу. Лицо ее было закрыто несколькими листиками щавеля. Короткое узкое платье открывало ноги до середины бедер. Девушка была босиком и слегка покачивала маленькой узкой ступней. Ложбинка на груди в вырезе платья то увеличивалась, то уменьшалась в такт ровному дыханию.

Пожирая ее глазами, Абдулла, стараясь не наступать на сучья, тихонько подобрался к девушке и замер. Потом опустил на колени возле ее изголовья. Когда его губы коснулись листика щавеля на ее глазах, Гюльчехра вскрикнула и схватилась рукой за сердце.

Абдулла расхохотался.

— Ух, я так перепугалась. Абдулла, это ты? — с дрожью в голосе спросила девушка и одернула платье.

— Нет, не я! Ты спишь?

— Как тихо ты подошел! Разве так можно?

— А ты очень испугалась?

— Чуть сердце не выскочило...

Девушка улыбнулась, села напротив Абдуллы.

— Когда ты приехал?

— Полтора часа назад.

— А откуда ты узнал, что я здесь?

— Я встретил твоего брата...

— Значит, он знает, что ты пошел ко мне?

— Может, и догадался. А что? Что тут такого, если он даже и догадался? Самад, например, может к тебе приходиться без всяких предосторожностей и днем и вечером. А чем я хуже его?

— Самад другое дело. Самад мой помощник. Все в кишлаке об этом знают. Ну ладно. А почему ты на этот раз так задержался? Я тебя ждала гораздо раньше. Уж не знала, что и думать.

— У меня были дела.

— Уж не с девушками ли? — спросила Гюльчехра. — Скажи честно.

Абдулла рассмеялся:

— Нет, я сочинял статью на основе своей курсовой работы. Ее хотят опубликовать в журнале «Известия Академии наук СССР».

- Да неужели? — обрадовалась девушка.
- Да. Об этом сообщил мой руководитель. Я этого никак не ожидал.
- А какая тема?
- О радиационных поясах Земли. Их недавно аппаратура на спутниках зарегистрировала.
- Ну и как, одобрили статью?
- Да, решили напечатать. Если напечатают, будет много разговоров.
- Хороших разговоров?
- Надеюсь... Мой профессор сказал, что надо продолжать работать в этом направлении. Может получится диссертация.
- О, это очень хорошо! Поздравляю, Абдулла, молодец!
- У русских есть такая поговорка: не говори «гоп», пока не перепрыгнешь... Послушай, я успел узнать... Говорят, в твоей семье перемены...
- Девушка нахмурилась:
- Я тебе не писала об этом. Потому что... потому что до сих пор сама не пойму, плохо это или хорошо... Давай пока не будем говорить на эту тему, ладно?
- Абдулла кивнул, спросил после паузы:
- А как твои дела?
- Гюльчехра со вздохом развела руки в стороны, потянулась.
- Я все со своими домиками вожусь...
- До сих пор?
- Закончила макет нового кишлака.
- Хорошо получилось?
- В институте одобрили... А здесь я еще не показывала. Но старый макет колхозники видели. Вот шуму было!..
- Неужели?
- Да. Самад вечером притащил его в правление, в кабинет Нормата-ака. Там наутро должно было быть заседание актива. И в тот день утром Нормат-ака пришел позже всех, зашел в кабинет, видит, сидят люди, посмеиваются. Он спрашивает их, в чем дело, ничего не отвечают. Потом кто-то показал рукой на макет, стоящий на столе. Нормат-ака с удивлением стал его разглядывать. — Тут Гюльчехра изобразила, как удивился раис, и выпучила глаза.
- Абдулла невольно рассмеялся.
- Это мне все Самад рассказывал, — продолжала Гюльчехра. — Так вот, раис удивился и спросил: «Что

это?» Снова никто не ответил. Молчат, побаиваются. А то Нормат-ака раскричится, обидеть может. Он у нас человек горячий. «Что за детские игрушки у меня на столе?» — закричал раис. Тут Самад встал с места и сказал, что это уменьшенная копия нашего Мингбулака. Раис опять повернулся к макету. «Та-ак,— произнес он.— Ну что ж, поиграем в игрушки. Вот это что?» — спросил он, показывая на покосившийся домик. «Это наше правление», — ответил Самад. «А это?» — он показал пальцем на полуразвалившуюся хибарку под камышовой крышей. «А это ваш дом».

Тут все заулыбались, а Нормат-ака побагровел. Усы у него стали дергаться, как мышинные хвостики. Так всегда бывало, когда он злился. «Это чьих же рук дело?» — закричал он страшным голосом. Самад немного помедлил с ответом, а мой отец испугался, что сейчас будет скандал, и говорит раису: «Стоит ли из-за этого огорчаться? Это моя дочь сделала ради забавы. Сейчас мы все уберем...» — «Так, говоришь, твоя дочь? — переспросил Нормат-ака, повернулся к Самаду и приказал ему: — А ну-ка приведи ее сюда!»

А я тогда дома сидела. Самад прибежал как сумасшедший. «Что такое стряслось?» — спрашиваю. «Э, плохи дела, говорит, раис рассердился, тебя вызывает». Я пошла в правление и по дороге все думала, как себя вести. С одной стороны, это хорошо, что он рассердился. Стало быть, понял, как выглядит наш кишлак. Это уже большое дело.

Пришли мы с Самадом в правление, встали на пороге. Нормат-ака, прищурившись, тихо обратился ко мне: «Это твоя работа?» Так он всегда спрашивал у своего сына, когда тот набедокурит. Озорной парнишка. Достается ему от отца... Ну, я прямо так и отвечаю раису: да, мол, это моя работа. «А что ты с этим макетом собираешься делать?» Я и придумала на ходу. «Отправлю, говорю, в институт в качестве курсового проекта...» — «Что?! — Нормат-ака подошел ко мне поближе. — Повезешь это в Ташкент?» — «Да, — повторила я, — повезу в Ташкент». И тут раис положил мне руку на плечо: «Дочка, ты что же это, хочешь выставить всех нас на посмешище?» Я же притворилась наивной и ответила: «Почему же, вот, например, скотный двор на макете выглядит гораздо лучше, чем на самом деле». — «А разве нельзя изменить в таком направлении весь макет?» — «Можно, — отвечаю, — но это было бы обманом. Зачем мне обманывать людей?» — «А ты и не будешь их обманывать, — сказал Нормат-ака. — Через пять-шесть лет

наш кишлак станет благоустроенным поселком. Мы построим новые, красивые здания. Подумай-ка об этом, дочка». Я подумала немного и сказала: «А что, если я сделаю макет нового кишлака?» — «Если дельно получится, мы по нему и начнем строительство,— сказал серьезно раис и прибавил: — Давай делай новый макет. А этот припречь. Мы его уже видели. А другим, я думаю, неинтересно будет»,— усмехнулся он. На другой день было собрание, и Нормат-ака выступил с речью о новом Мингбулаке, о будущем строительстве. Он так красиво говорил, что я даже рот открыла. А потом назвал меня «архитектором нашего кишлака»...

— Что же, мечты сбываются,— произнес Абдулла, внимательно слушавший девушку.— Помнишь, ведь это была твоя мечта?

— Все пока еще на бумаге да в макете.

— А макет уже закончен?

— Не вполне,— Гюльчехра сдвинула брови.— Я все ломаю голову, как быть с жилыми домами. Все равно ведь будут строить по типовым проектам. А это стандарт, шаблон. Но вот со зданиями клуба и правления колхоза можно будет пофантазировать, здесь я попробую развернуться... Потом надо озеленить кишлак, это тоже целая проблема.

— Да поможет тебе аллах, вернее, Нормат-ака!

Девушка вопреки ожиданию не расхохоталась.

— Эти здания и будут моей дипломной работой,— сказала Гюльчехра, уставившись в одну точку невидящими глазами.

Абдулле очень нравилось, когда она смеялась, но еще больше нравилось, когда она вот так задумывалась. В это время губы ее напоминали готовый вот-вот распуститься розовый бутон. Абдулла и смотрел на этот бутон до тех пор, пока он не раскрылся.

— Кстати,— промолвила девушка,— в нашем институте объявили конкурс на проект кафе «Ешлик». Я тоже участвую, хотя, наверно, это громко сказано. Целую неделю сидела не отрываясь... Раньше это было невозможно, пока отец... пока отец... не женился... Знаешь, Абдулла, построить бы такое здание, чтобы оно было похоже на взлетающую птицу. Вот-вот оторвется она от земли и полетит! Именно этот момент. Я это очень хорошо вижу, не знаю, смогу ли передать... Да и одобрят ли такую идею? Состязаться с опытными, талантливыми архитекторами, уже проявившими себя,— не много ли я на себя беру?..

— А если все-таки выберут твой проект?

— Ну что ты... это невозможно... — Гюльчехра пожалала плечами.

— А вдруг?! Знаешь, что я бы тогда сделал?

— Что?

— А вот что!

Абдулла обнял девушку и стал ее целовать в глаза, в губы...

— Абдулла! Не надо! Сюда могут прийти!..

— А ты по мне разве не соскучилась? — прошептал он, не выпуская ее из рук.

— Нет! — ответила Гюльчехра и поднялась с места. — Я ведь сюда пришла по делу, и ты можешь мне помочь.

— Ну давай помогу.

— Вон ближе к тому берегу траву видишь? Корни у нее под водой. А мне нужны стебли — это строительный материал для макета.

— Только и всего? Сейчас разденусь и достану.

Гюльчехра отвернулась и посмотрела на Абдулла, только когда он залез в воду по грудь.

— Бррр, холодно!.. — крикнул он.

Сай был глубиной всего метра в полтора, в родниковой, прозрачной воде отчетливо просматривалось песчаное дно.

— Ты не будешь купаться? — спросил Абдулла, пошлепывая себя мокрой ладонью по шее.

— Если бы тебя не было, я искупалась бы...

— Опять чего-то боишься?

— А вдруг кто-нибудь подойдет?

— Никто не подойдет. Давай.

— Нет.

— Ну как хочешь, вода отличная!

Выполнить задание Гюльчехры оказалось не так просто. Стебли травы, длинные, гибкие, скользкие, крепко держались корнями за дно. Гюльчехра только смеялась над его напрасными усилиями.

— А еще говорил — только и всего! А ну-ка попробуй, попробуй!

Наконец Абдулла вынырнул с длинным стеблем в руках. Оказывается, все дело было в том, чтобы братья за стебель у самого дна.

— Вот... — задыхаясь, он протянул свою добычу Гюльчехре.

— Теперь понимаешь, что это довольно трудно, — сказала девушка. — Поэтому я тебя и попросила.

Абдулла снова нырнул и на этот раз вытащил уж целых пять стеблей.

— Ерунда! — он махнул рукой. — Надо только приновиться...

— Смотри не замерзни...

Скоро на берегу была уже целая охалка стеблей.

«Как бы и ее заставить искупаться», — подумал Абдулла и решил пойти на хитрость. Он немного отдышался, набрал побольше воздуха, нырнул и уцепился руками и ногами за большой камень, который он приметил во время прежних погружений.

Прошла минута. Гюльчехра забеспокоилась. И вдруг заметалась, забегала по берегу, крикнула: «Абдулла, Абдулла!» — и наконец бросилась в воду. В один миг она очутилась возле Абдуллы. Он был вынужден оторваться от своего камня, и девушка поволокла его к берегу. Он закрыл глаза и не сопротивлялся.

Гюльчехра с трудом вытащила его на розовое полотенце, лежащее возле самой воды, и приникла ухом к его груди.

Абдулла неожиданно обнял ее, и девушка бессильно опустилась рядом с ним на траву.

— Ты очень испугалась? Прости... — Он поцеловал ее холодные как лед губы.

Гюльчехра не отстранилась. Наоборот, она обвила рукой его шею.

— Я тебя люблю, Гюльчехра!

Вместо ответа девушка прижалась к нему еще теснее...

Гюльчехра подняла голову и увидела, с каким обожанием смотрит на нее Абдулла... У девушки немного отлегло от сердца. «Да, очень многие в кишлаке сочтут это бесчестьем, грехом», — подумала она. Но с кем она согрешила? Ведь с Абдуллой! С Абдуллой, которого любит! Ведь все равно бы это случилось. Это неизбежно. Потому что они любят друг друга.

Абдулла закончит свой институт, и будет свадьба. А то, что сегодня произошло, останется в тайне. Это в их власти. Они никому не скажут об этом. Абдулле можно верить. Какой хороший парень, как сильно он ее любит, с какой любовью смотрит! Неужели эти глаза могут обмануть? Этого быть не может. Они всегда будут вместе. Она будет счастлива в любви, как ее мать, но она будет жить долго. Она будет жить столько же, сколько будет жить Абдулла! Так чего же она испугалась? Как будто уже не маленькая. И вроде совсем самостоятельная. Вот и сделала что хотела. Она ведь хотела этого? Ну и что? Что в этом плохого? Главное, чтобы они были вместе. И они будут вместе.

Так уговаривала себя Гюльчехра, но в глубине души сознавала, что обрести спокойствие ей не удастся, что она все равно будет мучиться.

Теперь она уже избегала взгляда Абдуллы. Он поднял связку стеблей и обратился к ней тихо:

— Пошли?

Они медленно двинулись по тропинке и не проронили ни звука, пока не выбрались из тальников.

— Я пойду одна. Ты подожди немного... — сказала Гюльчехра и взяла у него связку.

— Придешь вечером к роднику? — еле слышно спросил Абдулла.

Девушка не ответила. Ушла.

Придет она вечером? А если не придет? Если вообще больше не придет? Как он сможет жить без нее?

Однако его опасения были напрасны: Гюльчехра пришла. Потому что она любила Абдуллу, потому что не было на свете человека более близкого и родного, чем Абдулла...

Гюльчехра пришла и на другой день, и на третий...

О будущем они говорили мало. Будущее было для них ясным, как спелое крупное яблоко, лежащее на ладони.

Надо только закончить учебу. Пятый курс. И тогда никто и ничто на свете не сможет помешать им быть вместе.

И при прощании они тоже не тратили слов. Они только смотрели в глаза друг другу... Потом Гюльчехра поднялась на носках и тихо поцеловала его в губы.

Саяра босиком подошла к окну и с высоты пятого этажа попыталась различить в тумане Петропавловскую крепость. Ничего не видно. Рановато в этом году туманы наступили.

Она открыла тумбочку, нашарила на нижней полке яблоко, завернутое в бумажную салфетку, и опустилась на диван. «Все-таки человеку необходимо какое-то время побыть одному, — подумала она. — Можно и халат не надевать, если тепло в комнате, можно развалиться как хочешь на этом вот диване, можно и подремать, а можно и на руках походить — никому мешать не будешь».

На четвертом году обучения Саяре, как и всем старшекурсникам, предоставили в общежитии отдельную комнату. Но Саяра редко оставалась одна. Характер у нее был

общительный, и, если к ней никто не приходил, она сама шла к своим друзьям.

Девушка рассеянно обвела глазами свою обитель. Взгляд ее задержался на письме, небрежно брошенном на стол. Письмо было от отца, вчера она мельком просмотрела его, и теперь ей предстояло составить ответ. Отец очень сердился, когда она долго не писала. Ну что ж, отвечать так отвечать, только для этого надо его как следует прочесть. Саяра взяла письмо со стола. Так. Ну, у них как будто все в порядке. Здоровы. Ага! Вот: «Тебе надо аккуратнее относиться к деньгам. Недавно посылал, а ты опять просишь». Девушка улыбнулась. Дело в том, что вчера же она получила от матери почтовый перевод на семьдесят рублей. Отец об этом, конечно, не знает...

Многие в институте считали, что Саяра очень хорошо, красиво одевается. Странно, но она не гонялась за модой и за модными заграничными вещами, как некоторые другие девушки. Безошибочный вкус позволял ей выбирать из одежды то, что безусловно было ей к лицу. И тут уж она за ценой не стояла.

Никакой косметикой Саяра не пользовалась. Да в этом и не было нужды. Руководитель ее дипломной работы, старый профессор, не называл ее иначе как «красавица Востока». Девушке часто приходилось слышать подобные слова, может, поэтому они и не производили на нее особого впечатления.

Обычно на парней какая-то оторопь находила, когда они впервые видели Саяру. До того щемяще она была красива. А потом, поняв, что она недотрога, постепенно привыкали к ее красоте. Чего терпеть не могла Саяра, так это ухаживаний, особенно наглых. Все знали, как отшила она одного из любимцев курса, веселого, бесшабашного Сергея. Он вздумал вольно повести себя с нею и получил звонкую пощечину. Самое смешное, что после этого они с Сергеем помирились, а потом и друзьями стали.

Вообще у Саяры было довольно много друзей и подруг, в обращении со всеми она была проста и весела, но особенно никого не выделяла. Пожалуй, больше всего ей нравилось общество Абдуллы и Пулата. Но ведь это естественно, все они из одной республики, из одного города, из Ташкента. Кстати, сегодня они собирались в Петродворец. Не поедут, наверно, из-за погоды. Жаль.

Девушка поднялась с дивана и распахнула окно. Сквозь туман блеснул золотистый шпиль Петропавловской крепости. «Наверно, скоро туман разойдется», — подумала

Саяра и вернулась к письму. Она пробежала глазами страницу и ничего интересного для себя не обнаружила, кроме слов: «И мама твоя говорит, что ты уже не маленькая, пора знать цену деньгам». Тут Саяра снова улыбнулась. Так, вот тут еще что-то на обороте написано. Вчера она этого не заметила: «Как поживает Абдулла? Какие у тебя с ним отношения? Передай ему от меня привет, мы с мамой ждем номер журнала, в котором опубликована его статья...»

Интересно, почему это вдруг отец заинтересовался их отношениями? Странно...

Саяра бросила письмо на стол и машинально стала перелистывать журнал «Огонек», который забыл у нее кто-то недели две назад. Из головы никак не выходили слова отца об Абдулле. «На что это он намекает? Неужели отец подсказывает мне, кого надо любить?.. С него станется, — подумала она. — Отец всегда расхваливает Абдуллу. Да и мать вечно говорит о нем». Что ж, Саяра не исключение, ей тоже нравится Абдулла. Хороший парень. К тому же он очень изменился. Изменился в лучшую сторону. Перестал быть таким стеснительным, как прежде, таким букой. За последние два курса свое время научился нормально распределять. Вроде понял, что на свете существует не только учеба. В консерваторию стал с ней ходить, читает довольно много. Пожалуй, с ним стало интересно разговаривать. Но самое главное — он очень способный. Ребята в шутку называют его «будущим Эйнштейном». Кто знает, может, в этой шутке есть доля правды. Никто не думал, что курсовая работа, которую он сделал недели за три, окажется такой успешной. Да он и сам, наверно, не ожидал. И вот теперь выйдет его статья в серьезном журнале. Абдулла все в институте уважают, и Саяра тоже, конечно. Но ведь отец намекает на другое. Что ж, был один такой случай сравнительно недавно. Но об этом отцу не напишешь. Да, пожалуй, и никому не расскажешь.

В комнате ниже этажом отмечали начало нового семестра. Посидели, включили магнитофон. Танцы затеяли. А народу тем временем прибавлялось. Саяра танцевала с Абдуллой. Душно было, тесно. В какой-то момент их сильно прижали друг к другу. Саяра грудью ощутила тело Абдуллы, он был в легкой рубашке. Ощущение было таким жгучим и неожиданным, что у девушки ноги подкосились. «Мне дурно», — прошептала она. Абдулла услышал и вытащил ее в коридор, проводил в комнату. Он был, как всегда, безукоризненно вежлив, принес ей воды, посидел

немного и, убедившись, что все в порядке, отправился к себе.

Вот какой у нее был случай... с Абдуллой. Можно ли назвать это «отношениями»? «Конечно нет», — решила Саяра. Просто она наконец повзрослела. Это ей предсказывала еще на первом курсе Лиля, соседка по комнате. Потом она перевелась в другой институт. «Ты, Саяра, еще ребенок, — говорила Лиля, — смеешься, когда девушки о своих парнях рассказывают. А я их понимаю. И ты поймешь, — она пристально посмотрела на Саяру, — сейчас скажу когда... Перед пятым курсом»:

Как в воду глядела Лиля. Теперь Саяра уже не маленькая. Мать права. Прошло время, когда она порхала словно стрекоза. Многие в ее возрасте уже детей имеют. А у Саяры даже любимого человека нет. Действительно, она «случай замедленного развития», как говорит другая ее подруга — Света. Поэтому, наверно, родители и беспокоятся. Даже подсказывают! Абдулла... А почему бы и нет? Ведь он ей нравится, ей-богу, нравится, по крайней мере, больше, чем все другие. Серьезный человек, будущий ученый. И потом, он просто красивый парень. Удивительно, но он тоже «случай замедленного развития». За девушками не ухаживает, нет у него никакой девушки в Ленинграде. Да и в Ташкенте тоже нет. А то бы не торчал все лето в кишлаке. А как он относится к Саяре? Хорошо относится. Может, он ее даже и любит, только не говорит? Он такой сдержанный... Однажды он как-то странно на нее посмотрел, когда они загорали на пляже, там, внизу, возле стены Петропавловской крепости...

И вообще все-таки что такое любовь? Сейчас умные люди нам все объяснят. Саяра расхотелась, взяла с книжной полки томик Стендаля и принялась перечитывать знаменитый трактат «О любви».

Через некоторое время за стеной, в соседней комнате, включили радио на полную громкость. Девушка поморщилась, бросила взгляд на будильник, стоящий на столе.

— О-ля-ля! — проговорила Саяра. — Ведь уже шесть. Они, наверно, меня заждались! Что бы такое надеть?

Девушка вскочила с дивана, подбежала к шкафу и вынула брюки. Немного подумала и положила их обратно. Сняла с плечиков темно-зеленое платье. Быстро оделась и, посмотрев на себя в зеркало, осталась довольна собой. Оглядела напоследок комнату, тряхнула коротко подстриженными волосами, взяла на руку плащ и быстро спустилась вниз. Около двери ее остановил вахтер:

— Вам телеграмма.

— Спасибо! — Саяра взяла бланк, порвала узкую бумажную ленточку и прочла: «Отца избрали академиком мама». Девушка захлопала в ладоши и выбежала за дверь.

Абдулла и Пулат стояли напротив общежития, опираясь на парапет набережной. Она побежала к ним через проезжую часть, не обращая внимания на машины.

Водитель серой «Волги» притормозил, высунулся из окна, погрозил ей вслед кулаком.

— Ребята, простите! — взмолилась девушка. — Я больше никогда не буду опаздывать.

— Прощаем, — сказал Пулат. — Ладно хоть под машину не попала. В другой раз уж лучше не спеши. Абдулла, ты только посмотри, в каком она красивом платье. Хорошо бы к такому платью еще и денег полные карманы...

— Ты угадал, Пулат, — девушка улыбнулась ему. — Вчера пришел перевод от матери на семьдесят рублей.

— Семьдесят рублей? — переспросил Пулат.

— Да. Их надо получить. Пойдем?

— Еще спрашиваешь... Не пойдем, а полетим!

Они направились к почте. Саяра взяла парней под руки.

— Сегодня я вас угощу.

— В чем причина такого великодушия? — спросил Абдулла.

— Сейчас узнаешь. Вот, — Саяра вытащила из кармана плаща телеграмму, — читайте.

— Поздравляю! — произнес Абдулла и протянул ей руку. — Это большое, даже очень большое событие.

— Я рад за тебя, — серьезно сказал Пулат. — Турсунали-ака настоящий ученый. Верно, Аду?

Друзья иногда называли его так.

— Верно, — с чувством произнес Абдулла. — Академик... Это звучит! Академик...

— Аду, — девушка повернулась к Абдулле, — и ты будешь академиком. Вот увидишь.

— Я тоже так думаю, — сказал Пулат. — Могу поспорить: через десять лет Аду станет академиком. Эй, слышишь? Через десять лет...

— Оставьте ваши шуточки, — буркнул Абдулла и покраснел.

Конечно, ему до академика еще ой как далеко... А интересно, что сейчас чувствует Турсунали-ака?! Что он сейчас делает? Может, в институте или дома? Но где бы он

ни был, все идут к нему, поздравляют... А он так слегка улыбается и произносит, наверно, нараспев: «Спасибо, спасибо...» И Абдулла живо представил себя на его месте. Вот он сидит в кресле. Кресло большое, мягкое, как в доме у Саяры... И вот идут чередой люди с поздравлениями. На лицах у всех улыбки, но есть и такие, которые поглядывают искоса. Но Абдулла тепло здоровается и с теми и с другими. Что они теперь могут поделать, ведь он академик! Вот подходит на цыпочках Хасанхан. Он прижал ладони к груди, улыбается сладко.

«Абдулладжан, поздравляю, поздравляю от чистого сердца, — произносит учитель, и голос у него такой заискивающий. — Я горжусь тем, что когда-то, хоть и немного, имел счастье быть вашим преподавателем: Как поживает Иргаш-ака... э-э, Гафурджан-ака? Как его здоровье? Как это будет выглядеть, если я навещу его? Найдет ли он время принять меня?»

Абдулла отрицательно качает головой.

«Понимаю, понимаю, — торопливо продолжает Хасанхан. — Сейчас он очень занят. Столько гостей, всех надо уважить, принять... Я беспокоюсь за его здоровье. Если бы вы передали, чтобы он себя не слишком утруждал...»

Да... Вполне мог быть подобный разговор, если бы он стал академиком...

— Он долго смотрел себе под ноги вдумчивым взором ученого, — услышал он голос Пулата.

Саяра рассмеялась.

— Что? — спросил Абдулла.

— Да ты призадумался, а он шутит, — объяснила Саяра.

— А... Я и в самом деле задумался, — сказал Абдулла.

— О чем же это, Аду? — спросила девушка.

— Во-первых, где мы будем ужинать?

— Да там же, в Петергофе, — ответил Пулат.

— Побежали! — Саяра потащила их вперед. — Боюсь, как бы касса не закрылась.

В Петергофе Саяра сразу повела ребят к Большому каскаду. Веселый блеск высоких водяных струй, позолота скульптур, нарядный фасад дворца, зелень листвы и газонов — все сливалось в удивительную картину.

Они приблизились к богатырской фигуре Самсона, раздирающего пасть льва. Из пасти зверя бил могучий двадцатиметровый фонтан — самый высокий в Петродворце.

— Вот красотища-то, а? — сказала Саяра.

— А мне Самсон не очень нравится, — вдруг заявил Пулат. — Другие скульптуры хороши, а Самсон как-то грубовато сделан.

— Это оттого так кажется, — объяснил Абдулла, — что мы подошли к нему слишком близко...

«Правильно, — подумала про себя Саяра, — четыре года назад он бы этого не сказал...»

— Разве не так? — спросил Абдулла.

— Ладно, я сейчас не буду с тобой спорить, — Пулат махнул рукой, — мне надо сначала поесть!

— Не торопись, может, мы здесь в последний раз. В последний раз, понимаешь?

— Ты прав, Аду! — грустно сказала Саяра. — Когда мы это еще увидим, кто знает?

— Не переживай. У нас такая работа, — сразу посерьезнел Пулат, — будем приезжать сюда в командировки.

— Ну, приезжать по работе...

Эти слова Саяры заставили парней задуматься. Да... Осталось всего восемь месяцев. Восемь месяцев юности, восемь месяцев студенческой жизни.

— Интересно, — проговорил Пулат, — что лучше — учиться или работать?

— Я бы так и осталась студенткой, — сказала Саяра.

— Какая бы в таком случае была от тебя польза?

— Стало бы на одного плохого физика меньше. Только и всего. Вот вы с Аду — другое дело.

— Не равняй меня с Абдуллой, — сказал Пулат. — Он, по-моему, создан для работы. А я, говоря откровенно, получил бы еще годика два. Жаль, что это невозможно.

— Всем нам будет трудно на первых порах. Но ничего, привыкнем... — Абдулла улыбнулся. — Однако, Саяра, я никак не могу представить тебя, к примеру, возле реактора.

— Может, мне поступить в библиотечный институт?

Абдулла рассмеялся, покачал головой:

— Нет. Мы будем работать вместе. Мы так будем работать, что...

— Все станем академиками, — заключил Пулат.

— Вот именно...

В ресторанах Петергофа осетрины в тот день не оказалось. Они погуляли немного по парку, а потом поднялись по лестнице и встали над каскадом у балюстрады, протянувшейся перед фасадом дворца. Вдали серебрился Финский залив, по сторонам в бесконечном разнообразии тонов

зеленел парк, вперед к морю уходила узкая полоска Морского канала с двумя небольшими мостиками. А ближе, прямо у их ног взлетали и падали, пенились, кружились, шумели бесчисленные водяные струи...

В город они вернулись опять на «Ракете» и по настоянию Абдуллы направились в «Асторию».

Хорошо они там провели время, славно; под конец этот пышный ресторан показался Пулату обыкновенной студенческой столовой.

— Непонятно, почему это мы сюда раньше не заходили, — говорил он.

К своему общежитию они подошли, когда уже было довольно поздно. Поднялись на пятый этаж. И тут Пулат неожиданно стал прощаться.

— Мы же договаривались чай пить... — удивился Абдулла.

— Хватит мне, — невнятно сказал Пулат и провел рукой по лицу. — Что-то меня ко сну клонит.

И он ушел. Саяра прислонилась к стене.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Абдулла. — Или тоже спать хочешь?

— Нет, все в порядке, — сказала Саяра. Голос ее звучал приглушенно.

— Ты очень рада?

— Чему? — не поняла девушка.

— Что стала дочерью академика...

— Я рада за отца. Академик Академии наук Узбекской ССР. Ты тоже им станешь, не беспокойся...

— Не надо шутить.

— Я хорошо знаю тебя, — сказала Саяра и взяла его за руку. — Ты этого достигнешь.

— Не смейся.

— Я не смеюсь. Я не смеюсь над тобой.

— Я тебе не верю.

— Зря...

Они зашли в комнату. Девушка повернула выключатель и бросила плащ на диван.

— Я сейчас, — сказала она. — Ты посиди пока, не скучай. А я заварю покрепче.

— Делай по своему вкусу.

— Ладно...

Саяра сняла с подоконника фарфоровый чайник,хватила со стола жестяную коробку с фамильчаем и вышла. Абдулла постоял немного у окна, открыл форточку. Все равно в комнате не стало прохладней. Когда он снял пид-

жак и стал прилаживать его на спинку стула, от его рубашки внезапно отскочила пуговица, упала на пол. Абдулла поднял ее и положил на стол. Потом уселся на диване. В это время и вернулась Саяра.

— Скоро будет готово, — сообщила она и стала прибирать со стола. — Откуда взялась эта пуговица? — вдруг удивилась девушка.

— Прости, Саяра, это моя, — сказал Абдулла. — Сейчас только от рубашки оторвалась.

— Что же ты мне сразу не сказал? — обиделась Саяра. — Я тебе пришью.

— Не надо, я сам...

— А почему не я?..

Она открыла шкаф и стала выдвигать ящики один за другим. «Какая милая девушка, — подумал Абдулла. — Красавица. Дочь академика и не кичится, не важничает. Вот пуговицу мне будет пришивать... Но это впечатление обманчиво. Потому что, несмотря на внешнюю простоту, она совсем не простая. Как правильно сказал Сергей, Саяра не нашего поля ягода. Тонкая, художественная натура... Она необыкновенная, и нравиться ей, конечно, должны люди особенные, например музыканты или поэты. А потом в один прекрасный день узнаешь, что это неземное существо вышло замуж, разумеется, за существо высшего порядка. Жаль».

— Саяра...

— Что?.. Куда я положила белые нитки, никак не могу отыскать...

— Оставь ты это. Я сам пришью. Саяра...

— Да, Абдулла?

— Я слышал, что ты... выходишь замуж. Это верно?

Саяра рассмеялась:

— Как сказать... И за кого же, по-твоему, я выхожу?

— Тебе лучше знать.

— Тот, кто тебе об этом сказал, должно быть, не в курсе дела... Нашла!

Саяра присела на диван рядом с Абдуллой, стала продевать нитку в ушко иголки.

— Не в курсе дела, — повторил Абдулла, глядя на ее открытые колени. — А как, на свадьбу-то позовешь?

— Если она будет. Куда пришивать?

— Непременно будет. Вот сюда, вторая пуговица сверху.

— Значит, по-твоему, я выхожу замуж?

— Тут нет ничего невероятного. Это может случиться с каждым человеком.

— Но только не со мной.

— Почему?

— У меня нет никого, — печально сказала девушка и положила иглу на стол. — Нет у меня никого...

— А вот это уже невероятно. Этого быть не может, — сказал Абдулла, — потому что ты красавица. Или это для тебя новость?

— Это все пустые слова.

— Нет, это правда. Ты очень красивая. Ты всем нравишься.

Саяра глянула на него краем глаза:

— А тебе? Я нравлюсь тебе?

«Что я слышу?» — пронеслось в голове у Абдуллы. Нравится ли ему Саяра? Да если бы не Гюльчехра, он бы давно влюбился в нее без памяти, а потом бы страдал. Любовь без взаимности... Подумать страшно! Как Чередниченко с третьего курса — тот чуть с собой не покончил. Нет, но неужели она... Неужели он ей...

— Да, — наконец ответил он. — А я? Нравлюсь я тебе?

Саяра улыбнулась.

— Давай пришью пуговицу.

После того как пуговица была пришита, Саяра наклонилась, чтобы зубами оторвать нитку, и горячей своей щечкой коснулась его открытой груди. И тут Абдулла не смог удержаться. Он порывисто обнял Саяру и стал целовать ее шею, затылок, уши. Саяра не поднимала головы.

В коридоре раздался какой-то шум. Саяра неловко высвободилась и побежала к двери. Абдулла с силой провел ладонью по лицу. Вот это да... Ну, Инамджан, такое тебе, дорогой мой, даже и не приснится.

Виновато улыбаясь, вошла Саяра с двумя половинками чайника в руках:

— Вот, расколола. Не ошпарилась. Это к добру, к счастью. Так говорят русские.

Он подошел к ней, взял у нее из рук то, что осталось от чайника, и положил на стол.

— Ты веришь этой поговорке?

Саяра кивнула.

— Снова заварить? Чайник есть у соседей.

— Нет, — сказал Абдулла и притянул девушку к себе.

Длинная пристройка под камышовой крышей, примыкавшая к правлению колхоза, была заполнена людьми до отказа. Раис Нормат-ака поднял руку, призывая к тишине и кивнул Самаду:

— Начинай.

Самад придвинулся вплотную к столу, стоящему по середине сцены, и обратился к людям:

— Товарищи, в повестке дня нашего общего собрания только один вопрос — вопрос о будущем нашего кишлака. Но сначала о настоящем. Наш колхоз — миллионер. Живем мы неплохо, зерна и всякого добра у нас как будто в достатке. И даже есть избытки. Однако, товарищи, облик нашего кишлака не переменялся. Каким он был двадцать — тридцать лет назад, почти таким и остался. Вот эта пристройка, в которой вы сидите, гордо именуется клубом. Но разве это клуб? А что сказать про другие дома в кишлаке, про узкие кривые улочки? Теперь нам не к лицу жить в таких условиях. Иное дело, если бы у нас не было средств. Но у нас теперь достаточно средств, чтобы построить новый кишлак. Конечно, не все сразу. Но надо начинать. Вот перед вами макет нового Мингбулака, — тут Самад осторожно снял покрывало со стола. — Вот смотрите. Этот макет создан нашим молодым архитектором Гюльчехрой, дочерью уважаемого Ганишера-ака. Она же будет и начальником всего строительства. Так решило правление колхоза.

Люди захлопали в ладоши, раздались голоса:

— Дай аллах тебе здоровья, дочка!

— Будь счастлива!

— Пусть не будет дня худшего, чем этот!

— А теперь, — сказал Самад, — мы дадим слово Гюльчехре. Она расскажет нам, каким будет новый Мингбулак, а потом перейдем к обсуждению. Нет возражений?

— Нет.

— Слово предоставляется Гюльчехре Саидовой.

Гюльчехра, сидящая между раисом и отцом, поднялась с места. Краска смущения залила ее лицо. Вопросительно посмотрела она на Нормата-ака.

— Говори. Расскажи обо всем, что думаешь, что у тебя на душе, — поддержал ее раис.

Гюльчехра подошла к своему макету. Дома она готовилась к речи, даже репетировала, с чего начать и чем закончить. Однако сейчас, при виде множества устремлен-

ных на нее глаз, растерялась. «В самом деле, с чего же начать, с чего же начать?» — лихорадочно думала она.

Между тем люди задвигались на своих местах, зашептались. Кто-то кашлянул. Гюльчехра подняла голову, и тут ее взгляд упал на Алишера, сидящего на подоконнике. Брат подмигнул ей, махнул рукой и этим словно бы сказал: «Да говори ты, чего стесняешься?» Девушка взяла себя в руки и, не отрывая глаз от брата, тихо начала:

— Товарищи! Этот макет — моя дипломная работа. У нас в институте студенты-выпускники создают макеты больших зданий, макеты целых районов. А я выбрала свой кишлак. Я с детства мечтала о новом Мингбулаке, мечтала избавить его от пыли, от узких улиц, от домов, напоминающих погреба. И вот моя мечта перед вами. Конечно, этот макет несовершенен, в нем есть недостатки, и к тому же это моя первая самостоятельная работа... — Гюльчехра остановилась. Волнение снова сковало ее.

— Говори, дочка, мы все слушаем тебя, — сказал один из аксакалов, сидящих в переднем ряду.

— Не бойся, мы сами тебе укажем на твои недостатки...

— Вызовешь на хашар — исправим...

— Не скромничай, дочка, продолжай.

Гюльчехра снова взглянула на брата. Алишер опять подмигнул ей.

— Каким должен быть новый Мингбулак? — проговорила, запинаясь, Гюльчехра. — Вы видите здесь, на макете, трехэтажное здание. Это новый клуб. Нормат-ака посоветовал назвать его Дворцом культуры. У нас много молодежи. И нужно специальное помещение, в котором бы люди вечером могли отдохнуть, повысить свои знания, прослушать лекцию, посмотреть кино, принять концертную бригаду. Все это можно будет сделать в клубе.

— Когда? — крикнул кто-то.

— Через три года, — ответила Гюльчехра. — Теперь смотрите: справа от Дворца культуры расположено двухэтажное здание — здесь будет размещаться правление колхоза. А слева — гостиница «Мингбулак», видите — с верандой? Таким образом, в центре кишлака будут эти три больших здания, а между ними будет сад с фонтаном. Этот сад, вот с этой стороны, видите, протянется до самого канала. А по берегу канала пройдет автострада, которая свяжет кишлак с одной стороны с Кокандом, с другой — с Алтыарыком...

Тут девушка увидела, что в одном из средних рядов поднялся высокий седобородый старик.

— У меня есть вопрос,— услышала она его голос.

— Подождите, ата! Пусть она закончит свое выступление!

— Она может и потом закончить. А я, если сейчас не спрошу, забуду... — промолвил аксакал.

— Пожалуйста, спрашивайте, ата! — согласилась девушка.

— Все, о чем ты говорила, дочка, все это хорошо. Все эти Дворцы культуры нам нужны, но ты мне скажи о другом. Что станет с нашими домами? Вчера мой внук целый час болтал, что Мингбулак разрушат, а на его месте поставят небоскребы. Я сказал внуку: «Погоди, что же это такое получится? У нас не такой уж плохой дом, чего ради мы должны переселяться в этот небоскреб и жить друг под другом? Мы к такому не привыкли». В Ташкенте есть место, называется новый район Чиланзар. Года три назад приехал я в Ташкент, и меня потащили в этот Чиланзар, на панихиду. В комнате люди не уместились, и мы читали молитвы на улице. Это бы еще ничего. Но когда гроб стали спускать на веревках из окна, да еще чуть не уронили, тут уж я разозлился. И я не хочу, чтобы в Мингбулаке так было. Узбеку не только дом нужен, ему нужен свой двор, хотя бы клочок земли, и чтобы на этом клочке земли росло хотя бы одно дерево. Или я не прав?

— Верно говоришь, ата, верно!

— Кабилджан-ата,— обратился к аксакалу Самад,— вы целую речь произнесли. Подождали бы немного, а потом выступили.

— Э, сынок, я же говорю, память у меня стала слабеть, забыл бы все. Ну так, дочка, скажи, правду говорил мой внук? В самом деле ты будешь строить такие дома?

— Нет, отец,— ответила, улыбаясь, Гюльчехра.— Я постараюсь вам объяснить... От центра кишлака в радиальном направлении, на четыре стороны света протянутся четыре улицы. По обеим сторонам этих улиц будут построены одноэтажные дома для колхозников. Вот здесь вы видите макеты этих домов. Позади каждого дома обязательно будет двор. В Мингбулаке пока нет надобности строить многоэтажные жилые здания. В кишлаке всего пятьсот семей. Лет через десять — пятнадцать положение изменится. И вот тогда по ту сторону канала можно будет запланировать многоэтажные дома. А пока достаточно и этих. Кабилджан-ата, смотрите, в каком доме вы будете

жить: впереди веранда, три комнаты и гостиная. Или же — четыре комнаты и гостиная. А свой дворик вы можете огородить, сделать, если хотите, ворота.

— Кабилджану-ата ворота нужно сделать в самом доме. А то вдруг гроб в двери не пройдет.

Люди заулыбались, раздался смех.

— Таким образом,— заключила Гюльчехра,— работы у нас очень много. Чтобы построить все, что изображено на макете, потребуется по меньшей мере лет пять, а то и шесть. Если есть вопросы, пожалуйста, задавайте.

И Гюльчехра направилась на свое место. Раис благодарно кивнул девушке.

— Молодец, выдержала,— сказал дочери Ганишер-ака.— А я уже хотел бежать к тебе на помощь...

— Товарищи, у кого есть вопросы? — обратился к собранию Самад, постукивая по столу карандашом.

— У меня вопрос! — из второго ряда поднялась худенькая женщина средних лет.— Будут ли в новом кишлаке ясли? Почему об этом ничего не говорите? Или же нам так и работать по старинке, ребенка к спине при-вязывать?

— Ясли будут! — ответил с места Нормат-ака.— В первую очередь мы построим ясли на шестьдесят мест. Это не вошло в план. Потому что строительство яслей начнется в этом году.

— Вы удовлетворены, Карамат-апа? — спросил Самад.

— Это другое дело.

— Какие будут еще вопросы?

— Разрешите мне!

Мальчик, стоящий возле Алишера, поднял руку.

— О чем ты хочешь спросить?

— Когда построят Дворец культуры, кино будет каждый день или, как сейчас, два-три раза в месяц?

— В день два раза. Устраивает?

Парнишка заулыбался.

— Будут еще вопросы?

— Я не могу взять в толк одну вещь,— сказал, не вставая, пожилой человек, сидящий в первом ряду.— Вот вы показываете наши новые жилища. Все это хорошо. Ясно, что правление и клуб будут построены на деньги из общего фонда. Это я понимаю. Но кто будет строить наши жилые дома. На чьи деньги? Вот это я прошу объяснить.

Самад вопросительно посмотрел на раиса. Нормат-ака поднялся со своего места, подошел к столу.

— Вы дельный вопрос задали, Муким-ака. Колхоз, конечно, не может бесплатно построить все дома. Мы посоветовались в правлении и пришли к одной мысли. Надо создать строительную бригаду, человек тридцать — сорок. Это выход из положения.

— А кто ей будет платить? Кто даст на это деньги? Деньги?

— Сейчас я все разьясню, — Нормат-ака поднял руку. — Деньги даст каждый по мере своих сил. А у кого сил не хватит, тому поможет колхоз. Предоставим кредит. Возьмем, к примеру, вас, Муким-ака. Вы сами трактором работаете, а в полеводческой бригаде работают ваш сын и сноха. Если доходы двоих членов вашей семьи будут тратиться на хозяйство, то доход одного будет идти на покрытие долга. Если на это будет идти лично ваш доход, то вы за первый же год рассчитаетесь. Ну как, подходит?

— Еще как подходит, — сказал Муким-ака. — Включите в таком случае меня первым в список, а то мне надоело все время кланяться, когда в дом захожу. Ох, приземисты у нас дома...

— Ну кто еще выступит?

— У меня вопрос...

— Можно мне?..

— Подождите, не все сразу...

Еще много было вопросов и ответов. Гюльчехра никак не ожидала, что ее работа послужит для них поводом.

Счастливая возвращалась она домой между отцом и Самадом. На полпути Ганишер-ака о чем-то вспомнил и пустился обратно, искать раиса.

— Не помню, чтобы у нас раньше на собраниях столько народу выступало, — сказал Самад.

— Я тоже не ожидала, — отозвалась девушка. — Никак не думала, что этот макет за живое всех заденет.

— Это естественно. Хорошее жилище много значит в нашей жизни. — Самад потупился. — Ты знаешь, я тоже хочу построить новый дом...

— Значит, свадьба уже не за горами? — спросила Гюльчехра.

— Если девушка даст согласие, то не за горами, а если не даст согласие...

— Кто она?

— Да есть такая... Очень хороший человек.

— Она из Мингбулака?

— Да, из Мингбулака. Я учился с ней вместе, вместе работаем...

Гюльчехра давно поняла, в чем дело, она и раньше об этом догадывалась, но никак не думала, что робкий, стеснительный Самад пойдет на этот разговор.

— Кто же это такая? — наконец она обратилась к нему.

— Сказать?

— Да.

— Ты...

Гюльчехра покраснела. Вот он и сказал... Дождалась... Она сама вызвала его на этот разговор. А зачем? Бедный Самад! Мало ей сегодняшнего успеха, ну зачем она это сделала?

— Я тебя не обидел? — заволновался Самад.

— Нет, нет.— Девушка готова была казнить себя за легкомыслие.— Самад, то, о чем ты говоришь,— невозможно.

— Понимаю, тебе нравится Абдулла.

— Откуда ты знаешь? — спросила Гюльчехра поспешно. «Неужели он видел нас,— подумала она,— о аллах, там, на берегу сая!..»

— Когда он приезжает, ты становишься совсем другой.

— И только? — Девушка перевела дух.

— Это уже о многом говорит.

— Да, наверно. Ведь я... его люблю.

— А он?

— Он тоже. Уже давно.

Ну вот, теперь все сказано. Все-таки когда-то надо было выяснить отношения. Может, это к лучшему. Ему теперь все совершенно ясно. Теперь он постарается не думать о ней. Пройдет время, наверно, полюбит другую. Ведь в кишлаке столько хороших девушек. И красивых. Вот, например, младшая дочь Нормата-ака Джумагуль, недавно десять классов окончила. Очень милая. И Гюльчехра представила себе ее лицо, глаза, всю ее фигуру.

— Прости меня, Самад,— сказала она.— Прости...

— Нет, это ты меня прости. Я мог бы и промолчать. Вырвалось почему-то... Ну вот мы и пришли к твоему дому.

Самад остановился у ворот, и девушка протянула ему руку:

— До свидания.

— До свидания.— Самад легонько сжал ее ладонь и сразу отпустил.

— Самад!

— Что?

— Подожди... Ты обиделся на меня?

— Нет.— Самад грустно улыбнулся.— Не обиделся, честное слово. Ведь мы не дети. До свидания.

Однако Гюльчехра не могла отпустить его так:

— Ведь мы все равно останемся друзьями? Я считаю тебя самым лучшим и близким другом.

— Я тоже. До свидания. Все в порядке, Гюльчехра, не беспокойся.

— Спасибо, Самад, счастливо тебе...

Гюльчехра долго смотрела ему вслед. Самад не оборачивался. Горько ему сейчас. Но что она может сделать? А если бы не было Абдуллы? И тогда бы она дала такой ответ. Самад хороший парень, хороший товарищ. На него можно положиться. Но этого мало... И снова перед ней возникло лицо Джумагуль. Он может полюбить эту девушку! Или какую-нибудь другую. Человек не может жить без любви.

Эта мысль почти успокоила Гюльчехру, и она вошла во двор. Сейчас ее встретит мачеха. Мачеха? Нет, Гюльчехра уже не может так ее называть. А сначала было очень тяжело. Когда Зумрад-апа впервые появилась в их доме, девушка не могла на нее смотреть, не могла она смотреть и в глаза отцу. Зумрад-апа была родом из Алтыарыка, муж давно с ней развелся, обвинив ее в бесплодии. Она состояла в каком-то дальнем родстве с Норматом-ака и по временам наезжала в Мингбулак.

Прошел год после смерти матери Гюльчехры, и раис заговорил о своей родственнице со своим другом Ганишером.

— Я очень уважал твою жену Саодат,— сказал он,— память о ней у меня в сердце. Но ты подумай о своих детях. До каких пор твоя образованная дочь будет служанкой в доме? Она должна учиться, должна работать. Потом сообрази: она уже не маленькая. Выйдет замуж, что будешь делать один? Кто поднимет на ноги твоего сына?

Крепко задумался Ганишер-ака. Полтора года думал. Не мог он забыть свою жену. А Гюльчехра совсем замоталась — хозяйство, учеба, работа.

И вот, глядя на свою бледную, осунувшуюся дочь, Ганишер-ака решил: созвал пятерых друзей, сделал плов и привел Зумрад-апа к себе в дом. И — чудо! — дом почти сразу стал полной чашей. Такой поворотливой, хозяйственной, ласковой оказалась эта круглолицая застенчивая женщина. Алишер очень скоро стал звать ее мамой. Гюльчехра же часто плакала, на нее не действовали уго-

воры отца: «Доченька, я привел Зумрад, думая о тебе, о твоём брате. Я привел ее, чтобы вы не были сиротами, чтобы не остались без присмотра. Если же она вас станет обижать, то я... Но ты же видишь, какая она. Она не делает этого. У нее не было детей — она полюбила вас. Да она ковром готова перед вами расстелиться». Все же девушка постепенно оттаивала. А потом случилось так, что Зумрад-апа перед сбором хлопка решила съездить на неделю в Алтыарык проведать сестру. Алишер попросил взять его с собой. Гюльчехра не хотела, чтобы он поехал, но Ганишер-ака не возражал, и девушка промолчала. Неделя прошла незаметно. А когда они вернулись, девушка не узнала брата: на нем были новые туфли, белая рубашка с отложным воротником, красивые шерстяные брюки. И, самое главное, до того он был ухоженный, розовощекий — просто прелесть.

Алишер сразу бросился к сестре.

— Ой, как было хорошо! — закричал он. — Ой, как хорошо!

И тогда девушка подошла к своей мачехе и обняла ее со слезами на глазах. Они вместе поплакали, и с тех пор Гюльчехра перестала ее дичиться. Они подружились.

...Зумрад-апа увидела девушку из окна и вышла во двор.

— Как прошло собрание, все хорошо? — спросила она мягким, грудным голосом.

— Даже очень, — ответила Гюльчехра. — А я так боялась! Вопросы градом посыпались. А сколько народу было в правлении — полным-полно! Все хорошо получилось, и макет понравился...

— Да буду я твоей жертвой, милая, у меня за тебя сердце болело. Сейчас будешь есть или отца подождешь?

— Подожду. Он скоро придет. На полдороге вспомнил о чем-то и пошел обратно к раису.

— Так, говоришь, все остались довольны?

— Как будто. Назначили меня начальником стройки... А мне ведь сначала институт надо закончить.

— Кстати, — промолвила Зумрад-апа, — тебе пришла телеграмма.

— Да? — Гюльчехра сразу подумала об Абдулле.

Они вошли в дом. Телеграмма лежала на подзеркальнике. Девушка поспешно вскрыла ее, прочитала раз, потом другой, и вдруг залилась счастливым смехом. Она долго не могла остановиться.

— Что такое, доченька, что такое? — спросила Зумрад-апа.

Наконец девушка протянула ей телеграмму:

«Коканд Мингбулак Саидовой Жюри конкурса поздравляет вас успехом Ваш проект кафе Ешлик принят Премия будет вам вручена несколько позже тчк Согласно условиям января будущего года вы должны принять участие строительстве тчк Ташкент улица Куйбышева Горпроектинститут председатель жюри Захидов».

— А знаете, кому я обязана этим счастьем? — загадочным тоном спросила девушка. — Вам, вам, дорогая, милая Зумрад-апа. Если бы не вы, я бы не смогла работать над этим проектом, у меня просто не хватило бы времени... — И Гюльчехра звонко расцеловала смутившуюся женщину в обе щеки.

— Поздравляю, поздравляю, доченька... Значит, тебе надо будет поехать в Ташкент...

— Это не так скоро. И потом, я поеду ненадолго!

Размахивая телеграммой, Гюльчехра закружилась по комнате. Мечта сбылась! Теперь она настоящий архитектор, ее признали... Все будут рады в кишлаке — отец, раис, Самад! Самад... Нужно немедленно написать Абдулле, как он обрадуется! И девушка побежала в свою комнату.

«Абдулла, у меня сегодня очень-очень большая радость. Во-первых, общее собрание колхозников одобрило мой макет будущего Мингбулака. Меня назначили начальником стройки. А когда пришла домой, получила телеграмму. Оказывается, я победила на конкурсе! Мой проект кафе «Ешлик» принят! Никто не мог этого ожидать, а я — меньше всех. Это какое-то чудо. Я никак не могу прийти в себя. Абдулла, если ты приедешь на зимние каникулы, мы с тобой встретимся в Ташкенте. Меня приглашают консультировать строительство по моему проекту. Ты разделяешь мою радость? Твоя Гюльчехра».

Все эти дни Абдулла ходил сам не свой. Все перепуталось у него в голове. Он понимал, что это добром не кончится. Ведь у человека должна быть одна твердая линия поведения, пытался рассуждать он. Человек не должен разбрасываться, он только тогда добьется успеха, когда идет прямо к цели, не сворачивая.

А что получается у него? Поспешили они с Гюльчехрой, ох как поспешили! Но это она виновата, она проявила слабость. Если бы она сказала «нет», он бы просто немного огорчился, но это бы скоро прошло. А теперь они связаны. Он, Абдулла, связан. После того, что произошло, расстаться с ней значило бы совершить непорядочный поступок.

Ну что ж, значит, выхода нет? Значит, он останется с ней навсегда? А как же Саяра? Эта удивительная девушка, неземное существо, ангел, веселый, добрый ангел? Ведь он обнимал ее, целовал, и она называла его «милый» — разве можно это вытравить из памяти? Ничем не вытравить.

Но он будет жить с Гюльчехрой в этом своем доме с балаханой. И все думать о Саяре. И не только о Саяре — об упущенных возможностях. С ума сойти можно. Какие возможности! Если бы он связал жизнь с Саярой, то уж точно через два года был бы кандидатом наук. Еще через три года была бы готова докторская диссертация. А потом — руководство в каком-нибудь крупном научно-исследовательском институте... Все это вполне реальные планы. Конечно, не исключено, что всего этого он мог бы добиться сам. Но когда? Через сколько лет? И где все же гарантия, что он бы этого добился? Если бы они с Саярой поженились, все пошло бы как по маслу. Турсунали-ака, большой ученый, академик, помогал бы ему по мере сил, указал бы путь. Ведь Абдулла был бы для него не просто ученым, а зятем! Мужем единственной дочери, в которой он души не чает...

Если бы знать заранее, если бы знать заранее... Конечно, он сдержался бы тогда, в тальниковой роще! И они бы с Гюльчехрой разошлись спокойно. Он бы сказал: «Гюльчехра, прости, ради аллаха, я ошибся, мы не подходим друг другу». Вполне можно было бы написать такое письмо. И делу конец. Теперь такое письмо не напишешь, так просто не объяснишь... Каким скверным человеком покажется он Гюльчехре! А он совсем не скверный. Его уважают, с ним считаются, он один из лучших студентов института. Он никому не делал плохого, он никогда даже не думал об этом. А в результате он может оказаться виноватым. Как это несправедливо! Ну в чем он виноват? Ведь он не знал, что так получится. И Саяра не знала. Она тоже не виновата. Саяра — еще ребенок. Как она ему недавно сказала: «Абдулла, ты такой хороший. Но я и не знала, что я такая трусиха. Я боюсь тебе не понравиться. Всего бо-

юсь. Ты подожди немного, Абдулла». Вот смешная! А потом посмотрела искоса и добавила: «Я по вечерам не буду тебя в комнату пускать. Приходи днем». Что ж, может, она и права...

Как-то Саяра показала ему то письмо отца, в котором он спрашивал: «Какие у тебя отношения с Абдуллой?»

— Ты... ему ответила? — Лицо Абдуллы стало напряженным.

— Да...

— Что ты ответила?

— Написала, что мы поругались.

Абдулла перепугался. От этой девушки всего можно было ожидать.

— Не шути.

— А что тут такого?.. Я захотела узнать, как он будет после этого к тебе относиться...

Абдулла побледнел.

— Зачем ты это сделала?.. — еле слышно спросил он. Девушка расхохоталась.

— Эх ты, шуток не понимаешь... Я написала, что ты даже лучше, чем он о тебе думает. Ну как, ты доволен?

— Очень даже, — ответил Абдулла.

Прошла еще неделя, и он получил сразу два письма: одно — от Гюльчехры, другое — из дому. Абдулла сначала взял в руки письмо Гюльчехры, потом передумал, положил его на стол и накрыл сверху книгой. Надорвал отцовский конверт.

Гафурджан-ака осведомлялся о его житье-бытье, сообщал, что мать по нему очень соскучилась, и после того как поведал о том, что чувствует себя намного лучше, написал:

«Вчера вечером навестил нас Турсунали-ака. Долго сидел и расспрашивал о тебе. И рассказывал о своей дочери. Насколько я понял, Саяра милая, славная девушка. Он сказал, что вы с ней очень хорошо относитесь друг к другу. Еще сказал, что ты ему нравишься. Что ты можешь стать хорошим ученым. Что он возьмет тебя в свой институт после окончания учебы, будет рекомендовать тебя в аспирантуру. Мы с твоей матерью очень обрадовались. Абдуладжан, сын мой, мы только и думаем, что о твоём счастье. Мы хотим, чтобы ты стал большим человеком, и считаем, что ты на пути к этому. Дай аллах тебе здоровья!

После ухода Турсунали-ака мы с твоей матерью полночи не спали, так разволновались. Если твоя звезда

и звезда Саяры окажутся рядом, то для нас будет большим счастьем породниться с Турсунали-ака. Как я мог понять, Турсунали-ака тоже к этому склоняется. Прошу тебя написать, что ты обо всем этом думаешь?

Твой отец Гафурджан».

Тем лучше, сказал себе Абдулла. Вот и родители об этом узнали. Все идет к тому, чтобы он был вместе с Саярой. Стало быть, Турсунали-ака возьмет его к себе в институт. Это теперь совершенно ясно. Он будет учиться в аспирантуре. Это тоже ясно. Прекрасная девушка, чудесная семья. Что ему еще нужно? И его родители об этом мечтают. А прислушиваться к родительскому мнению его сыновний долг.

Абдулла снял со стола учебник и посмотрел на послание из Мингбулака. Раньше, когда от Гюльчехры приходило письмо и он брал его в руки, девушка представляла перед ним как живая, улыбающееся лицо ее было совсем близко. Теперь же Гюльчехра, как бы не смея приблизиться, остановилась на некотором расстоянии от Абдуллы, и улыбка ее была какой-то далекой.

Наверно, опять пишет, что «соскучилась», «скорее бы прошел год».

Он надорвал конверт и вынул то самое письмо, в котором Гюльчехра сообщала о своих успехах.

Прочитав его до конца, Абдулла невидящими глазами уставился в крашенный пол. Да, правильно она пишет: никто не мог этого ожидать... Какой потрясающий успех! Кишлячная девушка оказалась самородком, талантом! Недаром он ее полюбил еще четыре года назад, недаром все каникулы проводил в Мингбулаке. Но, оказывается, он был слеп, не разглядел как следует, с кем имеет дело. Гюльчехра ему ровня. Теперь в этом не может быть никакого сомнения. У него столько связано с нею, столько радостей доставили они друг другу, столько планов строили! Неужели все это впустую?!

Абдулла поднялся с места и заходил по комнате. Как нужен ему сейчас чей-то добрый совет! Он запутался, окончательно запутался. А ведь надо что-то ответить отцу, надо что-то ответить и Гюльчехре. Нет, он пока ничего не станет писать. Надо сначала разобраться в себе.

Гюльчехра добилась всего сама. Абдулле тоже никто не помогал стать одним из лучших студентов и написать курсовую работу, которая теперь опубликована. До этих пор все шло как надо. Так почему же он не сможет достичь

своих целей без помощи Турсунали-ака? Когда тебе покровительствуют, в этом есть что-то не очень хорошее, не очень приятное. До сих пор он без этого обходился, вполне может обойтись и в дальнейшем.

Пожалуй, будет трудно все объяснить отцу в письме. Лучше приехать в Ташкент на зимние каникулы, в спокойной обстановке переговорить с отцом, а потом жениться на Гюльчехре. Родители должны понять его, они не будут противиться.

Однако и эти мысли не успокоили Абдуллу. Он прилег на кровать, снова взял в руки письмо Гюльчехры и прочитал: «Если ты приедешь на зимние каникулы, мы с тобой встретимся в Ташкенте. Меня приглашают консультировать строительство по моему проекту».

Абдулла представил себе, как они идут вместе по улице Карла Маркса, все обращают на них внимание, ведь Гюльчехра очень красива. Вот они проходят мимо универмага, и вдруг навстречу им Саяра... Нет, это невозможно. Надо найти какой-то выход, надо как-то так сделать, чтобы не пришлось обманывать ни Саяру, ни Гюльчехру.

В дверь постучали.

— Кто это? — крикнул Абдулла.

— Это я, — раздался голос Пулата.

Он вошел в комнату.

— Что это ты валяешься на кровати, когда надо заниматься?

— А ты что слоняешься по коридорам? — в свою очередь, спросил Абдулла.

— Я из библиотеки. Понимаешь, диплом-то я вроде написал, а вот введение никак не получается. Может, посмотришь?

— Послушай, Пулат, я сегодня не в форме, — сказал Абдулла. — Ты уж извини.

— Хорошо.

И Пулат выскочил за дверь.

«Мне бы его заботы, — подумал Абдулла. — Счастливец. А советоваться с ним просто опасно. Если ему все на чистоту рассказать, этот прямой парень вместо совета еще обругает, оскорбить может».

Абдулла встал, подошел к окну. Выпить пива, конечно, не помешает. Все равно ничего путного в голову не приходит.

— Ну вот и я. — Пулат, тяжело отдуваясь, вошел в комнату. — Лифта не стал ждать. Вот пиво.

- Пулат... — сказал Абдулла.
- Что?
- Я хочу задать тебе один вопрос.
- Ну?
- Если бы тебе предложили сильно обидеть твоего друга, причинить ему боль и за это наобещали бы тебе всяких благ, что бы ты ответил?
- Выпей, — предложил Пулат. — А то какие-то дурацкие вопросы задаешь.
- Нет, в самом деле.
- В самом деле? Ну что ж, я бы, конечно, попытался причинить боль... тому, кто мне такое предложил. А что?
- Абдулла молчал. Конечно, Пулат не мог иначе ответить. Зачем же он тогда его спрашивал? Глупо все это...
- У тебя все в порядке?
- Абдулла не успел ответить. Дверь широко распахнулась, и в комнату вошла Саяра:
- Ребята, можете меня поздравить!
- С чем?
- Я отдала диплом на машинку!
- Ура! — захлопал в ладоши Пулат. — Стало быть, мы снова пойдем в «Асторию»?
- Пожалуйста!
- Пошли, Абдулла? — Пулат толкнул его локтем.
- Абдулле никуда не хотелось идти, но он понял, что расспросов в случае отказа не миновать. Саяра обязательно станет допытываться, почему да отчего он такой невестель.
- Хорошо, — согласился он.
- Вы сначала объясните мне одну вещь, — с довольным видом сказала девушка. — По какому случаю вы тут сидите и к тому же без меня?
- Просто у Абдуллы оказались лишние деньги.
- Еще гонорар?
- Нет, это то, что осталось, — промолвил Абдулла. — Выпьешь немножко пива?
- Фу! Нет. — Саяра поморщилась.
- Что ж, тогда пошли, — заторопился Пулат.
- Подождите немного. Я должна переодеться.
- Вот еще! Ты и так хорошо одета...
- Я быстро. — Девушка выбежала из комнаты.
- Вот диво! — произнес Пулат. — Что бы мы делали без нашей Саяры? Хорошо бы нам всем троем и работать вместе. Как ты считаешь, Абдулла?

— Наверно, это не удастся.

— Почему?

— Я слышал, заканчивается строительство одного объекта. Кого-нибудь из нас уж точно туда пошлют.

— Только не меня. Саяра тоже не пойдет. Неужели ты?

— Не знаю. Что поделаешь, если вдруг распределят?

— А как же аспирантура? Ведь это твоя мечта?

— Мечта — одно, а жизнь — другое. Неужели ты этого не понимаешь?

— Странно... — Пулат пожал плечами. В коридоре послышался стук каблучков Саяры. — Ну вот и она. Пошли.

Абдулла нехотя поднялся с места. «Может быть, это и выход. Уехать куда-нибудь подальше от всех», — подумал он.

В «Астории» Абдулла отвлекся от своих мрачных мыслей. Он танцевал с Саярой, и она вновь казалась ему самой прекрасной девушкой на свете. Потом они долго гуляли по городу. Прошли Невский из конца в конец. Саяра негромко читала Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит;
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

Однако, вернувшись в общежитие, Абдулла понял, что это была лишь отсрочка, что надо на что-то решиться и времени для принятия решения остается все меньше и меньше.

Так проходили дни. Абдулла через силу заставлял себя заниматься. Отцу он так ничего и не написал, а для Гюльчехры составил в муках коротенькое послание. Он поздравил ее с большим успехом и сообщил, что, возможно, приедет в Ташкент на зимние каникулы.

Ответ пришел очень скоро. Абдулла прочитал письмо Гюльчехры и побледнел как стенка.

«Абдулла, здравствуй!

Я знаю, на этот раз мое письмо тебя не обрадует. Боюсь, что случилось то, чего мы не ожидали. Я никому не могу сказать об этом, даже и тебе стесняюсь.

Абдулла, после нашей последней встречи произошла задержка того, что обычно случается у меня раз в месяц. Ты понимаешь? Прости, я не могу по-другому написать. Сначала я себя успокаивала, что это иногда бывало и раньше. Но вот уже прошел и второй срок, два месяца прошло. Я очень боюсь, что мои опасения подтвердятся. Подожду еще неделю, и тогда уже все станет совершенно ясно, не останется никаких сомнений. Ты понял меня, Абдулла? Зачем только мы это сделали?.. Я в полном отчаянии. Я уже теперь не могу смотреть людям в глаза. Если бы ты был рядом со мной, тогда бы другое дело, я бы так не мучилась. Мы бы с тобой что-нибудь придумали. Но ты далеко. Что мы теперь будем делать?

Жду ответа. Гюльчехра».

Все закружилось перед глазами Абдуллы. Гюльчехра беременна! Только этого еще не хватало. Теперь всему конец... Вся жизнь насмарку. Вот результат легкомыслия! Что теперь он скажет Саяре? Что теперь у него будет с Саярой? Ужас! Ужас!

Картины одна другой страшнее замелькали перед ним. Абдулле придется ввести в дом женщину с ребенком. Вот он говорит об этом матери. Она не верит своим ушам. А потом покачивает головой и произносит: «Сын мой, мы не ожидали от тебя этого. Ты опозорил нас».

Вот отец. Он в один миг постарел. Смотрит с болью на сына, потом отводит взгляд. Он ничего не скажет. Он может простить. Вот бабушка... Нет, старуха не простит. У нее нрав крутой. Не простит. Дядя? Этот еще ничего. Поругает, конечно, а вот как Турсунали-ака?.. Вот это всего ужасней. Он может с Абдуллой сделать все, что захочет. Достаточно одного его слова — и он смешает Абдуллу с грязью. А Саяра? Вот она получила неожиданную весть. Пришла к нему в комнату, на глазах слезы, нет, она не станет плакать. Она придет и плюнет ему в лицо. Или отвесит пощечину. Без сомнения, она так и сделает. Что будет потом? Нет, нет! Может быть, Гюльчехра напрасно тревожится? Может быть, и нет ничего такого? Может быть, задержка произошла из-за болезни? У женщин это бывает, он слышал. Гюльчехра, наверно, этого не знает, вот и испугалась...

Он еще раз прочитал письмо. Ну да, она и сама сомневается, пишет, что надо подождать еще неделю...

Гюльчехра выглянула из своей комнаты и сказала маме, что сейчас переоденется и выйдет к столу. Потом подошла к большому зеркалу. Перед ней стояла девушка с бледным, осунувшимся лицом, под глазами были заметны темные круги. Она знала, отчего это: от бессонницы, от слез, от всех ее тревожных мыслей. Но почему у нее стали такие толстые губы? Или это так кажется? Неужели это признак беременности? Значит, и Зумрад-апа может заметить... Девушка невольно провела рукой по животу, по груди. Нет, как прежде, как будто все без изменений... От Абдуллы до сих пор нет вестей. Двадцать дней назад она отправила письмо. Или он уехал из Ленинграда? Но тогда письмо бы уже вернулось.

Гюльчехра так часто ходила на почту, что под конец это показалось ей уже неудобным, и она стала посылать Алишера.

— Апа!

Девушка вздрогнула. В окно она увидела брата.

— Чай остынет!

— Я сейчас, — сказала Гюльчехра. — Отец здесь?

— Недавно ушел.

— Я сейчас...

Она отложила в сторону узкое платье, которое собиралась надеть, и перебрала чуть не весь свой гардероб, прежде чем остановилась на платье из ханатласа, которое сшила ей недавно Зумрад-апа. Зеркало подсказало, что обнова ей к лицу — даже темных кругов под глазами не стало заметно. Настроение у Гюльчехры немного поднялось, она ободряюще улыбнулась себе в зеркало и вышла на веранду.

— Ты что так задержалась? — спросила Зумрад-апа.

— Долго платье выбирала, вот выбрала ваш подарок...

— Чтобы ты его долго носила, ты все хорошеешь, стала еще красивее, — Зумрад-апа залюбовалась девушкой. — Немного пополнела, но это тебе идет.

Гюльчехра прикусила губу. «Неужели догадывается?!»

— Говорят, красота девушки в ее сердце, — продолжала Зумрад-апа, наливая чай. — Конечно, не только в этом. Важно, как девушка выглядит... Разве худенькой подошло бы такое платье?!

С благодарностью посмотрела Гюльчехра на свою маму.

— И вы совсем неплохо выглядите, Зумрад-апа.
— Где уж неплохо, вот твоя мама... говорят, была очень красивой женщиной.

Гюльчехра растерялась. Неужели она ревнует... к человеку, которого нет в живых? Или, может быть, отец чем-нибудь обидел? Или родственники? Надо ее как-то поддержать. Бедная Зумрад-апа!

— Мать у меня была красивая,— сказала девушка,— однако сама она этого не замечала. И я тоже не замечала. Для нас она была просто мамой. И вы, Зумрад-апа... Вы для меня и для Алишера просто мама.

— Спасибо...

Слезы показались на глазах Зумрад-апа.

— Вас кто-нибудь обидел?

— Нет,— ответила Зумрад-апа, снова протягивая ей пиалу с чаем.— Бери. Нет. Меня никто не обижал.

— Не надо, не расстраивайтесь...

— Я ничего... Только бы вы были счастливы, здоровы.

Гюльчехра не знала, чем еще ее утешить, поднялась с места.

— К обеду придешь? — спросила Зумрад-апа, когда девушка спустилась во двор.— Я приготовлю вкусную кисленькую шурпу. Приходи.

— Обязательно! Вы не печальтесь, ладно?

Зумрад-апа улыбнулась сквозь слезы, кивнула.

У ворот девушка поняла, что послужило причиной слез мачехи. Дувал подпирала темная мраморная плита. На плите была выбита надпись: «Саодат Саидова». И годы жизни и смерти.

Мать прожила всего тридцать семь лет! Комок подступил к горлу девушки.

— Мама! Мамочка! — еле слышно вырвалось у нее. Гюльчехра зажала рот ладонью. Зачем причинять боль бедной женщине, оставшейся в доме? Она закрыла ворота за собой.

Если бы мать была жива! Гюльчехра упала бы перед ней, заплакала, и мать помогла бы ей, поделила бы ее горе.

Ноги сами привели девушку к почте. Там стоял у окошечка старик и пересчитывал деньги. Гюльчехре пришлось подождать, когда он закончит. Старик считал не торопясь, поплеывая на пальцы. Наконец он наклонился к окошку и спросил:

— Нигяра, это все?

— Все, ата, — раздался голос Нигяры, девушки лет шестнадцати, работающей на почте.

— Спасибо, дочь моя.

Старик направился к выходу.

— Скажите спасибо своему сыну, ата! — крикнула вслед Нигяра.

— Сын меня не забывает. Спасибо ему, спасибо и тебе.

Еще что-то пробормотав, старик вышел из комнаты, не заметив Гюльчехру.

— Заходите, апа! — сказала Нигяра, приподнимаясь с места. — Вы насчет письма?

Гюльчехра кивнула.

— Нет, апа. Вам ничего нет. Не волнуйтесь, — принялась утешать ее Нигяра. — Должно быть, все в порядке, вот и не пишут.

Гюльчехра была вынуждена облокотиться о стойку.

— Если вы очень беспокоитесь, — добавила Нигяра, — то можете дать телеграмму.

— Верно! — Гюльчехра выпрямилась. — Дайте мне, пожалуйста, бланк.

Она села за стол. Если сегодня дать ему телеграмму, завтра уже может прийти ответ. Почему она раньше этого не сделала? Наверное, он не получил последнего письма. Конечно, не получил. Письмо затерялось в дороге. Разве нет таких случаев? Или попало по чужому адресу. Кто знает? Все решит телеграмма. Все станет известно завтра.

Гюльчехра торопливо написала адрес Абдуллы и вдруг отложила ручку. Почему же до сих пор он получал все ее письма? Ведь не было никакой путаницы. Нет, письма не пропадают. Значит, он просто молчит... Не хочет отвечать...

Значит, бросил... Девушка закрыла глаза... «Что это, о чем это я подумала? Как я могла такое подумать... Письмо придет, придет не сегодня, так завтра. Оно не может не прийти».

Гюльчехра смяла в руке бланк с адресом и подалась к выходу.

— Вы что, апа, не будете посылать телеграмму? — спросила Нигяра.

Гюльчехра остановилась:

— Нет... Я еще подожду...

Она вышла на улицу. Письмо придет. Должно прийти...

Однако письмо не пришло и на следующий день.

И тогда прямо с почты девушка отправилась куда глаза глядят. Вышла в поле. Мыслей у нее никаких не было.

Возле хауза она услышала звук мотора и подняла голову. Ей навстречу ехал газик. За рулем сидел Нормат-ака. Раис увидел Гюльчехру и остановил машину.

— Куда путь держишь?

— Я просто так... гуляю,— голос ее задрожал.

Раис открыл дверцу, выбрался из машины.

— Все ли у тебя в порядке? Что-то вид у тебя такой... Ты не больна?

Девушка не выдержала, заплакала. Нормат-ака положил ей руку на плечо и сказал:

— Я понимаю, почему ты плачешь. Не надо. Твоя покойная мать была очень хорошим человеком, но смерть никого не щадит. Завтра мы приведем в порядок ее могилу. Ты, наверно, увидела надгробную плиту, что мы заказали...

Гюльчехра ничего не ответила.

— Или Зумрад-апа тебя обижает? — задал раис новый вопрос.

— Нет,— выдавила из себя девушка.— Зумрад-апа очень хорошая...

— Вот видишь! — обрадовался раис.— Ганишер не приведет в дом плохого человека. Ну, успокойся, не к лицу тебе плакать. Ты ведь у нас архитектор, начальник, а плачешь как ребенок. А ну-ка посмотри на меня!

Гюльчехра вытерла слезы, перестала всхлипывать.

— Ну вот так-то лучше. Садись, подвезу до кишлака.

Девушка покачала головой:

— Спасибо, я пойду пешком.

— Ну ладно, как хочешь...

Раис сел в машину и уехал... А Гюльчехра, глядя себе под ноги, тихо пошла вдоль канала.

Вечером Алишер принес ей с почты телеграмму. Ректор вызывал Гюльчехру в Ташкент.

Никто в институте не знал, что творится в глубине души у этого способного, трудолюбивого студента. Дипломную работу он защитил на «отлично». Его похвалил заведующий кафедрой профессор Марков.

Поговаривали, что ему будет предложено остаться в аспирантуре.

По-прежнему Абдулла так и не мог ни на что решиться. Но все же временами он еще пытался рассуждать логически. Если он женится на Гюльчехре, то в Ташкенте им будет делать нечего. Он ничего не достигнет в Ташкенте, потому что Турсунали-ака не даст ему там хода. Что перед ним Абдулла? Соринка! Академик дунет — и Абдулла полетит в сторону. Они будут жить в Ленинграде, конечно, если его оставят в аспирантуре. Здесь он защитит и кандидатскую диссертацию.

Но что скажут на это его родители? Ведь они ждут его в Ташкенте, ждут не дождутся. И согласится ли Гюльчехра поехать в Ленинград? Хотя работа там для нее отыщется, архитекторы везде нужны...

Удивительно, чем больше думал Абдулла о Гюльчехре, тем больше нравилась ему Саяра. Ведь она была рядом, веселая, милая, озорная...

В тот вечер ему стало совсем невмоготу. За окном шумел дождь. Абдулла взял плащ и спустился вниз. Сначала он направился в сторону Мойки, а потом неизвестно как очутился на Литейном проспекте. Людей было много, почти все шли под зонтиками. Каких только зонтов не было — большие, маленькие, белые, красные, желтые, черные... Абдулла остановился, вытер мокрое лицо платком. И, задрав голову, посмотрел вверх, в черное небо. Когда только кончится этот дождь...

— Что, Аду, звезды считаешь? — спросил кто-то рядом.

Перед ним стоял его однокурсник Виктор в длинном плаще с капюшоном. Виктор был старше Абдуллы года на четыре, пришел в институт из армии.

— А ты что здесь делаешь в такую погоду? — удивился Абдулла.

— Навещал жену. Она лежит в больнице.

— А что с ней?

— Аборт сделала, дурочка, — сокрушенно сказал Виктор.

— Аборт?

— Она думает, нам достаточно одной Светки. Светка — это наша дочь. Ей уже три года, славная девчушка. Так вот, жена до вчерашнего дня ходила как ни в чем не бывало, не было у нас об этом никаких разговоров. А сегодня прихожу из библиотеки, на кухне под чайником письмо. Мол, прости, Витенька. Я пошла в больницу. Через три дня выйду...

Через три дня? — переспросил Абдулла.

— Да, через три дня, мол, выйду, если хочешь, можешь навестить. Я бросился со всех ног... Не повезло, Аду. Опоздал.

— А она здорова? Когда выйдет?

— Здорова. Полежит еще завтра и послезавтра, а потом выпишут.

— Значит, там долго не держат? — взволнованно спросил Абдулла.

— А что?

— Нет, нет, ничего!.. Что теперь будешь делать?

— А что теперь сделаешь? Светку я у соседей оставил, надо скорей забрать. Надоела им небось. Что случилось, то случилось. — Виктор вздохнул. — Ладно, до свидания.

— До свидания.

Абдулла, широко улыбаясь, смотрел вслед Виктору, но не видел его. Выход найден! Он сейчас же напишет письмо Гюльчехре. Нет, даст телеграмму. Ведь это же, оказывается, просто. Всего три дня! Да пусть хоть неделю. Неужели Гюльчехра не сможет этого устроить? Не такая уж она маленькая.

Поблизости нигде не было видно почты. Но Абдуллу это не обескуражило. Он бодро зашагал в сторону гостиницы «Ленинград», там почта работала круглые сутки. Надо составить телеграмму так, чтобы было понятно только Гюльчехре. Он немного подумал и написал на бланке: «Если обратишься нужное учреждение все будет порядке Приветом Абдулла».

Он заплатил за телеграмму и вышел из гостиницы. У него словно гора с плеч упала.

Без сомнения, Гюльчехра тоже размышляла об этой возможности, о «нужном учреждении». Конечно, рано ей заводить ребенка, рано... Вот почему они никогда об этом и не говорили, им это просто в голову не приходило. Надо сначала встать на ноги, а уж потом думать о детях.

Разумеется, аборт — очень неприятная вещь, очень. Больно, наверно, и вообще... ужасно. Вряд ли после этого ему захочется близости с Гюльчехрой... Как нескладно все у них получилось! Конечно, теперь о женитьбе не может быть и речи. Гюльчехра будет переживать, она будет мучиться, но что поделаешь? Он думал, что любит ее, и ошибся. А кто не ошибается? Бывает, люди разводятся после десяти — пятнадцати лет совместной жизни. Разве он виноват в том, что полюбил Саяру? Сердцу не прика-

жешь, нет. Недаром люди говорят, что первая любовь счастливой не бывает. Гюльчехра должна это понять.

Абдулла дошел уже почти до самого общежития и вдруг остановил такси. Он поехал обратно, в гостиницу «Ленинград», и отбил еще одну телеграмму. В Ташкент, отцу. «Воля ваша Согласен с вами Приветом ваш сын Абдулла».

В Ташкенте Гюльчехра решила остановиться у своей однокурсницы Санобар. Девушка надеялась, что Санобар, эта немногословная, серьезная женщина, хоть и поругает ее, но зато и поможет больше, чем кто-либо, подскажет, как найти врача, принимающего на дому. Санобар вместе с мужем работала в горсовете, жили они в Чиланзаре. Гюльчехра была у них однажды, помнила, что напротив их дома находится большой гастроном, однако точного адреса не знала.

Долго кружила она в такси по Чиланзару, прежде чем обнаружила знакомое здание. Поднялась с чемоданчиком на третий этаж, нажала на кнопку звонка. Вот сейчас выйдет Санобар. Однако никто не открывал. Девушка еще раз позвонила — с тем же результатом.

Вдруг открылась соседняя дверь, и на лестничную клетку вышла девушка в синей форме стюардессы, с сумкой Аэрофлота через плечо. В маленьких ушах ее поблескивали клипсы в виде листочков.

— Вам кого? — спросила она, улыбаясь и показывая свои ровные белые зубки.

— Санобар-апа. Санобар Кадырову, — ответила Гюльчехра.

— А кем вы ей приходитеесь? — неожиданно прозвучал вопрос.

— Я ее знакомая, мы вместе учимся. Я приехала из Коканда. Так дома ли Санобар?

— Ах вот как, так вы и есть тот самый архитектор из Коканда? Ведь вы победили на конкурсе? — продолжала спрашивать девушка, не переставая улыбаться.

— Да.

— Санобар-апа много о вас рассказывала. Значит, вы раньше бывали здесь, как же я до этого ни разу вас не видела... Я тоже хочу поступить в ваш институт, стать ар-

хитектором. Мне так нравятся красивые дома... Скажите, а вы знакомы с академиком Сагдулаевым?

Гюльчехра отрицательно покачала головой.

— Я однажды была у него, — продолжала девушка. — Двухэтажный дом. На первом этаже зал, кухня, столовая. На втором этаже спальня, тут же рядом большая ванная... И все внутри — это, кажется, называется интерьером — до чего чудесно!.. Зайдешь — и не хочется уходить. Давайте знакомиться. Тамара. Я пока работаю в Аэрофлоте. На всесоюзной линии.

Гюльчехра пожала ей руку и тихонько напомнила:

— Так вы не сказали, где Санобар...

— А они уехали, — спокойно ответила стюардесса. — На Иссык-Куль. Всей семьей.

— Давно?

— Да неделю назад. А вернутся они дней через десять. Вам очень нужна Санобар?

Гюльчехра вместо ответа подняла свой чемодан.

— Ах, так вы хотели пожить у нее? Остановитесь у меня, — радушно проговорила девушка. — Я ведь одна живу. Пожалуйста, располагайтесь, пока они не возвратятся.

— Спасибо, спасибо, — промолвила Гюльчехра и направилась по лестнице вниз.

Стюардесса пошла за ней следом. Словно сквозь сон слышала Гюльчехра ее голос:

— Вы ведь с дороги. Хоть бы посидели немного у меня, отдохнули...

Они вышли на улицу.

— А у вас есть куда пойти? — спросила стюардесса.

Гюльчехра кивнула.

— Ну, в таком случае до свидания. Вон мой автобус подъехал. Может, нам по пути?

— Большое вам спасибо, — сказала Гюльчехра. — Вы не беспокойтесь, пожалуйста, я такси здесь подожду...

— Если не найдете, где остановиться, приходите ко мне! — крикнула стюардесса с подножки автобуса. — Я к вечеру вернусь!

Гюльчехра помахала ей рукой и, когда автобус скрылся за поворотом улицы, устало опустила на свой чемодан. Куда она теперь пойдет? В институт — уже поздно, а без предупреждения нагрянуть с чемоданом к какой-нибудь знакомой студентке со своего курса вроде и неловко.

Значит, остается только к бабушке Абсутай. Но это не так уж и плохо. Она веселая, гостеприимная. Только вряд

ли она сможет помочь в таком деле... Еще в первый приезд в Ташкент Касымджан предложил ей устроиться у этой старухи. Гюльчехра согласилась с благодарностью, она не считала для себя удобным жить одной в гостинице.

Дом Абсутай был на Лабзаке. Большой двор. Несколько комнат. Раньше она жила с сыном. Потом он вместе с женой уехал на строительство газопровода Бухара — Урал, и старуха осталась со своим внуком Зубайдой, который учился вместе с Касымджаном.

Гюльчехра остановила свободное такси и поехала на Лабзак. Уже стемнело, когда она зашла в ворота Абсутай. Старуха сидела посреди двора на супе и стегала ватное одеяло.

— Как поживаете, бабушка Абсутай? Как ваше здоровье? — спросила девушка.

— Да что может со мной случиться, дочка, слава аллаху, пока здорова. Вот скучно только. Не привыкла я одна. Ты садись посиди, сейчас я чай заварю.

— Куда ушел Зубайда?

— На практике, вместе уехали с Касымджаном. Садись, дочка, я сейчас!

И Абсутай засемила к очагу. Гюльчехра в душе даже обрадовалась тому, что молодых людей не было сейчас в Ташкенте. Ей теперь не до развлечений.

Вскоре бабушка Абсутай пригласила ее к столу.

— Надолго ли приехала?

Гюльчехра не знала, что ответить. И в самом деле, на сколько времени она приехала? Это, наверно, будет зависеть от врача...

— Поживу, пока не закончу дела. Может, неделю или две.

— Хорошо, дочка, хорошо. К этому времени и ребята подъедут. А теперь так. Ты тут посиди, попей чаю, а я быстренько приготовлю парамач. Я сегодня на базаре была, хорошее мясо купила.

Они долго разговаривали о том, о сем после ужина. И вот в какой-то момент Гюльчехра не выдержала: она посмотрела с болью на ласковую, предупредительную бабушку Абсутай и расплакалась. А потом раскрылась, поведала ей все, что лежало на сердце. Как могла старалась Абсутай успокоить девушку, хоть немного приободрить ее. А под конец сказала:

— У меня есть одна дальняя родственница, хороший человек, врач. Я завтра к ней схожу, посоветуемся. Только ты не плачь, не плачь, милая, мы что-нибудь придумаем.

Гюльчехра уснула в слезах.

Утром после завтрака Абсутай проводила девушку до ворот.

— Ты теперь не думай об этом негодном парне, — сказала старуха. — Он не человек. Если бы был человеком, разве бросил бы тебя? Не думай о нем.

Гюльчехра пообещала. Но как она могла о нем не думать?..

Возле трамвайной остановки кто-то взял ее под локоть:

— Что случилось, дочь моя, почему плачете?

Гюльчехра подняла голову. Слова участия произнес высокий седобородый аксакал. Он всматривался в нее добрыми близорукими глазами.

— Или кто обидел вас?

— Нет, — промолвила девушка. Она не знала, куда деваться от стыда, от смущения.

— Возьмите себя в руки, — произнес аксакал. — Я потому так говорю, что вижу: вы девушка волевая. Да, не спорьте...

Подошел, погромыхая, трамвай. Гюльчехра поспешила подняться в вагон.

В институте ее принял сам ректор.

— Проходите, проходите, товарищ Саидова, — проговорил он, выходя навстречу Гюльчехре. — А мы ожидаем от вас телеграммы. Где вы остановились?

— У своих знакомых, — ответила девушка и, подчиняясь знаку ректора, опустила в кресло.

— Это недалеко?

— Нет, прямо здесь, на Лабзаке.

— Ну что же... Если желаете, мы предоставим вам место в гостинице.

— Нет, спасибо. Мне там хорошо... Я всегда там останавливаюсь, когда приезжаю в Ташкент.

— Прекрасно. Гюльчехра, прежде всего я поздравляю вас с наградой. Ваша работа всем нам по душе. Конечно, есть в проекте отдельные, частные недостатки. Но это и в самом деле частности, мы потом об этом поговорим. Замечания в основном по интерьеру. Что же касается внешнего вида, то ваше кафе очень удачно komponуется с новой гостиницей. Строители предлагают возводить оба здания одновременно. Но ведь гостиница-то почти уже готова. Хотите посмотреть?

— Было бы неплохо.

— Хорошо. Я сам вас отвезу.

Ректор нажал на кнопку в углу стола, и в комнату вошла секретарша.

— Послезавтра в двенадцать собрание. Будут вручаться премии победителям конкурса...

Гюльчехра никак не ожидала, что все будет именно так. Она ехала в машине с ректором и как будто даже отвлеклась от своих волнений и тревог.

Через полчаса они подъехали к будущему студенческому городку. Строительство здесь велось ускоренными темпами. Куда ни глянь, везде подъемные краны, самосвалы...

— Вы посмотрите только, — с гордостью произнес ректор. — Через два-три года здесь все преобразится, все будет прекрасно, как сама молодость! И что примечательно, проекты многих зданий создали молодые архитекторы. Вот взгляните, уже можно себе представить, каким будет этот Дворец культуры. Его строят по проекту нашего аспиранта. Вам нравится?

— Очень даже!

— А вот это гостиница «Ешлик». Мы приехали.

Машина остановилась. Ректор вышел и протянул руку Гюльчехре.

— Но ведь здание уже готово, — с удивлением сказала девушка.

— Еще много работы. Однако к концу года обещают сдать.

Они вышли на широкую строительную площадку. Старик сторож двинулся навстречу гостям.

— Здравствуйте, Сулейман-ата! — любезно поздоровался с ним ректор. — Как ваши дела? Вот познакомьтесь с нашим молодым архитектором. Гюльчехра Саидова.

— Очень хорошо, очень хорошо! — старик оглядел девушку с головы до ног. — Говорите, архитектор?

— Ну да! — рассмеялся ректор.

Гюльчехра смутилась, опустила голову.

— Глядите-ка, оказывается, и из девушек выходят архитекторы.

— Да еще какие! А ну-ка, отец, показывайте свое хозяйство! Пойдемте!

Вечером бабушка Абсутай встретила уставшую Гюльчехру словами:

— Была я у своей родственницы. Она обещала помочь. Только она сначала хотела с тобой поговорить. Пойдем

к ней в начале будущей недели. Она сказала, чтобы ты не волновалась, все будет в порядке...

И Абсутай обняла девушку, погладила ее вздрагивающие плечи.

В тот день, когда вручались премии и награды, институтский зал был переполнен. Гюльчехру усадили в президиум. Было много всяких речей. Председатель жюри Захидов поздравил ее и вручил премию. Потом выступил ректор.

— Я очень рад, — сказал он, — что победительницей оказалась наша студентка. Вижу, что эту радость разделяет весь наш коллектив. Я от души желаю Гюльчехре новых успехов.

Гюльчехра вышла из института ошеломленная, у нее кружилась голова. «Я недостойна таких похвал, — думала девушка. — Надо будет обязательно посоветоваться с преподавателями насчет типовых построек в Мингбулаке. Как все-таки избежать однообразия?»

— Можно бы и отметить премию! — услышала она чей-то голос.

Группа третьекурсников окружила ее:

— Поздравляем, поздравляем!

— Спасибо! — Гюльчехра пожала всем руки. — Я готова. Можем сейчас и отметить.

— Отлично! Тогда — в ресторан «Бахор»! — крикнул вихрастый молодой парень.

— Нет, нет! — возразили ему. — Пусть сначала построят кафе. Вот когда мы увидим его в металле, стекле и камне, тогда Гюльчехра-апа устроит нам хорошее угощение!

— Согласна! — Гюльчехра улыбнулась. — Мы непременно так и сделаем.

Студенты весело попрощались и ушли. Гюльчехре еще рано было возвращаться домой, и она направилась в сторону Урды. В самом деле, что она будет делать с премией? Девушка открыла сумочку и потрогала конверт с деньгами. «Да, большая сумма. Отправить домой, отцу? Или же купить подарков? Тут на все хватит», — решила она.

Следующие два дня Гюльчехра почти целиком посвятила хождению по магазинам, покупкам. Позаботилась она и о бабушке Абсутай: преподнесла ей голубой шерстяной отрез на платье. Старуха растрогалась, даже молитву прочитала. Конечно, Гюльчехра и себе купила кое-что из одежды. Еще в прошлый свой приезд в Ташкент она мечтала приобрести белые индийские туфельки. Не нашла она

их и теперь. Однако продавщица отдела обуви в ЦУМе посоветовала ей зайти послезавтра, туфельки привезут чешские, но они ничуть не хуже индийских.

В тот же день Гюльчехра решила поехать в строящийся студенческий городок. Девушку тянуло туда, ведь там будет стоять ее здание!

Старик сторож обрадовался Гюльчехре, угостил ее большим ломтем дыни хандалаки. Девушка походила немного по строительной площадке, а потом поднялась на пятый этаж гостиницы.

— Будь осторожна, дочка! — крикнул ей снизу Сулейман-ата. — Далек ли до греха, здание еще не закончено!

Гюльчехра не послушалась его, вышла на балкон, еще не огражденный перилами, и прислонилась к дверному косяку.

Город был перед нею, рядом с нею.

Сквозь изумрудную листву громадных чинар и тополей просвечивали белые и красные крыши домов. Вдалеке вырисовывались контуры гор. Вершины их отливали серебром на солнце. Легкий ветерок шевелил пряди волос, оведал лицо, шею.

«А что, если крышу кафе превратить в веранду? — вдруг подумала Гюльчехра. — Нет, к сожалению, придется во многом изменить проект... Стоит все-таки попробовать — вчерне». Девушка спустилась вниз.

— Ну как, нравится? — спросил Сулейман-ата.

— Что и говорить... И воздух такой хороший, так легко дышится.

— Э, дочка, здесь будет рай, да и только. Ну да тебе лучше знать, как здесь будет, — сказал старик.

Гюльчехре было пора домой, на Лабзак. Когда она добралась до Хадры, вдруг вспомнила о чешских туфельках в ЦУМе. Трамвай довез ее до театра Навои.

Народу в магазине было много, однако продавщица, увидев Гюльчехру, поманила ее к себе:

— Вот, можете примерить.

Гюльчехра села на стул рядом с прилавком. Туфельки и в самом деле оказались очень красивые: аккуратно скроенные, белые, по началу подъема — тоненькая золотая цепочка, и каблук не слишком высокий, удобный.

Девушка примерила их — подошли на диво!

— Большое вам спасибо, — сказала она продавщице.

Та в один миг вложила туфельки в коробку и выписала чек.

— Поздравляю с удачной покупкой, — произнес кто-то сзади.

Девушка обернулась и увидела Шаходат-холу. И сразу словно туман поплыл перед глазами Гюльчехры.

— А я давно за тобой наблюдаю, думаю: Гюльчехра это или нет? Ну, как поживаешь, как домашние? Все ли в порядке? Когда приехала?

— Я здесь уже четыре дня, — девушка сама не узнала своего голоса. — Меня вызвали в институт.

— Ну разве так можно, милая? Уж сколько прошло времени, а ты даже к нам не заглянула!

— Загляну. Как ваше здоровье? — спросила девушка. А глаза помимо ее воли отметили поразительное сходство в выражении лица Шаходат-холы и Абдуллы. — Как поживает Гафурджан-ака?

— Слава аллаху. Сейчас ему немного лучше. Мы, старики, сейчас живем предстоящей свадьбой...

— Свадьбой?!

— Решили поженить нашего Абдуллу.

Гюльчехра была вынуждена облокотиться о прилавок.

— Он учится вместе с ней, — продолжала Шаходат-хола. — Она славная девушка. Знаешь, кто у нее отец? Академик Курбанов. Ты, наверно, о нем слышала. Так вот. Наверно, в июне и соберемся. Все уже слажено...

— Поздрав... Поздравляю, — у Гюльчехры было впечатление, будто кто-то другой говорит за нее. — Пусть будут счастливы... — Она собрала все свои силы и выпрямилась. — Пусть будут счастливы...

У нее совершенно выпало из памяти, как она простилась с Шаходат-хойлой, как вышла из магазина, как пришла на Лабзак. Она что-то проговорила Абсутай, которая суежилась во дворе, поднялась в дом, в свою комнату, и легла на кровать.

Через некоторое время бабушка Абсутай заглянула к девушке. Гюльчехра посмотрела на нее ничего не выражающими, безразличными сухими глазами.

— Что случилось, дочь моя?! — спросила старуха.

Гюльчехра не ответила. Так она пролежала до самого вечера. А потом вдруг поднялась с постели, вынула из корбки белые туфельки, надела их и вышла во двор.

— Куда ты в такую пору, доченька? — забеспокоилась бабушка Абсутай.

— Я прогуляюсь немного, у меня голова болит, — сказала Гюльчехра и направилась к воротам.

— Не задерживайся, поздно ведь уже! — крикнула ей вслед Абсутай.

Девушка шла пешком до самой Урды. «Хорошие я купила себе туфли,— подумала она у поворота.— Совсем новые, а не жмут, мягкие, легкие, красивые...»

Подошел трамвай. Двери его открылись, как бы приглашая Гюльчехру войти. Безотчетно взялась она за поручень, поднялась на подножку, вошла в полупустой вагон. Трамвай тронулся, рывками набирая скорость.

Девушка села у окна. Огни рекламы, бесчисленные фонари, подобно ханатласу, переливались, горели на широкой улице.

Гюльчехра долго кружила по городу. Сошли последние пассажиры, она осталась одна... вагон был без кондуктора. Это не испугало девушку, она казалась очень спокойной.

Дзинь-дзинь!.. Трамвай остановился. Гюльчехра сидела, по-прежнему не отрывая глаз от окна.

— Девушка, вы где выходите?

Гюльчехра подняла голову. Перед ней стоял вагоновожатый.

— А мы куда приехали?

— К студенческому городку.

— Я здесь выйду.

Гюльчехра торопливо поднялась с места.

— Вот диво,— тихо проговорил ей вслед вагоновожатый.— Бывают же странные люди на свете.

Она напрямик направилась к гостинице «Ешлик» и вскоре очутилась на строительной площадке. Как раз в это время сторож Сулейман-ата выглянул из своей будки.

— Кто там? — крикнул старик.

— Это я, Гюльчехра,— ответила девушка.

— Что, дочь моя, не спится? — сразу узнал ее старик.

— Скучно мне стало... Вышла погулять, прошлась немного по улицам. Сулейман-ата, как вы думаете, понравится мое здание людям?

Гюльчехра теперь явно волновалась, нервничала. Голос у нее был такой... Сулейман-ата попробовал ее успокоить:

— Дочь моя, еще как понравится! Гостиница будет самым красивым зданием в городе! О аллах, сделай так, чтобы век твой, доченька, был долгим!

— Спасибо, ата.

— Да, ты уж можешь мне поверить. Сулейман-ата не врет. Люди будут хорошо о тебе думать. Это уж точно. Твое кафе будет местом радости, отрады.

— Да сбудутся ваши слова, ата.

Девушка призадумалась. А Сулейман-ата какими-то новыми глазами посмотрел на здание гостиницы, и показалось ему, что оно похоже на громадную птицу, распростершую широкие крылья. Старик даже удивился вслух:

— Ты погляди только, гостиница-то словно полететь собирается!..

Молодая женщина не ответила. Она постояла еще в раздумье, а потом исчезла в темноте. Сулейман-ата немного подумал, окликнул ее раза два и пошел к себе в будку. Старик снова захотел чаю.

А Гюльчехра, чуть слышно постукивая каблучками по ступенькам, осторожно поднялась на пятый этаж темного здания. Как и утром, вышла она на балкон, еще не огражденный перилами, прислонилась плечом к стене.

Лунный был вечер над Ташкентом, светлый. Легкий, прохладный ветерок поправил прядку волос на виске девушки. В отдалении листья громадных чинар и тополей блестя, словно великое множество серебряных монет.

Вдруг луна поплыла, замелькала в заблудившемся дырявом облаке, подгоняемом ветерком. Гюльчехра пристально смотрела на луну, всем своим существом ощущая ее плавное стремительное движение. Она даже подалась немного вперед, и какое-то мгновение она и луна словно бы плыли вместе. Но тут Гюльчехра вспомнила, что находится на балконе, и резко отпрянула назад. Она отвела назад и обе руки, чтобы опереться о спасительную стену. Но ее не было. Гюльчехра забыла, что она стояла боком к стене!

«Мама!» — хотела крикнуть она, но крик застрял в ее горле. Она уже падала.

Касымджан и Зубайда вернулись в Ташкент с практики через три дня. Когда бабушка Абсутай поведала им о смерти Гюльчехры, они онемели от ужаса.

— Ее позвала за собой мать, ее мать!.. — причитала старуха. — А во всем виноват этот парень! Этот проклятый Абдулла!

Касымджан сразу же отправился на вокзал. Вечером он уже был в Мингбулаке. У ворот дома Гюльчехры толпился народ, слышался женский плач.

Касымджан подошел к Самаду, еще издали увидевшему его.

— Когда похоронили?
— Вчера,— ответил Самад, не поднимая глаз.
— Как чувствует себя Ганишер-ака?
— Не спрашивай,— прозвучал ответ.— Со вчерашнего дня он ничего не сознает. Мы уложили его в доме Нормата-ака. Врача вызвали.

— Абдулла знает? — спросил Касымджан.

— Да...

— Кто сообщил?

— Нигяра. Она на почте работает.

— Откуда она взяла его адрес?

— Гюльчехра ходила на почту, получала от него письма... Ну-ка давай отойдем в сторонку.

Они перешли через мостик и сели на берегу канала.

— Вот что не пришлось увидеть Гюльчехре,— сказал Самад и протянул товарищу последнюю телеграмму Абдуллы.

— От кого это?

— От кого еще может быть?..

Касымджан прочитал телеграмму. Пальцы его сами собой сжались в кулаки.

— Да его убить мало... Мерзавец! А мы еще ему завидовали... Да... Ученым стать можно, человеком стать нелегко...

Они долго сидели молча.

В это время Абдулла подъезжал к Мингбулаку на попутной машине. Он сидел в кузове, его трясло. Впрочем, его трясло и в самолете, на всем пути от Ленинграда до Ташкента, и в поезде — от Ташкента до Коканда. Никак не мог он унять дрожь, которая охватила его, когда он прочитал телеграмму Нигяры. В телеграмме было написано, что Гюльчехра умерла. Как, что, почему — не сообщалось. Но Абдулла знал, твердо знал, что именно он виноват в ее смерти.

На всем пути следования, куда бы он ни смотрел, перед ним стояла Гюльчехра, глядя на него своими черными глазами. Ее лицо было так близко от его лица, руки ее с тонкими красивыми пальцами разве что его не касались...

Он подошел к знакомым воротам на окраине кишлака. Не заперто! Во дворе никого не было. Абдулла поднялся на веранду.

— Бабушка! — позвал он тихо.

Никто не отвечал.

— Дядя!

Никакого ответа.

Вдруг со скрипом отворилась дверь внутри дома. Абдулла вздрогнул. К нему вышел, протирая заспанные глаза, его маленький брат:

— Это вы? Здравствуйте...

— Где все домашние? — спросил Абдулла, обнимая ребенка.

— Они в доме у Ганишера-ака. Умерла его дочь.

— Как это случилось?

— Она упала с высокого дома. Этот дом она сама построила в Ташкенте. И разбилась.

Абдулла опустил голову.

— Бабушка проклинала вас, — сообщил мальчик таинственным тоном. — И мой отец вас ругал. Бабушка сказала, что у нее больше нет внука. Что вы такого натворили, Абдулла-ака?

Абдулла не ответил. Он медленно спустился с веранды и, спотыкаясь, пошел к воротам. Сквозь слезы, застилавшие глаза, он почти ничего не видел.